

П-74

СОВЕТСКОЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЕ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

1955

П-74
АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

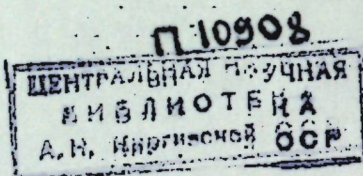
СОВЕТСКОЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЕ

ВЫХОДИТ ШЕСТЬ РАЗ В ГОД

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

МОСКВА ~ 1955

ОБ ИЗУЧЕНИИ ЭКОНОМИКИ СТРАН ВОСТОКА

Советские ученые уделяли и уделяют большое внимание изучению экономических процессов в странах Востока. Экономисты-востоковеды проделали немалую работу и внесли ценный вклад в науку, опубликовав ряд трудов по экономике восточных стран на первом этапе общего кризиса капитализма.

Вторая мировая война привела к резкому углублению и обострению общего кризиса капитализма. Одной из наиболее существенных особенностей нового этапа этого кризиса явился начавшийся распад колониальной системы империализма. Шестисотмиллионный китайский народ вырвался из-под ига империализма и, создав свою народную республику, вступил на путь социалистического развития. Образовались Корейская Народно-Демократическая Республика и Демократическая Республика Вьетнам, строящие народное хозяйство на новых, демократических основах.

В Индии, Индонезии, Бирме, завоевавших суверенитет, усиливается борьба за независимое экономическое развитие, растут силы сопротивления иностранным монополиям, которые пока занимают значительные позиции в народном хозяйстве этих стран. Ширится национально-освободительное движение в странах Азии и Африки, еще не освободившихся от колониального гнета. Народы Востока не хотят больше оставаться в колониальной зависимости. Состоявшаяся в апреле этого года в Бандунге конференция 29 стран Азии и Африки, население которых составляет более половины всего человечества, ярко продемонстрировала непреклонную волю народов к независимому существованию.

Рассматривая работу советских экономистов-востоковедов в свете требований, выдвигаемых великими историческими переменами в странах Востока, следует признать, что эта работа явно недостаточна как по количеству издающихся трудов, так и по их тематике. Изучение экономики стран Востока все еще не отвечает тем задачам, которые стоят перед советскими учеными. После войны было издано небольшое число монографий по экономике отдельных стран Востока. Круг стран, экономика которых освещалась в этих книгах, был весьма узок. Некоторые из этих работ отражают уже прошедший этап в экономическом развитии стран Востока, где ныне произошли огромные политические и экономические изменения (книжки Е. Ф. Ковалева и В. А. Масленинкова по экономике гоминьдановского Китая, книжки А. М. Дьякова и С. М. Мельман об Индии, Л. Н. Ватолиной об Египте, В. Я. Васильевой об Индо-Китае). Некоторые из интересных по содержанию монографий, например, книга М. И. Лукьяновой по экономике Японии, ограничивают свой анализ периодом второй мировой войны и не дают освещения современных проблем. Совсем мало вышло книг по общим вопросам экономики стран Востока.

Советская общественность с огромным интересом следит за экономическими преобразованиями и строительством в странах народной демократии Востока, прежде всего в Китайской Народной Республике. Но за последние годы вышло в свет лишь несколько небольших книг, по преимуществу исследующих частные вопросы экономической жизни Народного Китая — финансы, товарооборот. Советские читатели ожидают от наших ученых серьезных исследований по таким важным вопросам, как особенности переходного периода, экономический строй и экономическое строительство во всех народно-демократических странах Востока. Особенно важно глубокое изучение вопросов индустриализации, развития государственного и государственно-капиталистического секторов хозяйства, социалистических преобразований в деревне и тех общих экономических изменений, какие происходят за последние годы в Китайской Народной Республике в связи с выполнением пятилетнего плана. Слабо изучаются нашими востоковедами такие вопросы, как экономическое развитие Монгольской Народной Республики, хозяйственное восстановление Корейской Народно-Демократической Республики. Еще по существу не начато изучение экономики Демократической Республики Вьетнам. Крупным недостатком в деятельности советских экономистов-востоковедов является отсутствие исследовательских работ о новых формах экономического и политического сотрудничества, установившегося между народно-демократическими странами Востока и во всем демократическом лагере.

Освещение демократических преобразований и социалистического строительства в народно-демократических странах Востока поможет лучше представить перспективы исторического развития других стран Востока. При изучении народного хозяйства экономически отсталых стран экономисты-востоковеды не всегда достаточно внимательно исследовали специфические формы и степень экономической зависимости этих стран от империализма, не учитывали экономических результатов борьбы антиимпериалистических сил. Между тем недостаточно конкретный подход к изучению экономики различных по степени зависимости от империализма стран неизбежно приводит к схематическим, бессодержательным выводам. В частности, при таком методе изучения нельзя было дать научную оценку экономическим изменениям в тех странах, народы которых, завоевав государственную независимость, вступили на путь самостоятельного развития.

В погоне за максимальной прибылью монополии усиливают экспорт капитала в страны Востока, но вывоз капитала ускоряет развитие капитализма в этих странах. Дialeктика экономического развития стран Востока такова, что экспорт капитала способствует образованию и укреплению сил, противодействующих империализму. Растет сознательность и организованность рабочего класса, выступающего в авангарде антиимпериалистических сил, обостряется борьба национальной буржуазии с империалистами. При изучении сил, противостоящих экспансии иностранных монополий, некоторые востоковеды неправильно освещали позиции национальной буржуазии, непосредственные интересы которой ущемлялись господством иностранного капитала. Между тем правильный экономический анализ помог бы глубже понять расстановку классовых сил, избежать ошибок в оценке политического положения.

Часто авторы, без достаточных на то оснований, выдают отдельные мероприятия национальной буржуазии, имеющие объективно прогрессивное значение для данной страны, за сугубо реакционные маневры правящих кругов. Таково, например, отношение отдельных авторов к так называемой политике этатизма, проводившейся в свое время правительством Кемали Ататюрка в Турции. Эта политика в конкретно-исторических условиях 30-х годов имела, несомненно, прогрессивное значение. Она в какой-то

мере защищала национальные интересы Турции и укрепляла ее позиции в борьбе за экономическую независимость. Не случайно в этот период именно Советский Союз оказал Турции значительную экономическую помощь, предоставив на исключительно выгодных условиях кредит для строительства промышленных предприятий.

Ошибочность предвзятого подхода к анализу экономических мероприятий национальной буржуазии становится особенно очевидной в настоящее время. Народы лагеря мира, демократии и социализма во главе с Советским Союзом и Китайской Народной Республикой с глубоким сочувствием и пониманием относятся к усилиям народов Востока, направленным на развитие национальной экономики. За последнее время у некоторых из суверенных государств Востока появилось стремление к установлению тесных экономических взаимоотношений со странами демократического лагеря. Это стремление является результатом мощного движения народов этих стран за освобождение от экономического закабаления иностранными монополиями. Соглашение СССР с Республикой Индии о строительстве металлургического комбината, строительство ряда предприятий в Афганистане, взаимовыгодные торговые соглашения с другими странами Востока, договоры Китайской Народной Республики с Индонезией, Цейлоном и Бирмой свидетельствуют о новых возможностях в экономическом развитии, открывающихся перед странами Востока.

Ослабление позиций иностранных монополий в странах Востока обусловлено распадом колониальной системы империализма. Вызванное этим распадом сокращение сферы приложения капиталов иностранных монополий к мировым ресурсам неизбежно приводит к усилению конкурентной борьбы монополий за источники сырья и рынки сбыта товаров и за сферы приложения капиталов. Милитаризация народного хозяйства западных государств, борьба за рынки сбыта и источники стратегического сырья, особенно сырья, необходимого для изготовления атомного оружия, за создание военных баз, за людские контингенты для пополнения армий — чреваты новыми острыми противоречиями. Эти противоречия развиваются как между самими капиталистическими странами Запада, так и между ними и странами Востока.

Проникновение иностранных монополий в колониальные и зависимые страны маскируется фразами о якобы бескорыстной экономической помощи отсталым странам, об отказе от колониализма. Находящиеся на службе у монополий ученые пытаются теоретически обосновать подобные заявления. Разоблачение таких «теорий» возможно только на основании тщательного изучения конкретных форм, в которых проявляется действие основного экономического закона современного капитализма, распространяющегося на все страны, входящие в систему капитализма, вне зависимости от уровня их экономического развития.

В наших экономических работах часто повторяется общезвестное положение о том, что капиталисты в погоне за максимальными прибылями усиливают проникновение в страны Востока. Но одной лишь такой констатации явно недостаточно. Необходимо на конкретных фактах показать, как и какими методами и через какие каналы извлекается максимальная прибыль, какие классовые прослойки являются опорой иностранного капитала в данной стране, при каких условиях и в каких формах происходит его проникновение.

Однако было бы неверно утверждать, что действие основного экономического закона современного капитализма в равной степени проявляется во всех странах капиталистического Востока. Извлечение максимальной прибыли иностранными монополиями наталкивается на растущее сопротивление патристических сил (рабочего класса, крестьянства, националь-

ной буржуазии). Некоторые исследования наших экономистов — японоведов и индологов — дали содержательный анализ деятельности монополистического капитала. Необходимо продолжить работу в этом направлении, сосредоточив особое внимание на освещении методов и форм проникновения иностранных монополий в народное хозяйство стран Востока.

На втором этапе общего кризиса капитализма произошли серьезные изменения в формах и направлении такого важнейшего средства империалистической эксплуатации трудящихся Востока как вывоз капитала. В странах, вступивших на путь суверенного развития, иностранный капитал уже не может рассчитывать на бесконтрольное хозяйничанье. Поэтому он прибегает к разнообразным формам «соучастия» в национальных компаниях, стремясь подчинить их методами финансового и технического контроля.

После второй мировой войны продолжается эксплуатация экономически отсталых стран по линии неэквивалентного обмена. Захватывая новые богатейшие источники сырья (например, нефть арабских стран) и развертывая промышленное производство заменителей (например, синтетического каучука), монополии усиливают контроль над ценами на сырье, поступающее из стран Востока. В то же время милитаризация народного хозяйства западных держав способствует сохранению монополиями относительно высоких цен на оборудование и потребительские промышленные товары, экспортируемые в восточные страны. Политика цен, проводимая иностранными монополиями, оказывает дезорганизующее влияние на народное хозяйство стран Востока. В экономических работах востоковедов эти явления пока не получили должного освещения.

Исследование форм и методов империалистической эксплуатации, а также причин подъема национально-освободительного и антифеодального движения невозможно без глубокого изучения аграрных отношений. Между тем в послевоенные годы издано лишь несколько монографий по аграрному вопросу в странах современного Востока. Только в последнее время институты востоковедения и экономики АН СССР приступили к широкому изучению аграрного вопроса в странах Востока.

При исследовании характера и значения аграрных реформ, проведенных в последнее время в Индии, Египте, Бирме, Сирии, Японии, Турции и других странах Востока, наши аграрники порой забывают, что те или иные изменения, происходящие в земельных отношениях на Востоке, являются результатом борьбы крестьянских масс во главе с рабочим классом. Не всегда достаточно тщательно изучается расслоение крестьянства, усилившееся в ряде стран после проведения этих реформ. Отмечая разорение большинства крестьян, некоторые исследователи не замечают укрепления капиталистических элементов в деревне.

В послевоенные годы не появилось ни одной монографии, посвященной положению рабочего класса в колониальных и зависимых странах Востока, формам и методам эксплуатации рабочего класса, особенностям классовой борьбы пролетариата. Между тем после второй мировой войны в положении рабочего класса в колониальных и зависимых странах Востока произошли огромные изменения. Рабочий класс в этих странах вырос, изменилась его структура, повысилась сознательность и организованность. В тяжелых условиях милитаризации и чрезвычайных законов профсоюзы ведут борьбу за улучшение экономического и правового положения рабочего класса в странах Востока, включенных в систему военных блоков или подпавших под иностранную оккупацию. Рабочий класс в ряде стран Востока стал ведущей силой национально-освободительного движения, а в народно-демократических странах Востока занял руководящее положение в государстве.

До последнего времени у нас не было исследований по экономике стран африканского континента, не освещены вопросы рабочего движения и противоречия империалистических держав в странах Африки, нет монографий о народном хозяйстве стран Юго-Восточной Азии, в том числе Индонезии и Бирмы. Нет ни одной обстоятельной работы по экономике Турции, Египта и арабских стран.

Задачи советских востоковедов не ограничиваются только современными проблемами. Великие победы народных демократий на Востоке и Западе, серьезные сдвиги, которые происходят сейчас в экономически отсталых странах, открыли новые горизонты и новые возможности в изучении исторического прошлого народов Востока. Перед нами стоят задачи дальнейшего изучения экономических процессов, лежавших в основе исторических событий в различные эпохи жизни общества.

Если в области восточной филологии и политической истории дореволюционное русское востоковедение оставило нам богатое наследство, то экономические проблемы стран Востока разработаны русскими востоковедами в значительно меньшей степени. Заслугой советских ученых 20—30-х годов является то, что они с материалистических позиций приступили к изучению отдельных вопросов истории народного хозяйства стран Востока. Работы таких крупных советских ученых, как акад. Б. Я. Владимирцов, акад. В. В. Струве и другие, внесли много ценного в изучение экономических отношений, существовавших в древнем мире и при феодализме. Их исследования способствовали разоблачению теорий о так называемой извечной отсталости стран Востока и доказали, что народы Востока проходили те же этапы общественно-экономического развития, что и народы западных стран.

После войны издано несколько монографий о феодальном способе производства в странах Востока (Б. Д. Греков и А. Ю. Якубовский о Золотой Орде и др.). Однако изучение многих важнейших вопросов истории экономического развития стран Востока все еще отстает от требований жизни. По ряду стран Востока неисследованными остаются формы феодального землевладения и землепользования. Недостаточно изучен вопрос о значении феодальной государственной собственности на землю, без решения которого не могут получить научной оценки централизаторские тенденции в отдельных государственных образованиях. Нет капитальных исследований об экономике феодального города на Востоке, организации его ремесла и торговли.

Большой научный интерес представляют производственные отношения в промышленности стран Востока накануне колониальных захватов. Не исследовав этого вопроса, нельзя решить проблемы о так называемом отставании Востока и степени экономического застоя, вызванного колониальным завоеванием.

Колониальная эксплуатация сильно деформировала экономические отношения, которые существовали в странах феодального Востока накануне колониального порабощения. До сих пор нет монографий, в которых были бы исследованы такие узловые проблемы, как изменения в феодальном способе производства на Востоке в период первоначального накопления и промышленного капитализма, серьезные перемены, происшедшие в конце XIX и начале XX вв. под воздействием империалистической эксплуатации в крестьянском хозяйстве, в характере его арендных взаимоотношений с феодальным землевладельцем, усиление зависимости от мирового капиталистического рынка мелкотоварного хозяйства крестьян и ремесленников. В ходе разорения крестьянских хозяйств и непролетарского обнищания крестьянства образуется огромное скрытое аграрное перенаселение, отличающееся рядом полуфеодальных черт. В городах

в условиях закабаления непосредственного производителя торгово-ростовщическим капиталом начинает развиваться капиталистическая мануфактура.

Без исследования этих и связанных с ними процессов нельзя дать правильное и обоснованное объяснение таких важнейших вопросов новой истории стран Востока, как формирование рабочего класса и национальной буржуазии, содержание классовой борьбы и национально-освободительного движения. Эти процессы в ряде стран Востока остаются неисследованными. Естественно, что недостаточная изученность развития производительных сил и производственных отношений неблагоприятно отражается на научном качестве работ по новой истории стран Востока. Вместо истории трудящихся — производителей материальных благ в ряде работ содержатся субъективистские описания политики отдельных колониальных администраторов и местных феодальных правителей.

Экономические и политические изменения, происходящие в странах Востока, их всемирно-историческое значение для исхода борьбы народов за национальную независимость, мир, демократию и социализм, против сил империализма, угнетения и войны выдвигают перед советскими востоковедами ответственнейшие задачи. Востоковеды, вооруженные марксистско-ленинским учением об основных законах общественного развития, имеют все возможности, чтобы дать нашей стране ценные научные работы.

Правильно понять и объяснить специфику развития стран Востока можно только на основе творческого применения идей марксизма-ленинизма об общих закономерностях исторического процесса. Лишь сочетание марксистско-ленинской методологии с глубоким знанием фактов может привести к появлению полноценных в теоретическом отношении исследований. Еще нередко у нас подменяют научный анализ тех или иных конкретных явлений механистическим распространением отдельных высказываний классиков марксизма-ленинизма на явления, относящиеся к совершенно иным историческим эпохам, забывая марксистское положение, что истина конкретна.

Важнейшим средством повышения теоретического уровня работ советских востоковедов-экономистов является развертывание научной деловой критики и дискуссий. Однако без привлечения большого экономического материала дискуссии об основных экономических законах, действующих на разных этапах развития колониальных и зависимых стран, порой приобретают схоластический характер. Вместо научного анализа подлинных экономических явлений и их взаимосвязей иногда высказываются абстрактные истины о взаимодействии или о противоречивости отдельных экономических законов. Подобные высказывания имели место и на проведенной в Институте востоковедения Академии наук СССР в целом полезной дискуссии об особенностях экономического развития колониальных и зависимых стран в эпоху империализма. Не случайно в Институте востоковедения откладываются многие, давно запланированные дискуссии, например, обсуждение проблем генезиса капитализма в странах Востока, ибо при современной степени изученности темы дискуссия может превратиться в бессодержательную «постановку вопроса».

Успешное разрешение сложных вопросов экономики стран Востока невозможно без тщательного и глубокого изучения первоисточников. Ценнейшим вкладом в науку являются труды Мао Цзэ-дуна, обобщающие опыт великой китайской революции. Труды Мао Цзэ-дуна, а также статьи и речи таких крупнейших политических деятелей стран Востока, как Лю Шао-ци, Чжоу Энь-лай, Ким Ир Сен, Хо Ши Мин, помогают советским востоковедам разобраться в сложных явлениях современной действительности на Востоке.

Источники, характеризующие докапиталистический экономический строй стран Востока, выявлены и изучены значительно менее полно, чем материалы по политическому строю и культуре. Отдельные работы советских и зарубежных востоковедов, например, исследование П. П. Иванова «Хозяйство джуйбарских шейхов», показывают, какие большие научные перспективы открывает изучение первоисточников по экономической истории стран Востока. Экономисты и историки уделяют непростительно мало внимания истории экономической мысли на Востоке, изучение которой, несомненно, углубило бы наши знания как по истории народного хозяйства, так и об экономических интересах отдельных классов в различные исторические периоды.

Большие затруднения встречает экономист, изучающий народное хозяйство стран Востока в новое и новейшее время. Статистика колонизаторов немало сделала, чтобы запутать и исказить сведения о важнейших экономических процессах в странах Востока. Тем большие научные возможности дает исследователю использование источников на восточных языках. В странах Востока появилась довольно обширная национальная литература по отдельным вопросам экономики и, в частности, по вопросам проникновения и деятельности в этих странах иностранных монополий. Качество вновь поступающих экономических материалов значительно повысилось, так как в народно-демократических государствах Азии и некоторых других странах Востока улучшилась статистическая работа.

Значительную помощь в привлечении новых материалов могут оказать и оказывают работники научных библиотек. В результате укрепления культурных связей с учеными зарубежных стран и, в частности, развития книгообмена, востоковедные фонды пополнились многими ценными материалами.

Существенным недостатком в комплектовании наших востоковедных фондов является то, что новые книги, особенно иностранные, можно найти лишь в библиотеках Москвы, отчасти Ленинграда. В результате востоковеды-экономисты в периферийных научных центрах встречаются с большими затруднениями в своей научной работе. Библиографам-востоковедам необходимо в тесном сотрудничестве с научными работниками упорядочить приобретение востоковедных изданий в Советском Союзе и за рубежом.

Следует повысить экономическую и языковую подготовку студентов и аспирантов на восточных отделениях университетов и в аспирантуре научно-исследовательских институтов. Специализацию студентов и аспирантов нужно проводить в соответствии с действительными потребностями научных и других государственных учреждений.

В настоящее время в научно-исследовательских институтах Москвы экономикой Востока занимается сравнительно небольшой круг научных работников. Они не в состоянии разработать все многообразные и сложные вопросы экономики стран Востока. Решить эти вопросы можно только объединенными усилиями всех востоковедов — научных и практических работников и преподавателей Москвы, Ленинграда, городов Средней Азии, Закавказья и других востоковедных центров. Большие научные перспективы открывает сотрудничество с учеными стран Востока, в первую очередь народно-демократических стран. Примером такого сотрудничества является плодотворная совместная работа советских и монгольских ученых над «Историей Монгольской Народной Республики».

Немалая доля ответственности за отставание в области изучения экономики Востока лежит на руководстве Института востоковедения АН СССР, призванного возглавить работу востоковедов нашей страны. Институт должен незамедлительно наладить координацию всех сил экономистов-

востоковедов, установить более тесную связь с Институтом экономики АН СССР, где ведутся исследовательские работы по экономике стран Востока, а также с институтами национальных республик. Нужно также привлечь к работе ученых, занимающихся общими проблемами современного мирового капиталистического хозяйства. Назрела необходимость созыва совещания специалистов, занимающихся изучением экономики стран Востока и смежных проблем.

Направление и содержание научной работы востоковедов-экономистов должно отвечать тем требованиям, которые выдвигают строительство коммунизма в нашей стране и социалистические преобразования в народно-демократических государствах Востока.

СТАТЬИ

ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ НА ДАЛЬНОМ ВОСТОКЕ ПОСЛЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

И. М. ЛЕМИН

I

2 сентября 1945 г. подписанием акта о безоговорочной капитуляции империалистической Японии закончилась вторая мировая война. Поражение японского империализма, как главного очага фашизма и агрессии на Востоке, и освобождение Китая от японских захватчиков имели громадное положительное значение для демократического развития стран Азии, и не только Азии.

Важнейшим историческим фактором, открывшим путь для демократического преобразования стран Дальнего Востока, было участие Советского Союза в войне против Японии и его выдающаяся роль в разгроме японских вооруженных сил¹. Советские вооруженные силы наголову разгромили японскую Квантунскую армию, освободили всю Маньчжурию, Южный Сахалин, Северную Корею, Курильские острова. Японская армия потеряла убитыми свыше 80 тыс. солдат и офицеров, несколько сот тысяч сдались в плен. Империалистическая Япония капитулировала. Перед народами Азии и Дальнего Востока открылась широкая дорога свободного, демократического развития.

В результате совместных усилий союзных во время войны государств японский империализм потерпел сокрушительное поражение и сколоченная им колониальная империя развалилась. В соответствии с Каирской декларацией (1 декабря 1943 г.), Ялтинским соглашением (11 февраля 1945 г.) и Потсдамской декларацией (26 июля 1945 г.) восстанавливались законные права Советского Союза на Южный Сахалин и ему передавались Курильские острова; Китаю возвращались Маньчжурия, Тайвань и прилегающие острова; восстанавливалась независимость Кореи.

¹ Даже из всех американских официальных документов и мемуаров явствует, что окончание войны против Японии планировалось лишь примерно к началу 1947 г. Бывший военный министр Генри Стимсон в своих мемуарах приводит составленный им меморандум, в котором следующим образом характеризуется военное положение на Тихоокеанском театре к лету 1945 г.: «Япония обладает еще пятимиллионной армией, причем двухмиллионная армия расположена в Маньчжурии, Корее и Китае; японская армия фактически нетронута, она будет сражаться до конца; вторжение союзных войск может быть проведено успешно не ранее конца 1946 г. и будет стоить только американцам один миллион жизней». (H. Stimson and M. Bundy. On active service in peace and war. New York, 1948, p. 619).

9 августа 1945 г. Советский Союз вступил в войну и это коренным образом изменило ситуацию.

Ослабели на Дальнем Востоке и позиции европейских колониальных держав — Англии, Франции, Голландии, сильно подорван был их престиж; они не сумели защитить свои владения и дать какой-либо серьезный отпор японским вооруженным силам. Преобладающее влияние среди капиталистических держав на Дальнем Востоке получили США. Но влиятельные монополистические круги этой страны, добиваясь поражения Японии как своего соперника и конкурента, преследовали при этом свои собственные, эгоистические цели: передел дальневосточных и тихоокеанских сфер влияния в свою пользу.

Дальний Восток и Тихий океан всегда были одним из самых главных и наиболее предпочтительных направлений американской экспансии, обычно находивших наиболее активную поддержку во всех буржуазных кругах США, не исключая так называемых изоляционистов. Дальний Восток занимал большое место и в американских послевоенных планах.

«Европа, — заявлял генерал Макартур, — это умирающая система, она прогнила и падает вниз... Земли, примыкающие к Тихому океану, с населяющим их миллиардом людей, будут определять ход истории в течение ближайших десяти тысяч лет»².

Но вторая мировая война не оправдала расчетов тех буржуазных политических деятелей, которые игнорировали такие решающие политические факторы, как новое соотношение сил на мировой арене, как интересы, чаяния и воля самих народов Азии.

II

Китайский народ под руководством коммунистической партии внес свой великий вклад в дело борьбы против японской агрессии. Кличка Чан Кай-ши саботировала ведение войны против Японии, но народные армии и партизанские отряды под руководством коммунистической партии освободили от японских захватчиков почти половину территории Китая и нанесли сокрушительные удары по японским войскам.

Китайскому народу после окончания войны пришлось, однако, столкнуться с вмешательством в его внутренние дела со стороны американских монополий, поддерживавших реакционный и полностью дискредитировавший себя чанкайшистский режим.

Ничто так не прельщало крупнейшие американские корпорации, как превращение Китая в свой рынок сбыта, источник сырья и сферу приложения капитала. Гоминьдановская клика оптом и в розницу распродавала Китай американским монополиям. Последние бесцеремонно хозяйничали в гоминьдановском Китае, как в своей вотчине. В китайской торговле они установили режим «закрытых дверей», тут уже обнаружился истинный смысл доктрины Хей об «открытых дверях и равных возможностях»: в 1946—1948 гг. почти 3/5 китайского импорта было монополизировано Соединенными Штатами. Крупнейшие американские монополии, в частности, при посредстве «Китайско-американской промышленной ассоциации», прибирали к своим рукам сырьевые и промышленные ресурсы страны — цветные металлы, нефть, электро-энергетическое хозяйство и т. д.

Ярким выражением экономического закабаления Китая и превращения его, по выражению Нельсона, в «экономическую окрестность США» был договор о дружбе, торговле и навигации, заключенный 4 ноября 1946 г. между США и чанкайшистской кликой. Договор давал возможность американским монополиям широко осуществлять экспансию в Китае, разрешал полную свободу въезда, торговли, капиталовложений, пропагандистской

и иной деятельности. Особо обеспечивались права американских торговых и промышленных ассоциаций и корпораций, которые могли беспрепятственно строить предприятия, арендовать и покупать землю, разрабатывать недра и т. д. Китай фактически лишился возможности вести самостоятельную таможенную политику и проводить защитительные мероприятия в отношении своей национальной промышленности. Статьи, касающиеся «обеспечения безопасности» и «неприкосновенности» американских граждан и их собственности, по существу сводились к установлению режима капитуляций.

Китайские патриоты никогда не признавали этого соглашения и указывали, что оно носит еще более неравноправный и кабальный характер, чем «21 требование», навязанное в 1915 г. Китаю японскими империалистами. Чань Бо-да писал: «Вот они — потрясающие, гибельные для китайского государства и нации новые 21 условие. Это аукцион, величайшая распродажа в истории всех времен и народов. Посмотрите, что еще не продал Чан Кай-ши из суверенных прав Китая от суши до моря, от неба до недр, от политики до экономики, от области материальной до области духовной, от времен нынешних до времен грядущих»³.

Американское проникновение в Китай отнюдь не ограничивалось экономической сферой. Китай рассматривался наиболее воинствующими кругами США как база для экспансии в другие страны Южной и Юго-Восточной Азии. Политика, осуществлявшаяся США в Китае в первые послевоенные годы, потерпела полный провал, несмотря на то, что только на поддержку клики Чан Кай-ши было истратено 6 млрд. долл. Даже официальная американская документация не может скрыть подлинных причин поражения чанкайшистской клики и ее зарубежных покровителей. Так, государственный секретарь Маршалл в обзоре положения в Китае в октябре 1948 г. сослался на мнение китайского деятеля, «горячо поддерживающего Чан Кай-ши», который тем не менее заявил, что «99% народа против правительства Чан Кай-ши»⁴.

В сопроводительном письме государственного секретаря США Ачесона президенту, в котором подводятся итоги американской политики в Китае к 1949 г., указывалось, что армия Чан Кай-ши разлагалась с необычайной быстротой, что большая часть поставляемого американского оружия попадала в руки коммунистов и что «история еще раз и еще раз подтвердила, что режим без веры в собственные силы и армия без моральных устоев не могут выдержать испытания войны». Государственный секретарь вынужден был сделать следующее знаменательное признание: «Горьким, но неопровержимым фактом является то, что злосчастный исход гражданской войны в Китае был вне контроля правительства США. Все то, что наша страна могла сделать в рамках ее разумных возможностей, дабы изменить этот исход, все это было сделано. Он явился результатом действия внутренних китайских сил, на которые наша страна пыталась оказать влияние, но не смогла»⁵.

Поражение в Китае было самым крупным поражением колониализма и всей мировой реакции в послевоенный период. Китайский народ навсегда покончил с колониализмом и добился подлинной независимости. В речи при открытии первой сессии Народного Политического Консультативного Совета Китая 21 сентября 1949 г. Мао Цзэ-дун говорил: «История

² См. «The Forrestal diaries». Ed. by M. Millis. New York, 1951, p. 18.

³ Чань Бо-да. Чан Кай-ши — враг китайского народа. М., 1950, стр. 233.

⁴ «Documents on American foreign policy». Published for World peace fundation, vol. X. 1948, p. 547.

⁵ «A decade of American foreign policy. Basic documents 1941—1949. Prepared at the request of the Senate commission of foreign relations». Washington, 1950, p. 716—726.

покажет, что китайцы, составляющие $\frac{1}{4}$ часть человечества, отныне воспрянули»⁶.

Победа китайской народно-демократической революции означала освобождение от колониального гнета самой крупной полуколониальной страны мира. Это дало могучий толчок национально-освободительному движению во всех странах Востока, ускорило процессы разложения и распада колониальной системы империализма. Это был триумф учения Ленина и Сталина о национально-колониальных революциях.

Исторически вполне закономерно, что китайская народная революция победила именно под руководством коммунистической партии, что она привела к созданию государства народной демократии, что она вывела китайский народ на путь социалистического строительства.

Закон обязательного соответствия производственных отношений характеру производительных сил пробивает себе дорогу в странах Востока с полуколониальным и полуфеодальным строем в специфических исторических условиях. Дело в том, что главной и решающей силой, задерживающей развитие производительных сил в этих странах, консервирующей феодальные пережитки, является иностранный империализм. Следовательно, борьба с феодальными пережитками неразрывно связана с борьбой против иностранного империализма и его агентуры внутри страны, в том числе компрадорского, бюрократически-монополистического местного капитала. Радикальная расчистка общественной жизни от феодальных пережитков, подлинное освобождение от всех экономических, политических и военных пут колониализма перерастает в современных условиях в народно-демократическую революцию, — революцию, которая обеспечивает возможность беспрепятственного развития производительных сил общества, ликвидации экономической отсталости, подъема благосостояния и культуры народов.

Таким образом, для колониальных и полуколониальных стран становится возможным миновать обычный путь капиталистического развития и, опираясь на помощь социалистических стран, перейти непосредственно к задаче построения народно-демократического, социалистического строя.

В эпоху разложения и распада капиталистической системы и утверждения новой социалистической системы национально-освободительное движение народов Востока становится составной частью мирового социалистического движения. В этих условиях развитие таких полуколониальных и полуколониальных стран, каким был Китай, к капитализму было бы развитием не по восходящей, а по нисходящей линии. Подлинный путь прогресса для таких стран в наше время — это развитие к социализму.

Наконец, еще один фактор обуславливает вышеотмеченную особенность действия закона обязательного соответствия производственных отношений характеру производительных сил в странах Востока. Мы имеем в виду вопрос о той общественной силе, без которой невозможно осуществить действие этого закона, совершить коренное переустройство общества. Как показал исторический опыт и как это вытекает из объективного анализа расстановки общественных сил, национальная буржуазия колониальных и полуколониальных стран, тысячами нитей связанная с феодальными кругами и с иностранным империализмом, не способна возглавить до конца национально-освободительное движение народов и довести его до победы. Антиимпериалистическая и антифеодальная революция может закончиться победой лишь на основе союза рабочих и крестьян, под руководством рабочего класса во главе с коммунистами.

⁶ «Образование Китайской Народной Республики. Документы и материалы». М., 1950, стр. 9.

Великая китайская революция победила под руководством Коммунистической партии Китая — партии, вооруженной учением марксизма-ленинизма, творчески применившей его к китайским условиям, впитавшей в себя опыт всего международного социалистического движения, и, в первую очередь, опыт Коммунистической партии Советского Союза.

Победа Народной революции и создание Китайской Народной Республики означали сильнейший удар по всей системе мирового империализма со времени Великой Октябрьской социалистической революции и одновременно — огромное укрепление социалистического лагеря. Китайская Народная Республика связана узами вечной и нерушимой дружбы с Советским Союзом. Вместе с Советским Союзом она возглавляет могущественный, растущий и крепнущий лагерь социализма.

Превращение Китая в великую мировую державу определяет, в основном и ту новую роль, которую ныне начала играть Азия в международных отношениях, в мировой истории.

III

После поражения японского империализма в Азии возникли, помимо КНР, еще два народно-демократических государства — Корейская Народно-Демократическая Республика и Демократическая Республика Вьетнам.

15 августа 1945 г. Корея была освобождена Советской Армией. Корейский народ после 40 тяжелых и мрачных лет господства японских колонизаторов получил возможность самостоятельного демократического развития. Но 38-я параллель разделила страну на две части.

В Северной Корее были проведены коренные демократические преобразования, осуществлена земельная реформа, быстро развивались промышленность, сельское хозяйство, культура. В августе 1948 г. были проведены выборы в Верховное Народное Собрание, которые показали непреклонную решимость всего корейского народа под руководством Трудовой партии Кореи добиться единства и независимости своей родины. 8 сентября 1948 г. была принята конституция Корейской Народно-Демократической Республики.

Вопреки настойчивым требованиям Советского Союза, решение Московского совещания министров иностранных дел трех держав (декабрь 1945 г.) о восстановлении Кореи как единого независимого государства и создания корейского демократического правительства не было выполнено. В Южной Корее установился реакционный режим, возглавляемый Ли Сын Маном.

Ли-сынмановское «правительство», отвергая все предложения КНДР о мирном объединении страны, с помощью своих иностранных покровителей готовилось к развязыванию гражданской войны. 25 июня 1950 г. оно совершило разбойничье нападение на Северную Корею.

Одновременно началась интервенция западных держав, проводимая под флагом ООН. Но иностранная интервенция в Корею потерпела фиаско.

Сорвались политические расчеты на реакционную клику Ли Сын Мана, чей режим показал свою несостоятельность уже в первые дни войны. Иностранным интервентам не удалось запугать Китай. Китайские народные добровольцы пришли на помощь братскому корейскому народу и для защиты своих границ. Благородным подвигом славных китайских добровольцев гордится все прогрессивное человечество. Интервенция в Корею не подавила стремлений народов Азии к свободе и независимости. Она вызвала новый подъем национально-освободительного движения.

Интервенты просчитались в военном отношении. Они планировали «молниеносную войну», а им пришлось втянуться в затяжную кровавую войну, в которой они несли большие потери.

Война в Корее обнаружила серьезные трещины в Северо-атлантическом союзе и в англо-американском блоке. Американской дипломатии удалось вовлечь другие капиталистические страны (при посредстве НАТО и ООН) в корейскую войну, но ей не удалось заставить своих союзников послать крупные контингенты войск для участия в военных действиях. По официальным данным, численность вооруженных сил США, действовавших в Корее, к осени 1952 г. составляла 450 тыс. человек, а численность войск всех остальных участников интервенции, членов ООН, вместе взятых, составляла лишь $\frac{1}{10}$ по отношению к американским войскам. Противоречия между участниками интервенции особенно обострились в связи с попытками наиболее авантюристических кругов найти выход из «корейского тупика» на путях расширения войны и перенесения ее на территорию Китая.

Соглашение о перемирии в Корее, подписанное 27 июля 1953 г. в Паньмынчжоу, увенчало более чем трехлетнюю борьбу Советского Союза и других миролюбивых государств за прекращение войны в Корее и показало, что воля сотен миллионов людей к миру выросла в такую силу, с которой все вынуждены считаться.

«Уроки корейской войны,— говорит Ким Ир Сеп,— со всей силой подтвердили всю правоту гениальных ленинских слов о том, что невозможно победить народ, поднявшийся на защиту своей свободы и независимости, что этот народ в своей справедливой войне встретит поддержку и помощь трудящихся всех стран»⁷.

Прекращение войны в Корее не означало, однако, что сторонники войны складывают оружие. Агрессивные круги мешают завершению мирного урегулирования корейского вопроса и воссоединению Кореи в едином демократическом государстве. На Женевском совещании 1954 г. не удалось достигнуть соглашения по корейскому вопросу. Исключительную агрессивную активность проявляет, в частности, лисымановская клика.

В то же время на Женевском совещании была успешно разрешена задача восстановления мира в Индо-Китае. Провозглашенная 2 сентября 1945 г. Демократическая Республика Вьетнам в течение восьми лет вынуждена была вести справедливую освободительную войну против напавших на нее французских колонизаторов. Некоторые западные державы активно помогали Франции⁸.

Подписанное 21 июля 1954 г. Женевское соглашение о прекращении военных действий в Индо-Китае было серьезной победой сил мира и крупным поражением сил агрессии. Женевское совещание еще более подняло во всем мире престиж Советского Союза — могучего знаменосца мира и международного сотрудничества. Оно также показало, что все искусственные преграды на пути участия Китая как великой державы в разрешении международных проблем, преграды, выдвигаемые агрессивными кругами, сметаются самой жизнью.

Противники мирного урегулирования нерешенных международных вопросов, разумеется, не скрывали своего недовольства итогами Женевы. Так, филиппинский генерал Карлос Ромуло бил тревогу по поводу того, что советская дипломатия на Женевском совещании одержала «са-

⁷ «За прочный мир, за народную демократию!», 15 апреля 1955 г.

⁸ США официально взяли на себя оплату большей части расходов, связанных с войной в Индо-Китае. По официальным заявлениям («Foreign Affairs», 1954, октябрь) США истратили на эту войну 3 млрд. долл. Но это явно преуменьшенная сумма. Только в последние 2—3 года войны ежегодные ассигнования США на нее превышали 1 млрд. долл.

мую большую победу со времени 1917 г.», что «китайские коммунисты приехали в Женеву как представители азиатской державы, а уехали как представители мировой державы», что, наконец, «в важнейшей зоне Юго-Восточной Азии было создано и молчаливо признано новое коммунистическое государство»⁹.

Силы войны, потерпевшие серьезное поражение в Женеве, отнюдь не успокоились и не оставили своей опасной игры с огнем. Но нельзя уже перечеркнуть того факта, что национально-освободительная борьба народов Индо-Китая и великий героизм, проявленный ими в этой войне, получили международное признание. Народ Вьетнама во главе со своим испытанным руководителем Хо Ши Мином отстоял свою демократическую республику от всех наскоков колонизаторов, и эта республика прочно вошла в семью народов великого лагеря мира, демократии и социализма.

IV

Картина мира, как она сложилась после второй мировой войны на Дальнем Востоке, изменилась по сравнению с довоенным периодом не только в результате возникновения народно-демократических республик в Китае, Корее, Вьетнаме; но и в результате освобождения от колониальной зависимости и вступления на путь суверенного развития таких стран, как Индия, Бирма, Индонезия¹⁰.

Правительства этих стран возглавляются, главным образом, представителями национальной буржуазии, националистами. В этих странах не проведены коренные социальные преобразования, и они остаются в системе мирового капиталистического хозяйства. Тем не менее возникновение многочисленных независимых стран на месте прежних колоний, осуществление рядом этих стран самостоятельной политики, превращение второй по величине азиатской страны Индии в независимую республику и в серьезный фактор международных отношений — все это тоже есть признак обострения общего кризиса капитализма на втором его этапе и прогрессирующего распада колониальной системы.

Идеологи империализма объясняют превращение многих бывших колоний в политически независимые государства якобы «добровольным» отказом западных держав от своих колониальных прав и привилегий. Но этот тезис ничего общего не имеет с исторической действительностью.

Освобождение тех или иных колоний иногда является как бы побочным продуктом национально-освободительного движения на решающих участках мирового фронта борьбы против колониализма. Так, победоносная народно-демократическая революция в Китае оказала большое воздействие на положение и на соотношение сил во всех странах Азии.

Избавление от колониального статуса и достижение независимости является результатом национально-освободительного движения народов соответствующих стран. В одних случаях народы силой оружия добиваются освобождения, в других случаях национально-освободительная

⁹ «This week», 7 ноября 1954 г.

¹⁰ Индия 15 августа 1947 г. была разделена на два государства-доминиона — Индию и Пакистан. 26 января 1950 г. Индия была провозглашена суверенной республикой. Цейлон с 1947 г. пользуется статутom доминиона. Бирма по договору с Англией от 17 октября 1947 г. была признана независимым государством и вышла из состава Британской империи. Индонезийская республика была провозглашена 17 августа 1945 г. На конференции «круглого стола» в Гааге в 1949 г. Индонезии был навязан статут Голландско-индонезийского союза. 10 августа 1954 г. между Индонезией и Голландией было достигнуто соглашение о ликвидации этого союза. Филиппины 4 июля 1946 г. получили формальную независимость от США.

борьба принимает такой размах, что империалистические колонизаторы вынуждены идти на уступки, чтобы сохранить то, что еще можно сохранить. Такое положение было в Индии в 1947 г. Английский капитал вынужден был примириться с независимостью Индии и сделать вид, что он добровольно уступает свою власть, ибо в противном случае эта власть, со всеми связанными с нею экономическими и иными преимуществами и привилегиями, была бы начисто сметена ураганом нарастающего народного движения. Сами английские колонизаторы не скрывали, что в 1947 г. в Индии у них не было выбора, что им надо было «добраться до убежища прежде чем грянет буря».

Так выглядит на деле миф о «добровольном отказе от колониализма».

Колониальные державы, вынужденные под давлением национально-освободительного движения идти на уступки и «предоставлять» независимость своим колониям, стремятся превратить эту независимость в пустой звук. В. И. Ленин писал: «Финансовый капитал — такая крупная, можно сказать решающая сила во всех экономических и во всех международных отношениях, что он способен подчинять себе и в действительности подчиняет даже государства, пользующиеся полнейшей политической независимостью...»¹¹.

Провозглашение независимости иногда сопровождается сохранением экономических позиций иностранного капитала во вчерашних колониях, включением их в военные блоки и союзы соответствующих метрополий, навязыванием им чужого и чуждого курса внешней политики. Так, например, на Филиппинах после провозглашения их независимости господство американского капитала в экономике этой страны отнюдь не уменьшилось, страна покрыта сетью американских военных баз и включена в систему американских военных союзов. В Пакистане не только сохранил свое влияние английский капитал, но и резко усилилось проникновение американского капитала. Заключение 2 апреля 1954 г. пакистано-турецкого военного договора, как и участие Пакистана в СЕАТО, свидетельствовали о втягивании этой страны в систему замкнутых военных группировок. Вместе с тем Пакистан принадлежит к группе стран Коломбо, явившихся инициаторами созыва конференции стран Азии и Африки. В Пакистане, как и в других странах Востока, существуют и активизируются общественные силы, отстаивающие национальные интересы молодого государства, добивающиеся полного избавления от иностранной политической и экономической зависимости.

При нынешней концентрации экономической и финансовой мощи в руках крупнейших монополий и узкого круга империалистических держав, при современном уровне военной техники, колонизаторы имеют еще большие возможности сохранять косвенным путем свое экономическое и военное господство над теми или иными экономически слабо развитыми странами, даже если последние пользуются формальной политической независимостью. С другой стороны, существование могущественного социалистического лагеря, его пример, его помощь, его международное влияние и вес создают возможности подлинно самостоятельного развития для политически независимых стран Востока. Огромное значение в этой связи приобретает внешнеполитическая ориентация этих стран. Следование руководству агрессивных сил неизбежно влечет за собой сохранение режима экономического прозябания и полуколониальной зависимости. Наоборот, осуществление самостоятельной и миролюбивой

¹¹ В. И. Ленин. Соч., т. 22, стр. 246.

бивой политики значительно облегчает задачу достижения подлинной и всесторонней независимости, обеспечения экономического и культурного подъема.

В результате произошедших в послевоенный период политических и экономических изменений коренным образом преобразилось лицо Азии.

Таблица

Распределение населения Азии*

Группы стран	Годы			
	1937		1953	
	население			
	в млн.	процент	в млн.	процент
1. Страны народной демократии ¹	1	менее 0,1	625	44
2. Страны, вступившие после войны на путь самостоятельного развития и не участвующие в империалистических блоках ²	—	—	476	33
3. Остальные политически суверенные страны	520	46	225	16
4. Колонии и протектораты капиталистических держав	546	48	15	1
5. Страны развитого капитализма ³	70	6	85	6
Итого:	1 137	100%	1 426	100%

* Без азиатской части СССР.

¹ Для 1937 г. — МНР, для 1953 г. — КНР, МНР, КНДР и ДРВ

² Индия, Бирма, Индонезия и др.

³ Япония.

Как явствует из этой таблицы, население народно-демократических стран составляет 44%, т. е. немногим меньше половины всего населения Азии. Треть населения Азии приходится теперь на страны, добившиеся после второй мировой войны независимости и не участвующие в империалистических блоках. Это — Индия с населением 370 млн. человек, Индонезия с населением 78 млн., Бирма — 19 млн. и другие. О масштабе произошедших перемен ярко свидетельствует сокращение числа колоний империалистических держав: до войны на колонии приходилось почти 550 млн. населения, т. е. 48% всего населения Азии, а в настоящее время на колонии приходится лишь 15 млн. населения — 1% населения Азии.

Было бы, однако, опасно на этом основании недооценить силу и масштабы современного колониализма в Азии. Он еще господствует в своих владениях (например, Малайя), еще бесцеремонно хозяйничает в странах третьей группы, — формально независимых, но в большинстве опутанных сетями финансово-экономической и военно-политической зависимости. Именно замаскированные методы колониального господства приобрели на современном этапе преобладающее значение! Колониализм сохраняет еще сильные экономические и политические позиции в некоторых из стран второй группы (например, Индонезии) и пытается использовать эти позиции, чтобы повернуть развитие вспять.

Новая Азия начинает играть и новую роль в международных отношениях. В. И. Ленин еще в 1921 г. писал, что трудящиеся массы колониальных и полуколониальных стран — огромное большинство населения

земли — окончательно превращаются в активный фактор всемирной политики¹². Вещные слова великого Ленина сбываются на наших глазах. В течение веков Азия была лишь объектом империалистической политики, полем «приложения сил» империалистических держав, разменной монетой в их дипломатической игре. Теперь Азия превратилась в субъект мировой политики, в один из важнейших факторов международных отношений. Великий процесс освобождения и возрождения народов Востока составляет одну из замечательных черт нашей эпохи.

Великая китайская держава, могущественный оплот мира на Дальнем Востоке, оказывает свое плодотворное, стабилизирующее влияние на всю дальневосточную обстановку. Все более значительный вклад в дело мира вносит Республика Индия, поддерживающая принцип мирного сосуществования различных общественных систем, отвергающая участие в военных блоках, создаваемых империалистами, выступающая против колониализма. Пять принципов, легших в основу дружественных добрососедских отношений между Китаем и Индией и получивших поддержку со стороны Бирмы, Индонезии и ряда других азиатских стран, все более завоевывают международное признание. Они могут и должны стать основой мирных экономических, политических и культурных связей и сотрудничества между народами и государствами всего мира. Эти принципы — взаимное уважение территориальной целостности и суверенитета; ненападение; невмешательство во внутренние дела друг друга; равенство и взаимная выгода; мирное сосуществование.

Показателем той новой роли, которую играют и могут сыграть народы Востока в современных международных отношениях, является конференция 29 стран Азии и Африки, происходившая в Бандунге 18—24 апреля 1955 г. Эта конференция была созвана по инициативе так называемых стран Коломбо (Индия, Бирма, Индонезия, Цейлон и Пакистан). Она выразила волю 1 600 млн. человек, т. е. значительно более половины всего населения земного шара, к ликвидации колониализма, к ослаблению международной напряженности, к мирному сосуществованию всех стран и народов.

V

Колониализм не сдаст без боя своих позиций.

27 июля 1953 г., одновременно с заключением перемирия в Корее, в Вашингтоне была подписана декларация 16 государств, принимавших участие в интервенции против корейского народа. В декларации содержалась угроза возобновить военные действия и даже распространить их за пределы Кореи. За этим последовало подписание 1 октября 1953 г. военного договора между США и Южной Кореей.

Буквально на следующий день после подписания соглашения в Женеве начались действия, направленные к срыву этого соглашения. Премьер-министр Южного Вьетнама Нго Динь Дьем 8 октября 1954 г. заявил корреспонденту индийского телеграфного агентства: «Разделение Вьетнама по 17-ой параллели будет бесконечным, так же как в Корее и Германии...»¹³ Стремление определенных кругов не допустить осуществления Женевских решений о проведении всеобщих выборов и объединении Вьетнама объясняется страхом перед тем политическим поражением, которое ждет их ставленников на подобных выборах. Известный американский журна-

лист Джозеф Олсон в серии корреспонденций, напечатанных после посещения Вьетнама, писал: «Мое основное впечатление состоит из смеси восхищения, ужаса и отчаяния, вызванных теми успехами, какие одержаны коммунистами». Его приводил в уныние «контраст между экономическим процветанием и моральным единством Северного Вьетнама и «коррупцией и хаосом в Сайгоне», где он был свидетелем «отчаянных попыток генерала Коллинса укрепить Южный Индо-Китай». Олсон предупреждал, что американская гарантия для Южного Вьетнама приведет лишь к тому, что «победа коммунистов на юге будет вдвойне потрясающим ударом»¹⁴.

20 июля 1955 г. власти Южного Вьетнама совершили нападение на квартиры персонала международной комиссии, продемонстрировав этим актом насилия свое стремление сорвать проведение свободных выборов.

16 мая 1955 г. между США и правительством Камбоджи было подписано соглашение о военной помощи, несовместимое с Женевскими соглашениями, предусматривающими нейтралитет Камбоджи. Аналогичное положение складывалось в Лаосе. В нарушение Женевских соглашений на Южный Вьетнам, Лаос и Камбоджу распространено действие пакта СЕАТО.

Главный источник напряженности на Дальнем Востоке — это политика вражды и провокаций по отношению к Народному Китаю, близорукая, бессмысленная политика игнорирования тех исторических изменений, которые произошли в этой великой стране. Эта политика находит свое выражение в противодействии восстановлению законных прав Китая в ООН и в оккупации американскими военными силами китайского острова Тайвань. На Бандунгской конференции стран Азии и Африки Чжоу Энь-лай сделал заявление о том, что китайское правительство готово начать переговоры с правительством США, чтобы обсудить вопрос об ослаблении напряженности на Дальнем Востоке, и особенно в районе Тайваня¹⁵. Это был новый крупный вклад Китая в дело ослабления международной напряженности на Дальнем Востоке и во всем мире.

Колонизаторы всячески ущемляют права и других государств Азии. Голландские военные силы захватили Западный Ириан и мешают его воссоединению с Индонезийской республикой. Португальские империалисты продолжают аннексировать индийскую территорию — Гоа.

Одним из главных источников напряженности на Дальнем Востоке являются сколачиваемые в этом районе военные группировки. 8 сентября 1954 г. в Маниле при участии США, Англии, Франции, Австралии, Новой Зеландии, Филиппин, Таиланда и Пакистана был подписан «договор о коллективной обороне в Юго-Восточной Азии» (СЕАТО).

СЕАТО предусматривает совместные действия против национально-освободительного движения. Одним из главных мотивов участия в этом блоке Англии является стремление при поддержке своих партнеров активизировать военные действия против патриотов Малайи.

Однако политика вовлечения азиатских народов в создаваемую извне военную систему — по принципу «заставить азиатов воевать против азиатов» — не имеет успеха. Характерно, что в СЕАТО участвуют только три азиатские страны, население которых составляет менее 1/5 населения Юго-Восточной Азии и только 1/10 — населения всей Азии.

Блок СЕАТО раздирается и внутренними противоречиями. Попытки США распространить действие договора на север Азии не встретили поддержки со стороны других участников пакта. Предметом острых конфликтов между участниками является вопрос о создании постоянной военной

¹² См. В. И. Ленин. Соч., т. 32, стр. 430.

¹³ См. обращение министра иностранных дел ДРВ к В. М. Молотову и А. Идену («Известия», 10 декабря 1954 г.).

¹⁴ «New York Herald Tribune», 31 декабря 1954 г.

¹⁵ См. «Известия», 24 апреля 1955 г.

организации и вооруженных сил СЕАТО по типу НАТО, а также вопрос о военно-экономической деятельности.

Англия не отказалась от своего, отвергнутого Соединенными Штатами, плана «Дальневосточного Локарно».

Англия сохранила экономическое господство в своих колониях Юго-Восточной Азии, а также преобладающие, по сравнению с США, экономические позиции в Южной Азии. В последнее время она старается укрепить и расширить свою собственную, имперскую, военно-политическую систему на Дальнем Востоке, нарушенную такими американскими акциями, как пакт АНЗЮС, заключенный с двумя британскими доминионами через голову Англии.

Американо-французские противоречия выливаются в открытую вооруженную борьбу между политическими ставленниками обеих этих стран в Южном Вьетнаме.

Что же касается политики возрождения японского милитаризма, то она неизбежно приводит к обострению на этой почве англо-японских, американо-японских и англо-американских противоречий. Одновременно она вызывает растущую тревогу среди народов Азии. Против этой политики протестуют даже Филиппины, Австралия и Новая Зеландия. Прежде чем подписать Санфранцисский мирный договор с Японией, они потребовали американских военных гарантий против Японии — в этом как в капле воды отражается характер взаимоотношений между участниками современных военных группировок на Дальнем Востоке.

Политика США на Дальнем Востоке натолкнулась на растущее сопротивление народов. Она вызывает разногласия и конфликты среди самих участников военных блоков. Налицо явный кризис дальневосточной политики США.

Кризис политики США на Дальнем Востоке находит свое выражение в растущей дискредитации наиболее воинствующих группировок США. К этой группировке принадлежит влиятельная верхушка военщины — генералы Макартур и Ван-Флит, лидеры крайне правого фашиствующего крыла республиканской партии — сенатор Маккарти, лидер республиканцев в сенате Ноулэнд и другие. Это сторонники превентивной войны, рассматривающие к тому же Дальний Восток, как главное, решающее, первоочередное направление американской экспансии и агрессии. Но в самом правящем лагере США все громче звучат голоса, признающие провал старого курса и требующие его пересмотра. С таким требованием выступил губернатор Нью-Йорка Аверелл Гарриман. В речи, произнесенной 8 марта 1955 г., он призвал демократическую партию «изменить свою внешнюю политику и поддержать позицию Англии в вопросе о Китае и Формозе». Линия США относительно Тайваня, по его мнению, «отчаянно опасная политика действий в одиночку»¹⁶.

Лидер демократической партии и ее кандидат в президенты на выборах 1952 г. Эдлай Стивенсон, выступая по радио 11 апреля 1955 г., также указывал, что политика США в отношении Тайваня представляет собой угрозу войны, причем в условиях полной изоляции США и развала «западной коалиции». Эта политика, по словам Стивенсона, отпугивает и отталкивает народы Азии, в то же время она является блефом, поскольку она не подкрепляется реальной силой¹⁷.

Бывший американский посол в Индии Честер Боулс, анализируя в своей книге¹⁸ политику США в Азии, пишет, что ориентация на Ли

¹⁶ См. «Известия», 11 марта 1955 г.

¹⁷ «New York Times», 12 апреля 1955 г.

¹⁸ Chester Bowles. Ambassador's report. New York, 1954; см. также его статью: «A fresh look at Free Asia». «Foreign affairs», октябрь, 1954.

Сун Мапа и Чан Кай-ши и на находящуюся под их контролем ничтожную часть населения Азии нереальна, поскольку эти фигуры «потеряли контакт с современной Азией». Боулс подчеркивает, что американское вмешательство отталкивает народы Азии, что, вовлекая те или иные азиатские страны в свои военные союзы, США лишь ухудшают свои отношения с большинством населения Азии. Он признает поражение, которое колониализм потерпел в Индо-Китае и указывает на то, что «война с Китаем была бы несчастьем», поскольку «Китай нельзя завоевать оружием». Он вынужден признать: «Дни, когда западные нации могли заказывать оркестр, а подчиненные азиатские народы танцевали под их музыку, кончились в огне и дыму революции, охватившей весь континент»¹⁹.

Не следует думать, что Боулс призывает к действительно радикальному пересмотру американской политики. Его практические предложения сводятся к тому, чтобы признать те изменения, которые уже нельзя не признать. Он предлагает рассматривать Индию и некоторые другие государства в качестве «третьей силы» и попытаться использовать эту силу в интересах западных держав; еще энергичнее ориентироваться на Японию как на свою основную военно-политическую опору на Дальнем Востоке; сделать особый упор на «экономическую помощь» странам Азии, как в свое время это делалось для Европы в виде «плана Маршалла». Концепция Боулса заключается, таким образом, не в отказе от колониализма, а в осуществлении тех же целей более тонкими, гибкими, замаскированными методами: тех же щей, да пожикже влей.

На Женевском совещании глав правительств четырех держав, происходившем с 18 по 23 июля 1955 г., советская делегация подчеркнула важное значение урегулирования нерешенных проблем Азии и Дальнего Востока, однако эти проблемы официально не обсуждались, и дело ограничилось неофициальным обменом мнениями. В ходе неофициальных бесед советская делегация уделила особое внимание вопросу о Тайване, о правах Китая в ООН, о выполнении Женевского решения по вопросу об Индо-Китае. Сама жизнь требует неотложного разрешения этих проблем.

Положительные результаты Женевского совещания начинают сказываться во всех областях международной жизни, во всех районах мира. 24 июля 1955 г. председатель комиссии по иностранным делам сената США Джордж сделал заявление, в котором потребовал созыва совещания министров иностранных дел с участием США и КНР. Одновременно он указал на необходимость отказа от, по его словам, «фантастической теории», на которой и базируется политика бойкота и дискриминации торговли с Китаем.

1 августа 1955 г. в Женеве начались переговоры между США и КНР на уровне послов. Переговоры касаются сравнительно узкого круга практических вопросов, но они приветствуются всеми друзьями мира как возможная прелюдия к прямым переговорам между КНР и США на более высоком уровне, как шаг на пути к нормализации отношений между двумя странами и к общему ослаблению международной напряженности на Дальнем Востоке.

Премьер Государственного Совета и министр иностранных дел КНР Чжоу Энь-лай в речи на второй сессии Всекитайского собрания народных представителей 30 июля 1955 г. выдвинул конкретную программу ослабления напряжения на Дальнем Востоке: признание принципов мирного сосуществования; гарантия безопасности и целостности тех стран, которые

¹⁹ Chester Bowles. Указ. соч., стр. 388

придерживаются политики нейтралитета и неучастия в военных блоках; нормализация отношений с Японией; полное осуществление Женевских соглашений по вопросу об Индо-Китае; принятие новых усилий к достижению соглашения о мирном объединении Кореи; организация переговоров между США и Китаем по вопросу о ликвидации напряженности в районе Тайваня. Чжоу Энь-лай высказался за проведение конференции между заинтересованными странами по дальневосточным вопросам. Он выдвинул предложение о заключении пакта коллективного мира между странами Азии и Тихого океана, включая США, — пакта, который займет место антагонистических военных блоков, существующих сейчас в этой части земного шара. Китайское правительство сделало ряд практических шагов, направленных к ослаблению напряженности между Китаем и США.

VI

Перед новой Азией встали новые экономические проблемы.

Страны Азии отличаются между собой в отношении общественного строя, политических учреждений, но перед большинством из них стоит общая задача: ликвидация экономической отсталости. Нельзя забывать, что до второй мировой войны доля всей Азии в мировой промышленной продукции составляла, по данным ООН, всего только 6% (в том числе Япония — 4,3%), хотя на эту часть света приходится половина населения земного шара. По тем же данным ООН, в 1948 г. доля Азии (без Китая и других стран народной демократии) в промышленной продукции капиталистического мира составляла всего 3,2%, из которых на Японию приходилось 1,5%, а на Индию 0,8%. Национальный доход стран Азии составлял в 1949 г., по данным ООН, лишь $\frac{1}{10}$ мирового национального дохода.

Страны Азии, примкнувшие к социалистическому лагерю, успешно разрешают задачу ликвидации в кратчайший срок своей экономической отсталости, опираясь на действие основного закона социализма и закона планомерного пропорционального развития народного хозяйства и используя трудовой подъем рабочих, крестьян, интеллигенции. Здесь решительно и навсегда ликвидированы все остатки иностранного господства и полукolonиальной зависимости, окончательно ликвидируются пережитки феодализма, устраняются препятствия на пути развития производительных сил.

В Китайской Народной Республике за 1949—1952 гг. было восстановлено разрушенное в ходе длительной войны народное хозяйство, причем валовая продукция промышленности увеличивалась ежегодно в среднем почти на 37%. Высокими темпами роста отмечается и выполнение пятилетнего плана 1953—1957 гг. К концу пятилетки объем промышленной продукции удваивается.

Основная задача пятилетки — заложить фундамент социалистической индустриализации Китая, создать основу для социалистического преобразования сельского хозяйства и кустарной промышленности и основу для социалистического преобразования частной промышленности и торговли. К концу пятилетки выплавка стали будет доведена до 4,12 млн. тонн против 1,35 млн. тонн в 1952 г., выработка электроэнергии будет увеличена с 7,260 млн. квт-ч. до 15,920 млн. квт-ч., добыча угля с 63,5 до 113 млн. тонн и т. д. Производство средств производства увеличивается в течение пятилетки на 126,5%, а производство потребительских товаров на 79,7%. К концу пятилетки государственные, кооперативные и смешанные государственные предприятия дадут почти 88% всей промышленной продукции, а в сельскохозяйственных кооперативах будет состоять $\frac{1}{3}$

всех крестьянских хозяйств. Планом предусматривается строительство 1 600 крупных объектов, 694 из них — крупные промышленные объекты²⁰.

Большую роль в экономическом подъеме Китая играет помощь, оказываемая Советским Союзом. По соглашениям 1953 и 1954 гг. СССР оказывает техническую помощь и поставляет оборудование для строительства 156 крупных индустриальных предприятий. В 1950 г. СССР предоставил Китаю долгосрочный кредит на льготных условиях в сумме 300 млн. долл., а в 1954 г. новый кредит на 520 млн. рублей. Более половины внешнеторгового оборота Китая приходится на Советский Союз.

Новый Китай развивает свои внешние экономические связи и начинает играть все более важную роль в экономической жизни всей Азии. Успешно осуществляющаяся индустриализация Китая открывает для него возможность оказывать действенную помощь другим странам Азии в их экономическом, в частности, в их индустриальном развитии.

В ряде других стран Азии, особенно тех, которые встали на путь самостоятельного развития — в первую очередь в Индии — также имеет место известный рост промышленного и сельскохозяйственного производства. В Индии общий индекс промышленного производства увеличился по сравнению с 1946 г. на 46,5%, производство хлопчатобумажных тканей почти на 28%, добыча угля на 27%, выплавка стали на 29%. В 1954 г. было выплавлено около 1,7 млн. тонн стали, добыто 36 млн. тонн угля, произведено около 7 млрд. квт-ч электроэнергии²¹. В Индии осуществляется пятилетний план хозяйственного развития на 1951—1956 гг. Этот план не является ни директивой, ни законом. Он предусматривает определенные мероприятия по финансированию и стимулированию развития тех или иных отраслей хозяйства. Упор в нем взят на развитие сельского хозяйства. В течение пяти лет предполагается сделать капиталовложения в государственном секторе в размере 22,4 млрд. рупий. 17% этой суммы предназначено для сельского хозяйства, 27% для строительства ирригационных сооружений и электростанций, 24% на развитие транспорта и связи, 8,4% на промышленность, 16% на социальные нужды²². Планом предусмотрено увеличение производства зерновых культур на 14%, хлопка — на 42%, текстиля — на 26%, стали — на 60% и т. д. В настоящее время разрабатывается более широкий по масштабу второй пятилетний план и с большим упором на развитие промышленности²³.

Некоторое промышленное строительство осуществляется в Индонезии, на Цейлоне, в Пакистане и в других странах Юго-Восточной Азии. Надо сказать, что масштабы экономического и, прежде всего, промышленного роста стран Юго-Восточной Азии крайне недостаточны, особенно если принять во внимание экономическую отсталость этих стран, низкий жизненный уровень населения, настоятельную жизненную необходимость быстрого подъема производительных сил. Так, в экономическом обзоре ООН за 1954 г., посвященном странам Азии и Дальнего Востока, указывается, что в структуре экономики большинства этих стран не произошло каких-либо существенных перемен, что процент населения, занятого в сельском хозяйстве, остается таким же высоким, как и раньше, и что «реальный доход на душу населения, видимо, все еще ниже довоенного уровня»²⁴.

²⁰ См. доклад Ли Фу-чуня о первом пятилетнем плане развития народного хозяйства КНР («Известия», 7 июля 1955 г.).

²¹ «Eastern economist», 8 апреля 1955 г., стр. 586; «Monthly bulletin of statistics», United Nations, февраль, 1955.

²² «Economist», 22 января 1955 г.

²³ Им предусматривается вложения в размере 43 млрд. рупий.

²⁴ «Economic survey of Asia and the Far East, 1954», p. 12.

Сельскохозяйственная продукция (зерновые) этого района, без стран народной демократии, составляла в 1953—1954 гг. 110, если 1934—1938 гг. принять за 100. Продукция же на душу населения составляла лишь 88, т. е. на 12% ниже довоенного уровня. Очень низкими были темпы развития промышленности. В обзоре указывается, что приток иностранных инвестиций (вопреки рекламной шумихе) был весьма незначительным. О слабых темпах развития промышленности можно судить и по размерам импорта машин и оборудования. В обзоре ООН приводятся следующие данные: экспорт машин и оборудования из главных капиталистических стран в Индию, Пакистан, Цейлон, Бирму, Индо-Китай, Малайю, Индонезию, Филиппины составлял в 1948 г. 815 млн. долл., в 1949 г. — 906, в 1950 г. — 699, в 1951 г. — 934, в 1952 г. — 1 114, в 1953 г. — 995 млн. долл., в 1954 г., по предварительным данным, — 1 034 млн. долл. (в неизменных ценах 1950 г.). Хотя ввоз оборудования в последние годы примерно вдвое превышает уровень 1938 г., когда он составлял 495 млн. долл.²⁵, однако общий объем этого импорта крайне недостаточен и, главное, он в последнее время остановился на одной точке.

Где же причины низких темпов экономического развития вышеперечисленных стран, продолжающейся их экономической отсталости? Эти причины заключаются в сохранении колониализма, продолжающейся зависимости от иностранного капитала, в том числе от иностранных инвестиций, которые в странах Востока, как правило, имеют целью не столько экономическое развитие, сколько задержку этого развития. Столь же пагубное воздействие оказывает система неэквивалентного обмена, на которой зиждется связь экономически слабо развитых стран с мировым капиталистическим рынком. Об усилении неэквивалентности обмена в последние годы можно судить и по следующим данным. Цены на каучук в 1954 г. были на 35% ниже цен 1951 г. Цены на манильскую пеньку снизились за тот же период на 60%, на джут — на 40%, на пальмовое масло — на 37%, на малайское олово — на 35%²⁶. Хотя в большинстве случаев цены на сырье остаются не ниже уровня 1949 г., однако цены на ввозимые промышленные товары за это время значительно подскочили вверх. Да и сама лихорадка цен — сначала резкое их повышение, а потом еще более стремительное падение — привела к дезорганизации экономики стран, поставляющих сырье. Вопрос о необходимости стабилизировать цены и спрос на сырье не случайно фигурирует и в заключительном коммюнике конференции стран Азии и Африки.

Одним из важнейших факторов задержки экономического развития многих стран Азии является политика бойкота торговли с Советским Союзом, Китаем и другими странами мирового демократического рынка, политика, навязываемая извне азиатским странам. Подобная политика преследует цели усиления зависимости этих стран от иностранных капиталистических держав, лишения их выгодных рынков сбыта для своего сырья, продовольствия и источника получения крайне необходимых им промышленных товаров на основе равноправия и взаимной выгоды.

Громадным тормозом всего экономического развития вышеуказанных стран является сохранение полуфеодалных аграрных отношений.

Политика империалистических монополий направлена к сохранению экономической отсталости и зависимости Востока. Но это не мешает им прибегать ко всяческим маневрам, дабы ввести в заблуждение народы, чья воля к достижению экономической независимости, к развитию собственной промышленности, к подъему своего жизненного уровня стала могущественным фактором общественной жизни. Различные «планы

помощи» экономически слабо развитым странам до сих пор не облегчали экономического положения этих стран. Взять, например, английский «план Коломбо», разработанный для Южной и Юго-Восточной Азии. Он рассчитан на шесть лет (с 1951/52 по 1956/57 финансовый год) и предусматривает вложения в размере 1 868 млн. ф. ст. Даже орган лондонского Сити признает: «План Коломбо не составляет какого-нибудь директивного плана. Он по своей природе скорее напоминает обмен информацией и систему клиринга, при помощи которой нации-кредиторы и нации-получатели могут разрабатывать двухсторонние соглашения, которые все в своей совокупности и дают общую картину экономического развития»²⁷.

Отдельные финансовые мероприятия и строительные проекты, осуществляемые в тех или иных присоединившихся странах, механически зачисляются в актив «плана Коломбо», хотя по существу проводятся независимо от него. А самое главное, что масштабы этих проектов мизерны, если исходить из подлинных нужд соответствующих стран. «План Коломбо» осуществляется уже в течение четырех лет, но, как мы видели, это не продвинуло вперед экономического развития большинства его участников.

В свое время была поднята большая шумиха вокруг «четвертого пункта Трумэна», однако, гора родила мышь. Соглашения о «четвертом пункте» заключены со многими странами Азии; американские эксперты участвуют в разработке различных проектов, но подавляющее большинство разрабатываемых проектов не осуществляется. Сколько-нибудь серьезного увеличения притока американского капитала в Азию не произошло. С конца 1949 г. по конец 1952 г. общая сумма заграничных прямых частных вложений США увеличилась на 4,1 млрд. долл. Из этой суммы лишь 405 млн., т. е. менее $\frac{1}{10}$, приходится на страны Азии²⁸, да и то, в основном, в нефтяные предприятия на Ближнем Востоке.

В конце 1954 г. был широко разрекламирован так называемый план Стассена, который называли «планом Маршалла для Азии». Однако эту шумную кампанию вскоре пришлось свернуть, так как предложения о выделении крупных ассигнований для Азии натолкнулись на решительное сопротивление финансовых кругов США. Правда, в последнее время при осуществлении американской «программы помощи», центр тяжести этой программы перенесен из Европы в Азию. До 1952 г. ассигнования для Азии и Дальнего Востока составляли менее $\frac{1}{5}$ всей суммы помощи, в 1953—1954 гг. они достигли почти $\frac{1}{3}$, в дальнейшем должны превысить $\frac{1}{2}$. Однако, во-первых, сокращается общая сумма ассигнований для иностранных государств, а, во-вторых, львиная доля этих ассигнований предназначается на чисто военные цели, т. е. эти ассигнования не только не содействуют экономическому развитию стран Азии, а задерживают его, возлагая на эти страны новое военное бремя. Так, ассигнования на предстоящий финансовый год для Азии и Дальнего Востока составляют 2,1 млрд. долл., из которых 1 225 млн., т. е. $\frac{3}{5}$, приходится на военные цели.

Новый невиданный в истории тип экономических взаимоотношений между государствами, основанный на братском сотрудничестве и взаимопомощи, сложился в социалистическом лагере, на мировом демократическом рынке. Образцом таких взаимоотношений являются советско-китайские отношения. Но и во взаимоотношениях со всеми экономически слабо развитыми странами независимо от их общественного строя, страны социализма проводят линию, коренным образом отличающуюся от линии капиталистических монополий. Последние всячески стараются затормозить индустриальное развитие стран Востока, сохранить их на положении по-

²⁵ «Economic Survey of Asia and Far East, 1953», p. 21.

²⁶ «International financial statistics», апрель 1955 г.

²⁷ «Financial times», 4 октября 1954 г.

²⁸ «Survey of current business», январь 1954 г.

ставщиков сырья и продовольствия, т. е. в качестве экономического придатка Западной Европы и Северной Америки. Советский Союз, напротив, отстаивает необходимость для стран Азии всесторонне развивать свою экономику, в особенности индустрию, как базу общего подъема народного хозяйства и благосостояния народных масс.

Советский Союз оказывает помощь промышленному развитию экономически слабо развитых стран. Он поставляет им современное оборудование, оказывает техническую помощь, заключает долгосрочные торговые и кредитные соглашения, предусматривающие поставки товаров из этих стран по устойчивым ценам и расчеты в их национальной валюте. Все это содействует избавлению этих экономически слабо развитых стран от иностранной валютной зависимости, от губительной для них лихорадки цен на мировом капиталистическом рынке. Образцом таких новых отношений является заключенное в феврале 1955 г. советско-индийское соглашение о постройке металлургического завода мощностью в один миллион тонн стали в год. Советский Союз предоставляет для этого необходимое оборудование, осуществляет техническое руководство строительством, предоставляет льготный кредит на двенадцать лет.

Посещение Советского Союза премьер-министром Индии Джавахарлалом Неру в июне 1955 г. явилось историческим актом укрепления дружбы между двумя странами и дальнейшего развития сотрудничества между ними в экономической, культурной и научно-технической областях.

Принципы равноправного и взаимно-выгодного экономического сотрудничества восторжествуют, ибо они соответствуют жизненным интересам всех народов, в частности народов Азии и Дальнего Востока.

VII

Важное место в системе международных отношений на Дальнем Востоке занимает японская проблема. Талантливый и трудолюбивый японский народ уже в конце XIX в. сумел освободиться от иностранной колониальной зависимости, но господство помещиков, «дзайбацу» и военщины превратило Японию в агрессивную империалистическую колониальную державу и в конце концов привело ее к катастрофе.

После второй мировой войны для японского народа открылся путь свободного развития на демократической миролюбивой основе. Внутри страны произошла серьезная передвигка классовых сил в пользу демократии. Под воздействием широких общественных кругов в Японии был проведен ряд реформ, правда недостаточных, но все же означавших шаг вперед в общественно-политическом развитии страны: принята новая конституция (запрещающая, в частности, перевооружение Японии и ее участие в войнах), введены некоторые, хоть и урезанные демократические свободы, осуществлена, хотя и далеко не демократическая, земельная реформа.

Но Япония до сих пор опутана сетью кабальных неравноправных договоров и соглашений: «пакт безопасности», подписанный США и Японией в Сан-Франциско 8 сентября 1951 г.; административное соглашение от 28 февраля 1952 г.; американо-японский договор о дружбе, торговле и навигации от 2 апреля 1953 г.; соглашения, заключенные в Токио 8 марта 1954 г. о помощи США Японии в порядке «взаимного обеспечения безопасности», об американских капиталовложениях и т. д. Все эти навязанные Японии договоры предусматривают фактически превращение страны в базу иностранных вооруженных сил, сохранение иностранного контроля над промышленностью, финансами и торговлей.

Япония остается на положении полуоккупированной страны. По данным японского министерства иностранных дел на 15 июня 1954 г.

в Японии насчитывалось 719 иностранных баз для авиации и флота, радарных станций, полигонов и других военных объектов, занимающих территорию около 150 тыс. га. Численность чужеземных войск в Японии к этому времени превышала 100 тыс. человек. Определенные круги США всячески стимулируют и финансируют восстановление японского милитаризма и «дзайбацу». Они инспирируют кампанию за пересмотр японской конституции, дабы узаконить восстановление в стране вооруженных сил и подготовку к войне. Они рассматривают Японию как главную ударную силу в проектах широкого Тихоокеанского пакта, поскольку остальные азиатские участники такого пакта не представляют собой реальной силы.

Япония очутилась в исключительно тяжелом экономическом положении. Иностранные монополии вторгаются в различные отрасли японской экономики, хотя и наталкиваются на растущее сопротивление национального капитала. Одной из важных форм иностранного проникновения стали договоры «технической помощи». С середины 1950 г. до сентября 1954 г. заключено 403 таких договора, из них 288 с американцами²⁹. На долю США приходится $\frac{4}{5}$ всех послевоенных иностранных капиталовложений.

Удушающее воздействие на японскую экономику оказывает политика бойкота торговли со странами демократического лагеря. В результате этой политики резко изменилось направление японской торговли. На США и долларовую зону приходится примерно $\frac{1}{3}$ японского экспорта и от половины до трех пятых японского импорта, причем по торговле с США и странами долларовой зоны Япония имеет неизменный дефицит, в среднем свыше 500 млн. долл. в год³⁰. До войны крупнейшим потребителем японских промышленных товаров и крупнейшим поставщиком сырья и продовольствия для Японии был Китай. На его долю приходилось $\frac{1}{3}$ импорта и более $\frac{2}{5}$ экспорта Японии. В послевоенные годы торговля с Китаем сведена на нет. Изоляция от китайского рынка, а также отсутствие торговых отношений с Советским Союзом и другими странами социалистического лагеря — губительная для Японии политика.

Нет ни одной крупной страны, не считая Англии, которая так зависела бы от внешней торговли, как Япония. Она ввозит 100% потребляемого хлопка, шерсти, каучука, никеля, бокситов, олова, фосфатов; 90% нефти, 80% железной руды, 70% кокса, 50% марганца, 20% продовольствия. Между тем, хотя промышленная продукция в 1954 г. была уже на $\frac{1}{3}$ выше довоенной, импорт примерно настолько же отставал от довоенного уровня, а экспорт не достиг и половины его. Япония жизненно нуждается в закупках сырья и, соответственно, в рынках сбыта для своей промышленной продукции.

«Дзайбацу», помещики и военщина пытались разрешить экономические проблемы Японии «железом и кровью». Это привело к неминуемой катастрофе. Но есть другой, единственно верный путь разрешения жгучих экономических проблем Японии — путь дружественного и равноправного экономического сотрудничества со странами Восточной, Юго-Восточной и Южной Азии. Чжоу Энь-лай в докладе об итогах Бандунгской конференции говорил: «Из всех стран Азии и Африки Япония в промышленном отношении развита больше других. Если Япония откажется от своей прежней практики колониализма, она тоже сможет оказывать техническую помощь другим странам в Азии и в Африке».

В Японии растут силы, выступающие за независимую внешнюю политику и освобождение от иностранного контроля. Одним из показателей сдви-

²⁹ «Oriental economist», декабрь 1954 г.

³⁰ Там же.

гов, происходящих во внутриполитической жизни Японии, было падение кабинета Иосиды в декабре 1954 г. и поражение возглавляемой тем же Иосидой либеральной партии на парламентских выборах в феврале 1955 г. Новое правительство, возглавляемое лидером победившей на парламентских выборах в феврале 1955 г. демократической партии Хатояма, заявило о своем желании нормализовать отношения с Советским Союзом и Китаем.

В японском народе растет возмущение и протест против иноземного хозяйничания. Ширится и крепнет движение сторонников мира. Япония первая испытала на себе варварские атомные бомбардировки. Известно, что Япония явилась и первой жертвой испытаний водородного оружия, проводившихся в западной части Тихого океана. Под требованием о запрещении атомной и водородной бомб в Японии подписалось свыше 32 млн. человек.

Советский Союз и Китай неоднократно выражали и выражают готовность установить нормальные добрососедские политические и экономические отношения с Японией. В совместной декларации правительств СССР и КНР, опубликованной 12 октября 1954 г., говорится: «Правительства Советского Союза и Китайской Народной Республики в своей политике в отношении Японии исходят из принципа мирного сосуществования государств независимо от их общественного строя, будучи уверены в том, что это отвечает жизненным интересам всех народов. Они стоят за развитие широких торговых отношений с Японией на взаимно выгодных условиях, за установление с ней тесных культурных связей»³¹.

* * *

В Азии и на Дальнем Востоке за послевоенный период произошли преобразования, имеющие величайшее историческое значение. Соединение национально-освободительного движения в странах Востока с силами демократии и социализма на Западе составляет величайшую движущую силу мирового прогресса в наше время. Ленин в 1913 г. писал: «Пробуждение Азии и начало борьбы за власть передовым пролетариатом Европы знаменуют открывшуюся; в начале XX века, новую полосу всемирной истории»³².

У народов новой Азии могут быть различные представления о будущих перспективах мирового развития, могут различаться их экономические и политические системы, идеологические воззрения, образ жизни, но одно их объединяет, в одном они в одинаковой степени нуждаются — это в сохранении и защите мира, в достижении и защите своей свободы и независимости, ибо, как сказано в коммюнике конференции стран Азии и Африки, «свобода и мир связаны между собой». Борьба за смягчение международной напряженности, которую ведут Советский Союз, Китай и другие страны демократического лагеря, соответствует коренным, жизненным интересам всех народов Востока.

В борьбе за свободу и мир, за ликвидацию колониализма во всех его проявлениях народы Азии и Дальнего Востока выступают плечом к плечу со всем прогрессивным человечеством, и не может быть ни тени сомнения в том, что их правое дело восторжествует.

³¹ «Известия», 12 октября 1954 г.
³² В. И. Ленин. Соч., т. 19, стр. 66.

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ КОЛОНИАЛЬНЫХ И ЗАВИСИМЫХ СТРАН В ЭПОХУ ИМПЕРИАЛИЗМА

В. А. МАСЛЕННИКОВ¹

Колониальная система империализма сложилась на рубеже XIX и XX вв., когда был завершен территориальный раздел мира между империалистическими державами. Эпоха империализма внесла глубокие качественные изменения в экономические условия развития колониальных и зависимых стран.

Доимпериалистические методы закабаления стран в основном сводились к прямому военному и налоговому грабежу и выкачиванию торговых прибылей на основе неэквивалентного обмена. В эпоху империализма к старым методам закабаления прибавились еще новые методы, резко изменившие характер экономики этих стран. Эти методы были связаны с образованием единой капиталистической системы мирового хозяйства, с всемогуществом финансового капитала, проникавшего в погоне за получением максимальной прибыли во все экономически отсталые страны земного шара. Эти методы были обусловлены господством финансового капитала в «передовых» странах капитализма и превращением капитализма во всемирную систему финансового порабощения и колониального угнетения гигантского большинства населения земли горстью «передовых» стран. Империалистические методы колониальной эксплуатации обусловлены усиленным вывозом капитала в колониальные и зависимые страны, которые превращались в сферы монопольного приложения капитала, источники дешевого сырья.

¹ От редакции: Предлагаемая статья является переработанным докладом автора, прочитанным 25 февраля 1955 г. на расширенном заседании экономической секции Ученого совета Института востоковедения АН СССР. Краткое изложение прений по докладу см. в разделе «Научная жизнь».

Дискуссия помогла выявить основные точки зрения по важнейшим вопросам экономики колониальных и зависимых стран.

Наиболее острую полемику вызвал вопрос о том, распространяется ли действие основного экономического закона современного капитализма на экономически отсталые страны. Разногласия в этом вопросе определили разные взгляды на степень подчиненности экономики этих стран иностранным монополиям.

Некоторые востоковеды считают недопустимым рассматривать экономику всех колониальных и зависимых стран в эпоху империализма как экономику полуфеодальную. По их мнению, экономика колониальных и зависимых стран представляет собой комплекс производственных отношений, начиная с первобытно-общинных и кончая капиталистическими.

Редакция журнала просит высказаться на страницах нашего журнала по существу затронутых в статье В. А. Масленникова вопросов.

Господство в колониальных и зависимых странах финансового капитала неизбежно вело к разорению и обнищанию огромного большинства мелких производителей и создавало огромные резервы сверхдешевой рабочей силы, которые давали возможность особенно интенсивно использовать на производстве женский и детский труд в условиях отсутствия элементарных правил охраны труда и техники безопасности на предприятиях. Капитал, вывозившийся в колониальные и зависимые страны, направлялся или в строительство предприятий добывающей и легкой промышленности и железных дорог, или на кабальные государственные займы. В том и другом случае результатом было все большее подчинение народного хозяйства этих стран иностранным монополиям. Империалистические монополии захватывали колонии или «сферы влияния», чтобы лишить своих противников всякой возможности конкуренции на мировых рынках. Они устанавливали в колониальных и зависимых странах монополию на разработку естественных сырьевых ресурсов, строительство железных дорог и портов, на вывоз из страны тех или других товаров.

Формы закабаления отдельных колониальных и зависимых стран были разнообразны. Они зависели от многих причин, и прежде всего от характера экономического строя и развития данной страны. Империализм устанавливал свое господство как в стране с отсталой экономикой, где еще преобладали докапиталистические отношения и где совсем или почти не было капиталистической промышленности, так и в стране, где уже имелась более или менее развитая промышленность. Господство империализма в колониальных и зависимых странах, связанное с вывозом туда капитала, как известно, ускоряло развитие капитализма в этих странах, хотя и в уродливых формах. В конце XIX в., когда образовался мировой капиталистический рынок, в наиболее развитых из этих стран началось складывание капиталистических отношений. В Индии в последней четверти XIX в. уже образовалась национальная буржуазия, которая вместе с частью индийских помещиков организовала партию Национальный конгресс, выступившую в защиту национальной промышленности. В Китае в эти годы развернулась борьба за реформы, возглавляемая буржуазным реформатором Кан Ю-взем.

Несмотря на возникновение в некоторых странах капиталистического уклада, колониальный Восток в XIX в. характеризовался известным единообразием экономических отношений. В эпоху империализма в связи с развитием капиталистических отношений единообразного Востока не стало. В первой четверти XX в. сложились по крайней мере три категории колониальных и зависимых стран: во-первых, страны, не имеющие или почти не имеющие своего пролетариата и в промышленном отношении совершенно не развитые; во-вторых, страны, в промышленном отношении мало развитые и имеющие сравнительно малочисленный пролетариат; в-третьих, страны, капиталистически более или менее развитые и имеющие более или менее многочисленный национальный пролетариат².

Различия в уровнях экономического развития отдельных колониальных и зависимых стран в эпоху империализма помогают понять специфические особенности революционного национально-освободительного движения в этих странах.

К середине XX в. в экономике стран Востока произошли новые большие изменения. Китай, Северная Корея, Вьетнам выпали из системы империализма и быстрыми темпами начали развивать свою национальную промышленность, идя по пути к социализму. К этому времени в

основном исчезла категория стран, не имеющих или почти не имеющих своего пролетариата. Даже в таких отсталых странах, как Афганистан, Судан или Йемен, появились первые зачатки фабричной промышленности и свой, хотя и малочисленный, пролетариат. Марокко превратилось в страну со сравнительно развитой горнодобывающей промышленностью, пролетариат которой вышел на арену политической борьбы в авангарде мощного национально-освободительного движения. Египет сделал дальнейшие шаги в своем промышленном развитии, и его пролетариат уже прославил себя героическими боями за независимость страны. В результате мощного национально-освободительного движения Индия добилась статуса независимости и, несмотря на сопротивление иностранного капитала, развивает свою национальную промышленность. Ее пролетариат представляет большую силу национально-освободительного движения.

Как указывал В. И. Ленин, эпоха империализма создала целый ряд переходных форм государственной зависимости. «Типичны для этой эпохи не только две основные группы стран: владеющие колониями и колонии, но и разнообразные формы зависимых стран, политически, формально самостоятельных, на деле же опутанных сетями финансовой и дипломатической зависимости»³. Господство империализма, таким образом, по-разному проявилось в колониальных и зависимых странах. Но всюду основной целью этого господства было закабаление и ограбление колониальных и зависимых стран для извлечения максимальных прибылей. В этом проявляется одна из главных черт основного экономического закона современного капитализма, обеспечивающего максимальные капиталистические прибыли как путем эксплуатации большинства населения империалистических стран, путем войн и милитаризации народного хозяйства, так и путем закабаления и систематического ограбления народов других стран, особенно экономически отсталых.

Господство империализма в колониальных и зависимых странах обеспечивалось тем, что империалистические монополии захватывали в этих странах командные высоты экономики: крупную промышленность, железные дороги, порты, внешнюю и, в значительной степени, внутреннюю оптовую торговлю, банковский кредит и денежное обращение. Таким образом, монополии создавали в колониальных и зависимых странах материальные возможности, обеспечивающие широкое поле для действия основного экономического закона современного капитализма. Экономика колоний и зависимых стран в период господства империализма в значительной степени подчиняется интересам и целям империалистических держав. Основной экономической закон современного капитализма стал в этих странах решающей силой их развития, превращающего эти страны в аграрно-сырьевой придаток к метрополиям. Однако это не означает, что в странах, находящихся под господством империализма, полностью исчезают тенденции самостоятельного экономического развития национальной экономики. Эти тенденции пробивают себе дорогу даже в тяжелых условиях империалистического гнета. В действии основного закона капитализма заключается главная причина огромных противоречий, возникающих между тенденцией к полному подчинению страны империализму и тенденцией к ее самостоятельному экономическому развитию.

Экономический строй колониальных и зависимых стран в доимпериалистическую эпоху в основном сохранял свой первоначальный характер, какому бы разорению и грабежу со стороны колониальных держав эти страны ни подвергались. Колониальные державы не могли, да и не ста-

² См. И. В. Сталин. Соч., т. 7, стр. 146.

³ В. И. Ленин. Соч., т. 22, стр. 250.

вили целью подчинить себе всю экономику колониальных и зависимых стран, имеющую в основном аграрный характер. Главным методом колониальной эксплуатации в эту эпоху был неэквивалентный обмен, для развития которого колониальные державы должны были осуществлять железнодорожное и портовое строительство. Строительство железных дорог и портов, рост городов благоприятствовали расширению товарного производства, появлению в колониальных и зависимых странах промышленности, обслуживающей потребности железных дорог и внешней торговли.

Развитию фабрично-заводской национальной промышленности в этих странах препятствовало отсутствие отечественного оборудования и технических кадров, а также таможенной автономии. В условиях медленно образующегося внутреннего капиталистического рынка ввоз дешевых фабричных товаров и отсутствие запретительных пошлин наносили тяжелый ущерб национальной промышленности. Развивалась лишь промышленность, принадлежавшая иностранцам, особенно те ее отрасли, которые не конкурировали с товарами, импортируемыми иностранцами, и которые обеспечивали более быструю оборачиваемость ее продукции и более высокую прибыльность. Накопления национальной торгового капитала в колониях и зависимых странах направлялись в основном не в промышленность, а на приобретение земли и в ростовщичество, где возможно было обеспечить получение более высоких доходов на основе докапиталистических методов эксплуатации.

Таким образом, хотя развивавшиеся в недрах феодальной экономики мелкотоварный и капиталистический уклады и подрывали старую систему, они не изменяли общего феодального характера экономики отсталых стран. Основным экономическим законом, действовавшим в эту эпоху в колониях и зависимых странах, был закон феодализма, отражавший господство феодальных отношений в экономике этих стран. С развитием капиталистического уклада в недрах феодальной экономики росли новые производительные силы, которые стремились сбросить старые производственные отношения, тормозившие их развитие. Революция 1868 г. в Японии привела к власти буржуазно-помещичьи классы и способствовала развитию Японии по капиталистическому пути. В других странах Востока революционное движение в XIX в., направленное на ликвидацию феодализма, подорвало, но не сломало господство феодальных отношений.

В империалистическую эпоху экономический закон феодализма потерял характер основного и стал подчиненным законом, так как в характере экономики колониальных и зависимых стран произошли настолько резкие изменения, что они обусловили смену основного экономического закона. Империализм, опираясь на класс феодалов и широко используя феодальные методы эксплуатации, подчинил экономику колониальных и зависимых стран целям получения максимальной прибыли. Установление господства империализма в колониальных и зависимых странах не только не уничтожило многоукладности их экономики, но способствовало некоторому росту и укреплению мелкотоварного и капиталистического уклада, хотя и в весьма уродливой форме. В эпоху империализма, характеризующуюся созданием единого мирового капиталистического хозяйства, все колониальные и зависимые страны стали звеньями этого хозяйства. Они стали поставщиками дешевого как минерального, так и сельскохозяйственного сырья для метрополий.

Захват монополиями командных экономических высот в колониальных и зависимых странах создал условия для использования действия экономических законов соответствующих укладов монополистическим капиталом. Использование экономических законов в интересах получения

максимальной прибыли связано с серьезным сопротивлением, с которым сталкиваются иностранные монополии в любой колониальной и зависимой стране. Но опираясь на свою огромную экономическую и военную силу, империализм подчиняет экономику колониальных и зависимых стран. Овладев экономикой этих стран, монополистический капитал создает там условия, при которых как основной закон феодализма, так и законы прибавочной стоимости и стоимости теперь выступают подчиненными основному экономическому закону современного капитализма. Характерной чертой господства империализма в колониальных и зависимых странах является политика финансового капитала, направленная на консервирование и даже культивирование феодальных пережитков в стране, на широкое использование закона феодализма и феодальных методов эксплуатации в целях получения максимальных прибылей. Как экономический закон феодализма, так и законы прибавочной стоимости и стоимости зависят теперь в своем действии от условий, которые в свою очередь определяются той или иной степенью господства империализма в стране. Поэтому действие этих законов или подчиняется или сообразуется с действием основного экономического закона современного капитализма.

Однако нужно при этом иметь в виду, что степень и форма подчинения империализму экономики колониальных и зависимых стран различны для разных стран. Тенденция к самостоятельному экономическому развитию колониальных и зависимых стран в эпоху империализма, особенно в период общего кризиса капитализма, вступает в растущее противоречие с тенденцией к подчинению их экономики и беспощадной эксплуатации их населения империализмом. Противоречия между горстью колониальных держав и сотнями миллионов населения колониальных и зависимых стран приняли после Великой Октябрьской социалистической революции форму кризиса колониальной системы империализма. В условиях кризиса колониальной системы империализма, особенно на втором этапе общего кризиса капитализма, сфера действия основного экономического закона современного капитализма все более сужается. Она сужается не только потому, что некоторые страны выпали из сферы империалистического господства и стали народно-демократическими государствами, но и потому, что в ряде стран вырос и окреп свой национальный капитал, конкуренция с которым ограничивает размеры извлечения высоких прибылей иностранными монополиями.

Новая структура общества, которая создается в колониальных и зависимых странах в период господства империализма, отличается от доимпериалистической не только тем, что в этих странах в связи с созданием единого мирового капиталистического хозяйства ускорились темпы развития промышленности, и капиталистический уклад стал занимать большее место, чем прежде, но, главным образом, тем, что произошла качественное изменение старой экономики, что произошла смена основного экономического закона. Основным экономическим законом всякого общества, как известно, определяет основные черты производства этого общества, его сущность, целенаправленность производственного процесса. Так, в доимпериалистическую эпоху, когда в колониальных и зависимых странах господствовал основной экономический закон феодализма, его главными чертами было присвоение феодалами для своего паразитического потребления прибавочного продукта, получаемого путем эксплуатации зависимых крестьян на основе собственности феодала на землю. До империализма колонизаторам и их агентам также доставалась доля продукта, получаемого путем грабежа, сбора налогов или неэквивалентного обмена, но это не отменяло господства феодального способа производства. Процесс образования единого мирового капиталистического

хозяйства в доимпериалистическую эпоху еще не был закончен. Поэтому подчинение экономики колониальных и зависимых стран ограничивалось в основном сферой обращения и не могло нарушить условий, необходимых для существования относительно самостоятельной феодальной экономики.

В период господства империализма, когда создавалась мировая система капиталистического хозяйства, превратившая колониальные и зависимые страны в аграрно-сырьевые придатки к метрополиям, самостоятельное существование феодальной экономики стало невозможным. При господстве империализма в колониальных и зависимых странах производство как в городе, так и в деревне оказалось зависимым от иностранных монополий.

Новая экономическая структура общества колониальных и зависимых стран зависит от конкретных особенностей развития этих стран и имеет в то же время ряд общих характерных черт, отличающих ее от старой доимпериалистической структуры. Укажем на некоторые из этих общих характерных черт экономики колониальных и зависимых стран эпохи империализма.

Самой характерной чертой новой структуры общества колониальных и зависимых стран эпохи империализма является небывалый рост массового разорения крестьянских хозяйств в этих странах. В доимпериалистическую эпоху иностранный капитал в колониальных и зависимых странах не мог так глубоко проникнуть до непосредственного сельскохозяйственного производителя, как это происходит при империализме. Иностранные монополии, опираясь на помещиков и ростовщиков — своих агентов в деревне, узаконивают в деревне докапиталистические методы эксплуатации — высокую ренту, пережитки барщинного и прочего принудительного труда. Империалисты закрепляют и даже культивируют здесь условия, способствующие сохранению феодальных методов эксплуатации, укрепляя институт земельной собственности помещиков. С другой стороны, иностранные ипотечные банки в колониях и зависимых странах, предоставляя кредит под залог земли, становятся собственниками земельных участков разорившихся крестьян. Становясь собственниками земли, иностранные монополии сдают землю в аренду крестьянам на кабальных условиях или используют ее под плантационное хозяйство на условиях применения дешевого полурабского труда.

Процесс превращения колониальных и зависимых стран в страны монокультуры, который начался еще в XIX в., сейчас принял особенно широкие размеры. Развитие экспортных культур в чрезмерно преувеличенных размерах, как, например, хлопка в Египте, каучука и чая на Цейлоне, кофе и хлопка в Кении и Уганде, еще более подрывает самостоятельность этих стран и ставит крестьянские массы в зависимость от империализма. Неэквивалентный обмен, практиковавшийся в торговых отношениях с колониальными и зависимыми странами еще в XIX в., сейчас принял систематический характер. Закон стоимости, действовавший в мелкотоварном хозяйстве этих стран и до проникновения туда монополий, в эпоху империализма способствует ограблению крестьянского населения, вынужденного покупать у иностранных монополий товары по высоким монопольным ценам и продавать продукты сельского хозяйства по низким ценам.

Цены на сельскохозяйственную продукцию особенно резко падают в связи с аграрными кризисами, потрясающими капиталистическую систему хозяйства в условиях сужения рынков сбыта и быстрого роста запасов сельскохозяйственных товаров. После первой мировой войны в связи с огромным сокращением платежеспособного спроса разразился острый аг-

рарный кризис. Аграрный кризис особенно тяжело отразился на положении крестьянского населения колониальных и зависимых стран и продолжался до начала второй мировой войны.

В условиях, когда большинство крестьянского населения колониальных и зависимых стран вынуждено выплачивать помещикам высокую арендную плату, а ростовщикам — грабительские проценты по займам и ссудам, платить высокие цены за товары первой необходимости и средства производства — удобрение, семена, сельскохозяйственные орудия — и получать низкие цены за свои товары, в условиях все растущего налогового гнета крестьянство лишается не только прибавочного продукта, но и части продукта, необходимого для поддержания физического существования крестьянина и его семьи. За счет массового разорения крестьян, теряющих свою землю и другие средства производства, происходит огромное обогащение иностранных монополий и их агентов, извлекающих из эксплуатации деревни отсталых стран особенно большую массу прибыли.

Процесс массового разорения крестьян происходит с небывалой силой. Как бы ни был велик грабеж местного населения иностранным капиталом в Китае, Индии, Индонезии и других колониальных и зависимых странах в XIX в., он значительно уступает как по своим масштабам, так и по характеру, разорению крестьян и кустарей в XX в. Так, если в рисосеющих районах Китая (Южный, Юго-Западный Китай) в 1917 г. процент безземельных и бедняцких крестьянских хозяйств составлял 53, то в 1934 г. он поднялся до 75,5. Такой же процесс разорения крестьян в эти годы происходил и в других районах Китая.

По данным индийской статистики, в провинции Бомбей количество земли, принадлежащей крестьянам, уменьшилось с 944 тыс. га в 1917 г. до 746 тыс. га в 1943 г. Земля разорившихся крестьян перешла в руки помещиков, ростовщиков, торговцев⁴. Если в 1904—1913 гг. безземельные и малоземельные хозяйства в Индонезии составляли от 70,5 до 78,5%, то в 1938 г. число таких хозяйств достигло 95%⁵. Если на Филиппинах в 1918 г. 84% земельных участков обрабатывалось собственниками земли, то в 1939 г. процент таких участков сократился до 64.

Огромная и все растущая скрытая безработица в колониальных и зависимых странах оказывает большое влияние на всю экономику этих стран. В развитых капиталистических странах значительная часть крестьян и ремесленников, разорившихся, потерявших землю и другие средства производства, имеет, хотя и ограниченную, возможность найти себе работу в капиталистической промышленности и на транспорте. Даже в условиях общего кризиса капитализма, при наличии хронической армии безработных в городах, рассасывание скрытой сельскохозяйственной безработицы все-таки происходит. В колониях и зависимых странах, где слабо развита промышленность и транспорт, массы разорившихся крестьян и ремесленников могут найти в городе лишь случайный, временный заработок в качестве грузчиков, рикш, поденных рабочих, кули. Они в основном остаются в деревне и связываются с землей в той или иной форме, т. е. работают как наемные батраки, издольщики, мелкие арендаторы.

Наличие скрытой армии безработных — одно из главных условий сверхэксплуатации деревенского и городского населения колониальных и зависимых стран. Она не только обеспечивает возможность использования дешевой рабочей силы на условиях найма, но и возможность пре-

⁴ «Statistical atlas of the Bombay States». Bombay, 1950, p. 58.

⁵ М. Т. Mosalah. Agraria. Djakarta, 1952, p. 172.

вращения разорившихся голодающих масс в полурабов, полукрепостных, работающих на земле помещиков. Сочетание господства феодальных пережитков с существованием торгового капитала в деревне при сохранении феодальных методов эксплуатации является характерной чертой той структуры, которая сложилась в экономике колониальных и зависимых стран в эпоху империализма. Именно эта отсталая структура характеризует базис общества колониальных и зависимых стран.

Экономическая структура, сложившаяся в колониальных и зависимых странах в эпоху империализма, внесла новые черты в характеристику всех классов общества. Она превратила помещика-феодала в агента иностранных монополий, широко использующего как феодальные методы эксплуатации крестьянства, торговые и ростовщические операции, так и капиталистическое предпринимательство — строительство мельниц, рисоочистительных и винокурных заводов, шелкомотальных фабрик и т. д. и участие в акционерных обществах.

В условиях этой новой экономической структуры появился в деревне колониальных и зависимых стран кулак особого типа, отличающийся от кулака капиталистических стран. Будучи представителем деревенской буржуазии, применяющей наемный труд, кулак в колониальных и зависимых странах в то же время выступает как собственник земли, широко используя феодальные пережитки, т. е. кабальную докапиталистическую аренду, отработки, издольщину, ростовщичество. При господстве феодального землевладения и феодальных пережитков в деревне, тормозящих развитие капитализма, кулацкая прослойка в колониальных и зависимых странах обычно не велика. Она значительно меньше, чем кулацкая прослойка в капиталистических странах. Например, кулацкая прослойка в гоминьдановском Китае не превышала 5% общего числа крестьянских дворов. Между тем, сельской буржуазии в царской России принадлежало до 20% всего числа крестьянских дворов.

Господство феодальных пережитков в деревне оказывает огромное влияние и на промышленность колониальных и зависимых стран. Наличие огромной, скрытой, не рассасывающейся армии безработных в городах обусловили возможность до максимума увеличить норму эксплуатации рабочего класса. Широко применяемая в колониальных и зависимых странах подрядная система, система принудительного труда и кабальных контрактов — результат влияния господства феодальных пережитков на всю экономику этих стран.

Иностранные монополии развивают в этих странах те отрасли добывающей промышленности, которые необходимы для удовлетворения потребностей иностранных держав в сырье. Только в исключительных случаях империалистические монополии строят там предприятия тяжелой индустрии, но и тогда они ограничивают производство на таких предприятиях только выпуском полуфабрикатов. Так, строительство японцами металлургической промышленности в оккупированном Северо-Восточном Китае преследовало цель удовлетворить потребности японской военной промышленности в железной руде, чугуне и стали. Эта промышленность не имела законченного цикла производства. Она создавала условия для превращения северо-восточной окраины Китая в стратегический плацдарм японского империализма.

Машиностроительной промышленности, выпускающей готовую продукцию в виде машин и оборудования, в колониальных и зависимых странах, как правило, не существует. Империализм, препятствующий самостоятельному экономическому развитию колониальных и зависимых стран, таким образом, придает развитию промышленности в этих странах уродливые формы.

Несмотря на огромные резервы свободной рабочей силы и на наличие накоплений торгового капитала, развитие национальной промышленности незначительно. Этот процесс протекает при империализме в гораздо более противоречивых формах, чем в XIX в. Национальная буржуазия экономически отсталых стран находится в зависимости от иностранного капитала как в получении кредитов, так и в покупке оборудования и сырья. Она наталкивается на сильную конкуренцию иностранных товаров на внутреннем рынке. Вот почему интересы национальной буржуазии колониальных и зависимых стран сталкиваются с интересами империализма.

Образование мирового демократического рынка на втором этапе общего кризиса капитализма создало благоприятные условия для экономически отсталых стран в получении кредита на покупку оборудования и сырья, в налаживании взаимно выгодных торговых и экономических связей со странами демократического лагеря. Равноправные взаимно выгодные торговые и экономические отношения этих стран с Советским Союзом и странами народной демократии, подобные тем, какие налаживаются между СССР и Индией, СССР и Афганистаном, между Индонезией и Китайской Народной Республикой способствуют ослаблению экономической зависимости отсталых стран от империалистических держав.

Таким образом, господство империализма в колониальных и зависимых странах вносит глубокие изменения в их экономику. Современный экономический строй колониальных и зависимых стран уже нельзя отнести к феодализму, хотя пережитки феодализма еще господствуют в сельском хозяйстве этих стран. Он отличается от феодализма не только тем, что в экономике этих стран господствует империализм, который использует пережитки феодализма в своих интересах, но главным образом тем, что капиталистические производственные отношения, хотя и уродливо, но развиваются в колониальных и зависимых странах и изменяют их экономику, ускоряя разорение и обнищание крестьян. Развитие капитализма обусловило появление новых классов общества: буржуазии и пролетариата. Особенно большое значение имеет рост пролетариата, который, формируясь как на иностранных, так и на национальных предприятиях, представляет из себя более развитую общественную силу, чем национальная буржуазия. Однако экономический строй общества, который сложился в колониальных и зависимых странах после вторжения в них империализма, нельзя отнести и к капиталистическому.

Мао Цзэ-дун, анализируя характер тех изменений, которые произошли в Китае после вторжения империалистических держав и оккупации части страны японскими милитаристами, определяет китайское общество как полуфеодальное, полуколониальное и колониальное. Он пишет: «Итак, мы видим, что вторжение империалистических держав в Китай, с одной стороны, способствовало распаду китайского феодального общества, способствовало развитию в Китае элементов капитализма и привело к превращению феодального общества в полуфеодальное. С другой же стороны, установив в Китае свое жестокое господство, империалистические державы превратили независимый Китай в страну полуколониальную и колониальную»⁶.

Мао Цзэ-дун раскрывает две стороны одного и того же процесса, происходящего в экономике колониальных и зависимых стран. Превращение экономики независимой страны в экономику полуколониальную и колониальную связано с превращением феодальной экономики в полуфеодальную. Мао Цзэ-дун показывает, что империализм господствовал в Китае, хотя государственная власть принадлежала сначала

⁶ Мао Цзэ-дун. Избр. произв., т. 3, стр. 148.

классу помещиков в лице милитаристов и бюрократов, а затем диктатуре блока помещиков и бюрократического капитала. Империализм держал в своих руках в Китае не только командные высоты финансовой и экономической жизни, но и государственный и военный аппарат страны, которая из независимой превратилась в полуколонию. В оккупированных районах Китая, где власть принадлежала японскому империализму, создавалась колониальная экономика.

В условиях колониальной и полуколониальной экономики Китая феодальная экономика старого Китая превратилась в полуфеодальную. Это выразилось в том, что основа натурального хозяйства феодальной эпохи была разрушена. Однако феодальная эксплуатация не только осталась, но в сочетании с комрадурской и ростовщической эксплуатацией заняла в экономической жизни китайской деревни господствующие позиции. Национальный капитализм получил некоторое развитие и стал играть довольно значительную роль в Китае. Но он был еще очень слаб и большинство его представителей было связано с империализмом и с феодализмом. Характерной чертой полуфеодальной, полуколониальной экономики Китая было то, что под двойным гнетом империализма и феодализма народные массы изо дня в день все больше нищали, разорялись, владели голодом, бесправное существование. Характеристика, которую дает Мао Цзэ-дун полуколониальной, колониальной и полуфеодальной экономике Китая, в основных чертах вполне применима, конечно, с учетом конкретной обстановки и специфики, ко всем колониальным и зависимым странам. Господство империализма в колониальных и зависимых странах порождает огромное несоответствие производственных отношений характеру производительных сил, до чрезвычайности обостряет противоречия в колониях и зависимых странах. Несоответствие производственных отношений характеру производительных сил проявляется, во-первых, в огромном росте скрытой резервной армии безработных. Не находя применения своему труду и влача голодное существование, эти слои разорившегося, обнищавшего населения требуют радикального изменения общественных условий жизни: отмены помещичьего землевладения и наделения крестьян землей, изгнания из страны империалистов и проведения национальной политики развития производительных сил.

Это несоответствие производственных отношений характеру производительных сил проявляется также в трудностях для национальной буржуазии достаточно прибыльно применять в производстве свои накопления. Национальная буржуазия недовольна господством империализма, которое тормозит развитие производительных сил, использование огромных резервов дешевой рабочей силы и природных богатств страны. Национальная буржуазия заинтересована в освобождении страны от засилья империализма и феодализма. На первом этапе национально-освободительного движения она становится обычно на сторону тех общественных сил, которые стремятся привести производственные отношения в соответствие с характером производительных сил, т. е. выступает против пережитков феодализма. Однако национальная буржуазия не является устойчивым борцом против империализма и феодализма, ибо в ее среде имеются элементы, связанные с иностранным капиталом и феодальным землевладением. Стойкими борцами против империализма и феодальных пережитков в колониальных и зависимых странах является рабочий класс и крестьянство. Развитие капитализма в городе и деревне способствует укреплению рабочего класса, который, как наиболее угнетенный класс, поднимается на борьбу за свои права. Наиболее организованный и спаянный класс колониальных и зависимых стран — пролетариат становится в авангарде национально-освободительной борьбы. Он ведет борьбу

под руководством своей партии, вооруженной марксистско-ленинским учением. Под знамена партии встают все угнетенные и эксплуатируемые массы этих стран.

Экономический закон обязательного соответствия производственных отношений характеру производительных сил давно пробивает себе дорогу в колониальных и зависимых странах. Действие этого закона встречает сильнейшее сопротивление со стороны империализма и отживающих сил полуфеодальной экономики этих стран. Все растущее несоответствие производственных отношений характеру производительных сил в колониальных и зависимых странах в эпоху империализма породило мощные общественные силы, которые выступили на решительную борьбу против империализма и реакции. Общественные силы для революционного сознательного движения против империализма и пережитков феодализма созрели в колониальных и зависимых странах не сразу. В прошлом многочисленные восстания народов колониальных и зависимых стран в большинстве случаев оканчивались неудачей потому, что в этих странах еще не было организующей и направляющей силы, не было пролетариата и его партии.

Огромное значение для пробуждения народов колониальных и зависимых стран имела Великая Октябрьская социалистическая революция, которая открыла эпоху кризиса колониальной системы империализма.

После Великой Октябрьской социалистической революции бурный подъем национально-освободительного движения одновременно охватил ряд колониальных и зависимых стран. Принципиальной особенностью революционного движения в колониальных и зависимых странах после первой мировой войны явилось активное участие в нем пролетариата этих стран, который выдвинулся в первые ряды борцов за национальное освобождение. В Китае пролетариат стал руководящей силой революционного национально-освободительного движения.

Особенности экономического и политического развития колониальных и зависимых стран обусловили особенности революционной борьбы. Национально-освободительное движение в этих странах с самого же начала выходит за рамки обычной буржуазно-демократической революции потому, что революция в этих странах одновременно разворачивается как против феодализма, так и против империализма. Будучи направленной против империализма, она выступает союзником мирового пролетарского движения. Ввиду слабости национальной буржуазии и ее неустойчивости революционную борьбу в колониальных и зависимых странах может возглавить и довести до победоносного конца только пролетариат.

После второй мировой войны кризис колониальной системы империализма углубился. Национально-освободительное движение приобрело новые черты. Образование могучего лагеря демократии и социализма, руководимого Советским Союзом, в огромной степени углубило кризис колониальной системы империализма. Борьба народов колониальных и зависимых стран против империализма и феодализма на втором этапе общего кризиса капитализма приняла самые разнообразные формы, охватив огромное большинство колониальных и зависимых стран. Кризис колониальной системы империализма на втором этапе общего кризиса капитализма привел к распаду колониальной системы. Фронт империализма был прорван в Китае, Корее и Вьетнаме. В этих странах образовались народно-демократические государства, выпавшие из сферы господства империализма и вставшие на путь строительства социализма.

Огромный рост национально-освободительной борьбы в послевоенный период создал такую обстановку в ряде колониальных и зависимых стран, что колониальные державы уже не могут по-старому управлять

колониями. Они или устанавливают в своих колониях террористический режим, ведут там затяжные войны и производят зверские карательные расправы с населением, или вынуждены отказываться от старых методов господства в ряде колониальных стран. Отказ ряда держав от колониального статуса отражает прогрессирующий распад старой колониальной системы империализма. Однако в некоторых случаях провозглашение независимости не изменяет сущности господства империализма.

Но, несомненно, знаменательным сдвигом является тот факт, что некоторые бывшие колонии (Индия, Индонезия, Бирма) встали теперь на путь суверенного развития и выступают со своей независимой внешнеполитической линией. Это означает, что такие страны имеют возможность уделить развитию национальной промышленности больше внимания и предоставить ей больше материальных средств. Они смогут теперь оградить свои рынки от неограниченного ввоза иностранных товаров и проводить покровительственную таможенную и налоговую политику в отношении национальной промышленности. Национальные правительства таких стран имеют возможность законодательно ограничить или прекратить ввоз иностранных капиталов в страну и решительно отказать от кабальных займов и так называемой помощи отсталым странам. Они имеют возможность на основе равенства сторон и взаимной выгоды расширить торговые и экономические связи со странами демократического лагеря. Все это означает, что в условиях второго этапа общего кризиса капитализма неограниченному действию основного экономического закона современного капитализма в некоторых экономически отсталых странах, вставших на путь суверенного развития, ставится тот или иной предел. Рост национально-освободительного движения в ряде зависимых и колониальных стран доказывает, что общественные силы этих стран не хотят больше мириться с господством империализма и феодальных пережитков, что также сокращает сферу действия основного экономического закона современного капитализма.

Сужение сферы приложения сил финансового капитала связано с чрезвычайным обострением междумпериалистических противоречий. Огромную активность в борьбе за передел сфер влияния проявляют после второй мировой войны американские монополии, проникающие в колониальные владения Англии, Франции и других старых капиталистических стран. Растущие междумпериалистические противоречия ослабляют фронт империализма, создают более благоприятные условия для борьбы народов колониальных и зависимых стран за свободу и независимость.

Национально-освободительное движение после второй мировой войны развертывается в период, когда рабочий класс колониальных и зависимых стран все более становится руководителем национально-освободительной борьбы. Оно развертывается в условиях усиливающейся консолидации единого антиимпериалистического фронта в этих странах, включающего рабочий класс, крестьянство, городскую мелкую буржуазию и национальную буржуазию. Опыт победоносной борьбы китайского народа показал народам колониальных и зависимых стран, какие огромные возможности таит в себе единый антиимпериалистический фронт, руководимый рабочим классом и его авангардом. Опираясь на единый антиимпериалистический фронт, угнетенные народы колониальных и зависимых стран все выше поднимают знамя борьбы за национальную независимость, демократию и мир.

ДЕСЯТЬ ЛЕТ ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКИ ВЬЕТНАМ

И. Я. ПОДКОПАЕВ

Десять лет назад, 2 сентября 1945 г., в результате августовского восстания вьетнамского народа против японских оккупантов и сотрудничавших с ними вишйцев в Индо-Китае возникла Демократическая Республика Вьетнам.

Этот день является славной датой в истории вьетнамского народа. С победой августовской революции «окончился длительный период господства в нашей стране французских колонизаторов, императора, мандаринов, началась новая эра — эра народной демократии, ведущей к социализму»¹, — заявил генеральный секретарь Партии трудящихся Вьетнама Труонг Шин.

Антидемократические силы развязали войну против Демократической Республики Вьетнам. На юге страны для «принятия капитуляции японских войск» высадились французские и английские войска. К северу от 16 параллели обосновались гоминьдановцы. 23 сентября 1945 г. французские войска оккупировали главный город Южного Вьетнама Сайгон, а вскоре захватили значительную территорию на юге страны и в Центральном Вьетнаме. Однако героическое сопротивление вьетнамского народа вынудило французские власти пойти на переговоры с Демократической Республикой Вьетнам. 6 марта 1946 г. было заключено первое соглашение, по которому Франция признала Вьетнам свободным государством со своим правительством, парламентом, армией и финансами. Это соглашение было подтверждено новым франко-вьетнамским соглашением от 14 сентября того же года. Однако 19 декабря 1946 г. французское правительство нарушило эти соглашения, открыв военные действия в столице республики — Ханое. День 19 декабря считается началом общенародной освободительной войны вьетнамского народа. По призыву правительства на защиту отечества поднялось все население Вьетнама.

Борьба вьетнамского народа за свою свободу и независимость делится на три периода.

Первый период (с конца 1946 до начала 1948 г.) был периодом активной обороны. Он завершился разгромом французского экспедиционного корпуса во Вьет-Баке.

Второй период — период «стратегии равновесия и подготовки к контрнаступлению» — продолжался с 1948 г. по май 1954 г. и закончился

¹ Труонг Шин. Августовская революция во Вьетнаме. Пер. с вьетнамского. М., Изд-во иностр. лит-ры, 1954, стр. 85.

штурмом Народной армией Вьетнама важнейшего укрепленного пункта французов на севере Вьетнама — крепости Дьен Бьен Фу.

Третий период (май — июль 1954 г.) — период генерального наступления Народной армии Вьетнама — закончился полным поражением французского экспедиционного корпуса в Северном Вьетнаме². Победы вьетнамского народа на севере страны в немалой степени содействовали успешной работе Женевского совещания. 21 июля 1954 г. в Женеве представители Советского Союза, Китайской Народной Республики, Соединенных Штатов Америки, Англии, Франции, а также Демократической Республики Вьетнам и других заинтересованных государств подписали соглашение о прекращении военных действий в странах Индо-Китая — Вьетнаме, Лаосе и Камбодже.

Подписание Женевских соглашений явилось крупной победой миролюбивых сил над силами войны.

Итоги Женевского совещания с новой силой подтвердили рост международного значения стран Азии и в первую очередь великого Китая. На этом совещании было подтверждено право на независимость и суверенитет, единство и территориальную целостность стран Индо-Китая, в том числе Вьетнама.

Согласно решениям Женевского совещания территория Вьетнама лишь временно разделена военной демаркационной линией, проходящей примерно по 17 параллели³.

Национальное объединение страны должно быть осуществлено путем всеобщих выборов, проведение которых по условиям Женевских соглашений предусматривается в июле 1956 г. За проведение этих выборов, как и за претворение в жизнь других условий Женевских соглашений, борется сейчас весь вьетнамский народ.

* * *

Победа Августовской революции во Вьетнаме была обусловлена двумя основными факторами.

Первый фактор — внутреннего порядка — состоит в том, что революция во Вьетнаме предшествовала многолетней борьбе вьетнамского народа за независимость. Революционный опыт Коммунистической партии Индо-Китая, боровшейся с первых дней своего основания (1930 г.) за руководство национально-освободительным движением, помог ей в тяжелые годы японской оккупации 1940—1945 гг. завоевать безграничное доверие вьетнамского народа, убедить его в том, что только вооруженное восстание является единственным средством для освобождения страны.

Второй фактор — внешнего порядка — заключается в том, что в результате разгрома империалистической Японии создались благоприятные условия для всеобщего народного восстания во Вьетнаме.

Генеральный секретарь Партии трудящихся Вьетнама Труонг Шин, указывая на эти два фактора, подчеркивает, что «несмотря на то, что внешнеполитические условия складывались столь благоприятно, сами по себе они никак не могли обеспечить победу, если бы не создалось благоприятных условий внутриполитического характера»⁴.

² Франция потеряла за время войны в Индо-Китае более 320 тыс. убитыми и ранеными.

³ В настоящее время весь Северный Вьетнам и около одной трети Центрального Вьетнама входят в Демократическую Республику Вьетнам. Территория ДРВ — 165 тыс. кв. км, территория всего Вьетнама — 350 тыс. кв. км. Население ДРВ составляет 12—13 млн. человек.

⁴ Труонг Шин. Указ. соч., стр. 28.

Основными движущими силами Августовской революции явились рабочий класс и крестьянство при руководящей роли рабочего класса и его авангарда — коммунистической партии. В процессе борьбы с японскими оккупантами коммунистическая партия создала Национальный фронт — Вьетминь, в который, наряду с рабочим классом и крестьянством, вошли национальная буржуазия и патриотически настроенные помещики. Коммунистическая партия Индо-Китая расширяла свое влияние в массах. Она разъясняла населению программу Национального фронта, которая содержала следующие основные пункты: борьба за независимость, защита прав человека и гражданина, защита свободы вероисповедания, равноправие наций, равноправие мужчин и женщин, защита частной собственности и частного капитала.

Коммунистическая партия организовала широкое народное движение против японских угнетателей. Она неустанно разоблачала маневры японских оккупантов, которые, пытаясь привлечь на свою сторону вьетнамский народ, объявили Вьетнам «независимым» государством во главе с Бао Даем и включили страну в так называемую сферу совместного процветания великой Восточной Азии.

Партия вскрывала лицемерие японской военщины, пытавшейся выдать себя за освободителя народов Индо-Китая и решительно боролась с теми, кто сеял иллюзии о возможности сотрудничества с японскими захватчиками, о возможности договориться с ними по вопросам о реформах государственного управления. Патриоты вели работу в массах, раскрывая перед ними империалистическую сущность политики японских оккупантов.

Одной из форм пропаганды в это время была «пропаганда с оружием в руках». Коммунистическая партия создавала из рабочих и крестьян партизанские отряды, которые освободили от японских захватчиков значительные территории на севере страны. В этих районах к концу 1944 г. была организована Народная армия Вьетнама. С марта по июль 1945 г. Народная армия не переставала наносить удары по японским оккупантам, а в августе нанесла им окончательное поражение. Августовская революция победила.

Вьетнамская революция по своему характеру является народно-демократической революцией. Ее задачей является уничтожение империалистического и феодального гнета в стране. До образования народно-демократического государства в революции преобладали национально-освободительные, антиимпериалистические задачи. «Августовская революция, — пишет Труонг Шин, — была направлена лишь на свержение господства империалистов и марионеточных властей из помещичьего класса, на установление демократической республики; она еще не ставила перед собой задачи конфискации помещичьей земли, еще не ликвидировала остатков феодализма, чтобы создать тем самым условия, необходимые для быстрого роста торговли и промышленности»⁵.

Образование народно-демократического государства создало возможности для разрешения задач борьбы с феодальными пережитками. Таким образом, народно-демократическая революция во Вьетнаме в настоящее время осуществляет задачи первого — буржуазно-демократического ее этапа.

Августовская революция создала во Вьетнаме строй демократической республики, несущей характер народной демократии.

6 января 1946 г. в стране состоялись всеобщие выборы в Национальное собрание, в которых приняло участие 90% избирателей. 8 ноября 1946 г. Национальное собрание после всенародного обсуждения приняло Кон-

⁵ Труонг Шин. Указ. соч., стр. 49.

ституцию Демократической Республики Вьетнам, провозгласившую, что Вьетнам является демократической республикой. «Вся власть в стране принадлежит народу Вьетнама без различия расы, класса, вероисповедания, имущественного положения»⁶. Конституция установила полное равноправие всех граждан в экономическом, политическом и культурном отношениях. Конституция гарантировала свободу слова, печати, собраний, религии, неприкосновенность личности, жилища и корреспонденции, государственную помощь престарелым и нетрудоспособным, обязательное бесплатное всеобщее начальное обучение. Для рабочих и служащих установлен восьмичасовой рабочий день, оплачиваемые отпуска, пособия по болезни, социальное страхование. Согласно Конституции женщины пользуются полными и равными с мужчинами правами.

Важнейшим событием, определившим дальнейшие успехи в укреплении народно-демократического строя республики, усилении единства ее народа, его воли к победе, явилось преобразование Коммунистической партии Индо-Китая в Партию трудящихся Вьетнама (Ляо Лонг), которое произошло на втором съезде в феврале 1951 г. В программе партии были четко сформулированы как задачи периода освободительной войны, так и задачи периода укрепления народно-демократического строя. Партия трудящихся Вьетнама является подлинно массовой партией, в ее рядах уже к концу 1952 г. было более 700 тыс. человек.

В марте 1951 г. произошло объединение двух массовых организаций — Вьетмина и Льен-Вьета в Единый национальный фронт — Льен-Вьет⁷. Образование Единого национального фронта, в рядах которого уже в 1953 г. насчитывалось свыше 10 млн. человек, явилось ярким выражением непокосной воли вьетнамского народа довести до конца дело Августовской революции.

Одновременно с революционным изменением государственного строя правительство Вьетнама еще в годы освободительной войны проводило экономические преобразования. Народно-демократическая власть, опираясь на поддержку вьетнамского народа, прежде всего осуществила ряд аграрных преобразований. Правительство конфисковало земли французских колонизаторов и местных предателей, распределило эти земли между крестьянами-бедняками, провело снижение арендной платы за землю и снижение ростовщических процентов, произвело перераспределение общинных земель и предоставило большие ссуды крестьянам. К началу 1951 г. по всей стране 422 643 безземельных и малоземельных крестьян получили 253 882 га земли; в соответствии с декретом правительства 54 514 помещиков снизили арендную плату за землю на 25%⁸. В 1952 г. правительство выделило 15 млрд. донгов (пиастров) на ссуды для оказания помощи крестьянам. Была развернута борьба за расширение посевных площадей и повышение урожайности риса, за увеличение производства кукурузы, сладкого картофеля и т. д.

Больших успехов добился вьетнамский народ в годы Сопротивления в развитии национальной промышленности. Демократическому правительству пришлось заново создавать предприятия в горах и джунглях, так как города, в которых более или менее была развита промышленность, находились в руках французских войск. Серьезным достижением молодой

⁶ «Демократическая Республика Вьетнам». М., Изд-во иностр. лит-ры, 1948, стр. 50—51.

⁷ Льен-Вьет существовал в стране с 1946 г. параллельно Вьетмину. В сентябре 1955 г. съезд Единого национального фронта принял новый устав и программу фронта. Он теперь будет иметь более широкую основу и новое название — Отечественный фронт Вьетнама.

⁸ Труонг Шин. Указ. соч., стр. 95.

республики явилось создание оборонной промышленности. Была также налажена добыча угля в районах, в которых он раньше не разрабатывался, освоен выпуск тканей, бумаги, химических и фармацевтических материалов.

Особенно значительных успехов в годы освободительной войны достиг вьетнамский народ в области развития культуры. В стране было введено обязательное начальное обучение на родном языке. Научились читать и писать миллионы вьетнамцев; увеличилось число средних школ; были открыты высшие учебные заведения.

Успешной борьбе вьетнамского народа за свободу и независимость содействовала победа великого китайского народа.

«Это историческое событие, — писал центральный орган Партии трудящихся Вьетнама «Нян Дан», — оказало огромное влияние на освободительную войну вьетнамского народа. Она разрушила блокаду империалистов против Вьетнама и связала Вьетнам с Китаем и с великим демократическим лагерем, оказав тем самым неоценимую поддержку патриотической борьбе вьетнамского народа»⁹.

* * *

Прекращение войны в Индо-Китае открыло перед вьетнамским народом широкие возможности для строительства свободного, независимого, демократического государства.

За год, прошедший со дня подписания Женевских соглашений, еще более окрепло международное положение Демократической Республики Вьетнам. Упрочился народно-демократический строй, опирающийся на нерушимый союз рабочих и крестьян во главе с рабочим классом и пользующийся поддержкой всех патриотических слоев населения.

В мирных условиях вьетнамский народ, не покладая рук, трудится над тем, чтобы залечить раны войны, восстановить свою экономику. Партия трудящихся и народное правительство придают особо важное значение восстановлению и развитию сельского хозяйства. С этой целью в стране проводится аграрная реформа. Аграрная реформа во Вьетнаме должна окончательно уничтожить систему феодального землевладения, которая после освобождения от колониальной зависимости являлась главным тормозом на пути экономического, политического и культурного развития страны. Уничтожение помещичьего землевладения освобождает производительные силы деревни от оков феодализма, позволяет увеличить сельскохозяйственное производство, расчистит путь для развития промышленности и торговли, подъема благосостояния вьетнамского народа.

Крестьяне Вьетнама, составляющие 90% населения страны, до последнего времени жили в условиях потрясающей нищеты. Около двух с половиной миллионов крестьянских семей — почти половина всего населения — или совсем не имели земли или владели такими карликовыми участками, которые не могли обеспечить сколько-нибудь удовлетворительного существования. На долю крестьян приходилось только 25% земли, а 48% принадлежало помещикам. Около 10% составляли общинные земли, которыми фактически также распоряжались помещики, 9,4% земель находилось в руках колонизаторов; часть земли принадлежала церкви. Для того чтобы как-нибудь прокормиться, основная часть крестьянства арендовала землю у помещика и кулака, выплачивая им от 50 до 80% урожая.

⁹ «Нян Дан», 8 июля 1955 г.

Демократическое правительство еще в первые годы Сопротивления предприняло ряд мер, направленных на улучшение жизни крестьян. 14 июля 1949 г. был издан декрет о снижении арендной платы на 25 %.

Однако в период освободительной войны правительство Демократической Республики Вьетнам не могло осуществить широких аграрных преобразований. Даже проведение в жизнь декрета 1949 г. о снижении арендной платы натолкнулось на серьезные препятствия. Главным из них было сопротивление помещиков. Большинство помещиков, проживавших на территории республики, прикидываясь сторонниками народной власти, не только не соблюдали декрета о снижении арендной платы, но продолжали неограниченную эксплуатацию батраков и арендаторов. Помещики пробирались в местные органы власти и захватывали во многих районах административную и политическую власть. Это происходило потому, что в первые годы Сопротивления крестьяне-бедняки не были достаточно организованы и не обладали политическим опытом для того, чтобы защитить свои права. Трудности проведения аграрной реформы во время войны Сопротивления заключались также и в том, что территория часто переходила из рук в руки.

По мере укрепления народно-демократического строя и упрочения союза рабочего класса и крестьянства народное правительство и Партия трудящихся Вьетнама все более усиливали наступление на класс помещиков с тем, чтобы сломить его сопротивление.

20 мая 1953 г. правительство издало указ, направленный против помещиков, не подчинявшихся декрету от 1949 г. На основе этого указа в деревнях были созданы временные крестьянские комитеты, в задачу которых входила мобилизация широких масс на борьбу за снижение помещиками арендной платы. Члены комитетов избирались самими крестьянами. Комитеты созывали общие собрания крестьян, на которых вскрывались беззакония помещиков. Помещики, которые не выполняли декретов о снижении арендной платы или совершили другие преступления, привлекались к ответственности через местный народный трибунал.

К коренным аграрным преобразованиям правительство Демократической Республики Вьетнам приступило с 1954 г. на основе закона, принятого третьей сессией Национального собрания в декабре 1953 г. По этому закону ликвидируются права на земельную собственность империалистов и помещиков. Земля передается тем, кто ее обрабатывает.

Решение Национального собрания Демократической Республики Вьетнам от декабря 1953 г. об аграрной реформе явилось важным этапом на пути дальнейшего развития народно-демократической революции. «Аграрная революция, — говорил в своем выступлении на этой сессии Труонг Шин, — есть основа и суть национальной, народно-демократической революции».

Проведение аграрной реформы предполагает тщательную подготовку, и она не может быть осуществлена сразу. «Аграрная политика, — указывает президент Демократической Республики Вьетнам Хо Ши Мин, — является политикой всей нации, но ее осуществление должно проводиться постепенно и своевременно, в соответствии с конкретной обстановкой в каждом районе»¹⁰.

Осуществление аграрной реформы во всей республике проходит в два этапа.

В тех районах, где еще преобладает политическое влияние помещиков, проводится мобилизация масс на снижение арендной платы. Это — первый этап реформы.

¹⁰ «Бюллетень вьетнамского посольства в Пекине», № 1154, 2 января 1954 г.

На втором этапе, после изгнания помещиков из местных органов управления и укрепления крестьянских союзов, происходит изъятие земли у всех помещиков. При этом у помещиков, совершивших преступления против законов республики, земля, рабочий скот и постройки конфискуются, а сами помещики предаются суду. У помещиков, не совершивших преступлений, земля выкупается.

В настоящее время аграрная реформа проведена в ряде провинций. Первый этап — мобилизация крестьянских масс на снижение арендной платы — осуществлен в 1 352 деревнях — 19 провинций — с населением более 5 600 тыс. человек. Второй этап аграрной реформы проведен в 735 деревнях — семи провинциях, насчитывающих 1 586 тыс. жителей. В результате реформы у помещиков конфисковано и выкуплено 266 тыс. мау¹¹ земли, более 14 600 буйволов и быков, 149 тыс. сельскохозяйственных орудий, 13 тыс. домов и построек, 4 тыс. тонн продовольствия и т. д. Все это было передано крестьянам.

С целью поднятия сельского хозяйства правительство Демократической Республики Вьетнам проводит большую работу по ремонту и строительству ирригационных сооружений. Благодаря упорному труду населения и помощи народного правительства в различных районах страны построено 150 плотин и шлюзов. За год мирной жизни, с 1 июля 1954 г. по июнь 1955 г., в республике восстановлено восемь ирригационных систем: Бай-Туонг (провинция Тань-Хоа), Тхеак-Хуанг (провинция Тай-Нгуён), Лиен-Сон (провинция Винь-Фу), Кау-Сон (провинция Бак-Жианг), Лиен-Мак (провинция Ха-Донг), До-Луонг (провинция Нго-Ан) и оросительные сооружения в провинциях Тай-Бинь и Сон-Тай. Эти ирригационные системы позволили оросить 251 987 га земли. За это же время укреплено 2 743 км речных плотин, на что потребовалось 6 945 тыс. кубометров земли и 131 790 кубометров камня.

Правительство Демократической Республики Вьетнам оказывает большую помощь крестьянам путем выдачи ссуд. По данным Государственного банка Демократической Республики Вьетнам только за первые пять месяцев после прекращения войны крестьяне и другие слои населения получили ссуды в сумме, которая в три раза превышает сумму, выданную в течение семи месяцев, предшествующих установлению мира в Индо-Китае.

Аграрная реформа, а также улучшение ирригационной системы в стране и все увеличивающаяся помощь крестьянам путем предоставления кредита способствует подъему сельского хозяйства в стране. В 1955 г. крестьяне засеяли риса на 32 тыс. га больше, чем в прошлом году. Вьетнамские крестьяне подняли 25 тыс. га залежных земель.

Проведение аграрной реформы, успехи в восстановлении сельского хозяйства еще более упрочили союз рабочих и крестьян — основу народно-демократического строя республики.

Серьезные задачи стоят перед вьетнамским народом в области восстановления и развития отечественной промышленности и транспорта. «Чтобы стать богатой и сильной страной, — заявил Труонг Шин, — необходимо развивать тяжелую промышленность и стать тем самым независимой в экономическом и культурном отношении»¹².

Для развития промышленности в Демократической Республике Вьетнам имеются все условия. Недра ее богаты самыми разнообразными полезными ископаемыми. На ее территории расположено главное угольное месторождение Вьетнама в районе бассейна Хон-Гай — Кам-Фа, недалеко от Хайфона.

¹¹ Мау = 0,36 га.

¹² Труонг Шин. Указ. соч., стр. 61.

Здесь добывается уголь высокого качества, имеются коксующиеся сорта углей, а также и антрацит. Мощность угольного пласта в Хон-Гае достигает 20 метров.

В республике имеются большие залежи цинковой руды. Они расположены между Светлой и Красной реками. Основные рудники сосредоточены в районе Ланг-Сон и Туйен-Куанг. Выплавка цинка производилась на заводе в Куанг-Ен. В небольших количествах в районе Као-Банга добывалось олово. Кроме олова добывается также вольфрам. В районе Ланг-Сон имеются бокситы, в районе Виня — марганцовые руды, в районе Бак-Кана — золото. Имеются также залежи фосфатов, железных руд, меди, сурьмы, соли. На территории Демократической Республики Вьетнам развито производство некоторых строительных материалов. Производственная мощность цементных заводов в Хайфоне до второй мировой войны достигала 300 тыс. тонн. Вырабатывается древесный уголь. Имеются спичечные и бумажные фабрики. В Нам-Дине и Хайфоне находятся текстильные фабрики. Из других промышленных предприятий следует отметить солеварни, стекольные заводы, фарфоровые фабрики. В городе Винь имеются крупные железнодорожные мастерские, в Хайфоне — судостроительные верфи. На севере страны находится большинство электростанций.

Значительная часть предприятий расположена в крупных городах: Ханое, Хайфоне, Нам-Дине, Тань-Хоа. Все эти города были оккупированы французскими войсками. Многие предприятия к уходу французских войск были демонтированы, а часть разрушена. В настоящее время основные предприятия национализированы. Однако имеются и частные предприятия, принадлежащие французским и вьетнамским промышленникам.

Правительство Демократической Республики Вьетнам уже имеет большие успехи в восстановлении промышленности. В Ханое вошли в строй десятки предприятий. Возрождается крупный морской порт Хайфон. Восстановлено несколько электростанций. Правительство уделяет большое внимание выплавке чугуна и стали. Предусматривается увеличение добычи угля.

Растет добыча цветных металлов, увеличивается производство фосфатов для нужд сельского хозяйства. Предприятия республики выпускают ткани, бумагу, химические и фармацевтические материалы. Государственные предприятия значительно расширяются. За первые шесть месяцев 1955 г. капиталовложения в эти предприятия возросли на 900 % по сравнению с 1954 г. Только в городах, которые были освобождены в последнее время, около 60 тыс. безработных получили работу.

Во время войны сильно пострадали железные дороги. В настоящее время достигнуты значительные успехи в восстановлении и развитии железнодорожного транспорта. 28 февраля этого года было открыто движение по железной дороге, связывающей столицу республики Ханой с китайским городом Муаньгуань, расположенным на вьетнамско-китайской границе. Эта железнодорожная линия имеет большое народнохозяйственное значение. Ее пуск уже благоприятно сказался на развитии как внутренней, так и внешней торговли. К концу мая этого года закончен ремонт железнодорожной линии на участке, связывающем Ван-Дьен и Фу-Ли, а также Ен-Вьен и Вьет-Три. Восстанавливаются, а также строятся новые шоссе и дороги. Восстановлено около шести тыс. километров шоссе и дорог.

Успешному восстановлению народного хозяйства Демократической Республики Вьетнам в значительной мере способствует патристическое соревнование, которым охвачены все трудящиеся страны.

Большие успехи достигнуты и в области культурного строительства. Расширяется сеть по подготовке технических кадров, в которых испытывается очень большая нужда. В специальных средних школах, готовящих специалистов сельского хозяйства, железнодорожников, медицинских работников, телеграфистов, радистов, обучается больше восьми тысяч человек. Увеличивается число средних и начальных школ. В Ханое к июню этого года число учащихся по сравнению с периодом французского господства увеличилось в три раза. Народное правительство проявляет большую заботу о здоровье трудящихся. В республике открыты стационарные лечебные учреждения, медицинские пункты. На большинстве предприятий, где работает свыше 100 женщин, имеются детские сады. Создана большая сеть детских яслей. Еще в годы Сопротивления в освобожденных районах было открыто свыше 500 родильных домов. За годы Сопротивления медицинские учебные заведения республики выпустили свыше шести тысяч врачей и акушеров.

В строительстве новой жизни вьетнамский народ сталкивается с огромными трудностями, являющимися следствием почти вековой эксплуатации страны колонизаторами и многолетней войны. Осуществление экономических преобразований, в первую очередь аграрной реформы, проходит в обстановке обостряющейся классовой борьбы. Многие помещики пытаются сорвать проведение аграрной реформы. Имеет место саботаж мероприятий правительства со стороны некоторой части вьетнамских промышленников.

Однако, несмотря на трудности, Демократическая Республика Вьетнам крепнет и развивается с каждым днем. Ее успехи являются ярким свидетельством жизнеспособности и прочности народно-демократического строя.

Под руководством народного правительства и партии трудящихся вьетнамский народ полон решимости восстановить экономику и построить новую светлую жизнь.

В строительстве своего независимого государства вьетнамский народ опирается на морально-политическую и материальную поддержку, которую оказывают ему страны лагеря мира, демократии и социализма.

Ярким воплощением сердечной дружбы вьетнамского и советского народов является решение Советского правительства о выделении 400 млн. рублей в качестве безвозмездной помощи Демократической Республике Вьетнам. Эти средства, как указывается в совместном коммюнике Советского правительства и правительства Демократической Республики Вьетнам, опубликованном после переговоров между Правительством Советского Союза и Правительственной делегацией Демократической Республики Вьетнам, происходивших в Москве с 12 по 18 июля 1955 г., предназначены для повышения жизненного уровня населения и восстановления экономики Демократической Республики Вьетнам, в том числе на восстановление и строительство двадцати пяти промышленных и коммунальных предприятий¹³. Советское правительство взяло на себя обязательство оказать также помощь в подготовке вьетнамских специалистов, в проведении геолого-изыскательских работ, в осуществлении лечебно-профилактических мероприятий по борьбе с инфекционными болезнями. Советский Союз и Демократическая Республика Вьетнам заключили соглашение о расширении торговли.

Большую помощь вьетнамскому народу в восстановлении экономики оказывает китайский народ. Между Демократической Республикой Вьетнам и Китайской Народной Республикой в декабре 1954 г. было заключено

¹³ «Правда», 19 июля 1955 г.

соглашение о помощи Китая Демократической Республике Вьетнам в строительстве и ремонте ирригационных систем, путей сообщения, средств связи. Китай посылает во Вьетнам своих специалистов и рабочих. В 1955 г. в четыре раза по сравнению с 1954 г. увеличивается товарооборот между Китайской Народной Республикой и Демократической Республикой Вьетнам¹⁴. Новым актом, скрепляющим узы дружбы вьетнамского и китайского народов, явилась безвозмездная передача Народным Китаем в июле этого года правительству Демократической Республики Вьетнам 800 млн. юаней. Эти денежные средства пойдут на оказание помощи Вьетнаму в ремонте и восстановлении железных дорог, речных пристаней и шоссейных мостов, а также в восстановлении старых и строительстве новых прядильных фабрик, кожевенных заводов, предприятий по производству медицинского оборудования, электрооборудования, сельскохозяйственных орудий, бумаги и т. д.

Укрепляются и расширяются экономические связи Вьетнама с европейскими странами народной демократии. С Демократической Республикой Вьетнам ведут торговлю также Индия, Индонезия и Бирма.

* * *

В то время как в Северном Вьетнаме после прекращения военных действий свободный народ занят мирным созидательным трудом, в Южном Вьетнаме идет междоусобная война. Не прекращаются попытки, в нарушение Женевских соглашений, включить Южный Вьетнам, Лаос и Камбоджу в зону действия блока СЕАТО. На юге страны создается 140-тысячная южновьетнамская армия и резервные части численностью в 150 тыс. человек, хотя Южному Вьетнаму никто не угрожает.

Очевидно, что, создавая такую многочисленную армию, правительство Нго Динь Дьема преследует далеко идущую цель — увековечить раскол страны.

В этом легко убедиться, если рассмотреть позицию, занимаемую южновьетнамским правительством во главе с Нго Динь Дьемом в отношении всеобщих выборов, которые должны состояться в июле 1956 г. Эта дата была намечена на Женевском совещании. В декларации, принятой на этом совещании, говорится:

«Для того, чтобы установление мира сделало бы достаточный прогресс и чтобы все необходимые условия были созданы в целях дать возможность свободного национального волеизъявления, всеобщие выборы будут проведены в течение июля 1956 года под контролем международной комиссии, состоящей из представителей государств — членов международной комиссии по наблюдению и контролю, предусмотренной соглашением по прекращению военных действий. Консультации будут иметь место по этому поводу между компетентными представительными властями обеих зон, начиная с 20 июля 1955 года»¹⁵.

Затягивая проведение в предусмотренные Женевскими соглашениями сроки консультаций между компетентными представителями Демократической Республики Вьетнам и Южного Вьетнама по вопросам, связанным с подготовкой всеобщих выборов, южновьетнамские власти не останавливаются и перед провокациями, с тем чтобы не допустить объединения Вьетнама.

Заявления премьер-министра Южного Вьетнама Нго Динь Дьема

¹⁴ «Жэньминьжибао», 9 июля 1955 г.

¹⁵ «Правда», 22 июля 1954 г.

о том, что его правительство намерено отказаться от проведения выборов на том основании, что оно не подписывало Женевских соглашений, провокационное нападение властей Южного Вьетнама 20 июля 1955 г. на квартиры персонала международных комиссий лишь подтверждают общеизвестную истину о том, что южновьетнамские власти страшатся проведения этих выборов и что они будут пытаться и впредь создавать условия для их срыва.

Прогрессивные силы Южного Вьетнама осуждают политику южновьетнамских властей, направленную на срыв Женевских соглашений. Они твердо убеждены в том, что только соблюдение Женевских соглашений и, особенно, проведение всеобщих выборов может вывести Южный Вьетнам из того тупика, в котором он оказался.

Правительство Демократической Республики Вьетнам честно и добросовестно выполняет Женевские соглашения. Оно борется за полное и точное осуществление этих соглашений, за национальное объединение Вьетнама путем всеобщих выборов. Правительство Демократической Республики Вьетнам неоднократно заявляло о своей готовности вести с компетентными властями Южного Вьетнама консультации относительно проведения свободных всеобщих выборов. Позиция правительства Демократической Республики Вьетнам находит широкую поддержку у всех миролюбивых народов, заинтересованных в укреплении мира и безопасности во всем мире, в развитии международного сотрудничества.

В совместном заявлении председателя Совета Министров СССР и премьер-министра Индии от 20 июня 1955 г. говорится, что они подвергли особому рассмотрению положение в Индо-Китае. Н. А. Булганин и Джавахарлал Неру призвали все правительства, от которых зависит выполнение условий Женевских соглашений, сделать все возможное для выполнения их обязательств с тем, чтобы цели соглашений могли бы быть полностью достигнуты.

В частности, они с особой настойчивостью призывают к тому, чтобы там, где в качестве предпосылки политического урегулирования должны быть проведены выборы, усилия заинтересованных правительств были бы направлены на полное проведение в жизнь условий Женевских соглашений.

В совместном коммюнике правительства Китайской Народной Республики и правительства Демократической Республики Вьетнам, подписанном 7 июля 1955 г. в Пекине, обе стороны полностью согласились с призывом председателя Совета Министров СССР и премьер-министра Индии о полном осуществлении Женевских соглашений.

В совместном коммюнике Советского правительства и Демократической Республики Вьетнам, подписанном 18 июля 1955 г., оба правительства подтвердили свою готовность неуклонно добиваться точного осуществления Женевских соглашений об Индо-Китае, они «придают особое значение выполнению условий Женевских соглашений относительно Вьетнама, исходя из того, что мир в Индо-Китае может быть упрочен только после объединения Вьетнама на основе уважения его суверенитета, независимости, единства и территориальной целостности, как это установлено в Женевских соглашениях»¹⁶. Оба правительства отметили, что благодаря совместным усилиям заинтересованных государств ряд статей Женевских соглашений выполнен — завершена перегруппировка войск, осуществлены другие военные положения Женевских соглашений о Вьетнаме. Плодотворную работу провели международные комиссии по наблюдению и контролю во Вьетнаме, Лаосе и Камбодже в составе представителей Индии, Польши и Канады.

¹⁶ «Правда», 19 июля 1955 г.

Однако, как указывается в коммюнике, осуществлению Женевских соглашений препятствуют попытки включить страны Индо-Китая в СЕАТО и вмешательство некоторых иностранных держав во внутренние дела этих стран, попытки навязать им соглашения военного характера.

Правительства Советского Союза и Демократической Республики Вьетнам заявили, что со стороны государств, подписавших Женевские соглашения, а также всех государств, имеющих отношение к осуществлению этих соглашений, должны быть приняты необходимые меры для превращения их в жизнь.

Оба правительства с удовлетворением также отметили, что «сложившиеся отношения дружбы и расширяющееся экономическое и культурное сотрудничество между Китайской Народной Республикой и Демократической Республикой Вьетнам отвечают интересам китайского и вьетнамского народов и являются важным фактором в деле сохранения и упрочения мира на Дальнем Востоке»¹⁷.

Последовательная борьба Демократической Республики Вьетнам за единство и национальную независимость, за мир во всем мире обеспечивает прочное место в великой семье народов стран демократии и социализма. Все более укрепляется авторитет Демократической Республики Вьетнам в Азии. В своих отношениях со всеми странами Демократическая Республика Вьетнам руководствуется принципами взаимного уважения суверенитета, ненападения и невмешательства во внутренние дела, равенства и взаимной выгоды, мирного сосуществования.

Демократическая Республика Вьетнам была участницей конференции стран Азии и Африки в Бандунге, в которой особенно плодотворную роль сыграли Китайская Народная Республика и Республика Индия. Вместе с этими странами Демократическая Республика Вьетнам приложила много усилий, чтобы помочь участникам конференции прийти к согласованным решениям по всем вопросам, связанным с укреплением мира, национального суверенитета, с борьбой против колониализма и расизма, с расширением политических, экономических и культурных связей между народами.

В день славного десятилетия Демократической Республики Вьетнам советский народ от души желает вьетнамскому народу новых успехов в его борьбе за восстановление и развитие народного хозяйства, за единый независимый и демократический Вьетнам, за мир во всем мире.

¹⁷ «Правда», 19 июля 1955 г.

ВРЕМЕННОЕ ПОЛОЖЕНИЕ О ПРОМЫШЛЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЯХ СО СМЕШАННЫМ УПРАВЛЕНИЕМ¹

ЛИ ВЭЙ-ХАНЬ

Социалистическое преобразование частной промышленности и торговли является важной составной частью генеральной линии Коммунистической партии Китая в переходный период. Государство, осуществляя социалистическое преобразование частной промышленности и торговли, направляет их на путь превращения в различные по форме предприятия государственного капитализма, с тем чтобы постепенно заменить систему капиталистической собственности системой общенародной собственности. Опыт проводившегося в течение нескольких лет курса на развитие государственного капитализма, и, особенно, пропаганда генеральной линии и генеральных задач государства в переходный период все больше убеждают народ Китая в правильности курса и методов, направленных на завершение социалистических преобразований в капиталистической промышленности и торговле через различные по форме предприятия государственного капитализма.

В результате проведения государством в течение нескольких лет политики непользования, ограничения и преобразования капиталистической промышленности большая часть частнокапиталистических предприятий уже перешла на рельсы госкапитализма в его средних формах (обработка государственного сырья, выполнение заказов государственных организаций, сдача готовой продукции государству по контракту, сбыт продукции через органы госторговли). По статистическим данным Центрального торгово-промышленного административного управления, в первом квартале 1954 г. 86,4% валовой продукции крупной частной промышленности городов Пекина, Тяньцзина, Шэньяна (Мукдена), Шанхая, Уханя, Кантона, Чунцина, Сяня производилось на предприятиях, охваченных средними формами государственного капитализма. Используя эти формы госкапитализма, государство постепенно сосредоточило в своих руках снабжение сырьем и сбыт продукции большей части частнокапиталистической промышленности, в той или иной степени охватило государственным планом частнокапиталистическое производство, ограничило вредное влияние его анархичности и усилило те стороны это-

¹ Многие читатели просят рассказать о характере и формах организации государственно-капиталистических предприятий в Китайской Народной Республике. Удовлетворяя эти просьбы, редакция помещает с незначительными сокращениями статью Ли Вэй-ханя — заместителя председателя Финансово-экономического комитета Государственного совета Китайской Народной Республики. Эта статья была опубликована в журнале «Синьхуа юэбао», № 10, 1954. Перевод сделан Ю. Парфеновичем и А. Кругловым.

го производства, которые выгодны для дела народного благосостояния. Применение средних форм госкапитализма дало возможность партийным и профсоюзным организациям усилить руководство и контроль над производством или стимулировать в той или иной мере различные преобразования на этих предприятиях. В результате использования этих форм госкапитализма труд рабочих в основном направляется на удовлетворение потребностей государства и лишь небольшая часть труда затрачивается на производство прибыли для капиталиста. При этом владельцы предприятий не только могут получать разумную долю прибыли, но, что еще важнее — воспитываются в духе уважения государственных законов и подчинения руководству со стороны государства.

Таким образом, применение средних форм госкапитализма является важным мероприятием государства в деле использования, ограничения и преобразования частнокапиталистической промышленности. На определенном этапе они сыграли весьма важную роль в развитии производства, обеспечении потребностей страны, в подготовке условий для перехода частнокапиталистических предприятий к высшей форме госкапитализма. Работники государственного сектора, рабочие и служащие капиталистических предприятий, капиталисты и их представители (речь идет об администрации предприятия. — *Ред.*) должны и впредь прилагать все усилия для еще лучшего выполнения заданий государства по выпуску продукции и соблюдению договоров о сбыте товаров через государственные торговые организации.

Однако капиталистические предприятия и после перехода к средним формам госкапитализма продолжают оставаться собственностью капиталиста, капиталистическим остается и управление предприятием. Поэтому противоречие между общественными и частными интересами, между трудом и капиталом, а также некоторые другие противоречия не могут быть успешно разрешены посредством средних форм госкапитализма. Часть капиталистов под руководством народного правительства смогла в условиях определяющей роли государственного сектора подчинить свои интересы интересам государства и проявила активность в выполнении договоров, заключенных с государством. Однако многие капиталисты еще не встали на этот путь, а попрежнему продолжают руководствоваться корыстными интересами. Они, хотя и заключили контракты на обработку сырья, производство продукции и т. д., т. е. перешли к средним формам госкапитализма, но при выполнении заказов не соблюдают количественных и качественных показателей, а также установленных контрактами сроков сдачи готовой продукции. Вместе с тем они не заботятся об улучшении управления предприятием и его технической оснащенности, что ведет к очень низкому качеству, высокой себестоимости продукции и большим непроизводительным расходам. Некоторые товары, завоевавшие себе широкую известность в то время, когда капиталист сам сбывал их на рынке, после перехода к средним формам госкапитализма не находят сбыта из-за низкого качества. Еще многие капиталисты обманывают государство при выполнении заказов, прибегают к фальсификации товара, представляют неправильные сведения о себестоимости продукции и совершают другие незаконные действия. Отдельные капиталисты привлекают на свою сторону небольшую часть отсталых рабочих, повышая им зарплату, и тем самым увеличивают издержки производства и свою прибыль².

² На некоторых предприятиях средних форм госкапитализма установленная государством норма прибыли капиталиста составляет определенный процент от суммы издержек производства при выполнении государственного заказа (*Ред.*).

Некоторые капиталисты пытаются применять различные формы сопротивления политике, проводимой народным правительством. Кроме того, сами капиталистические методы ведения хозяйства препятствуют статистическому учету и использованию государством производственных возможностей предприятий, в результате чего возникают трудности для полного раскрытия резервов производства на предприятии, с одной стороны, а с другой — создается известная стихийность и хаос в производстве.

Прогнивший капиталистический способ управления предприятием и порожденная им неупорядоченность заработной платы и рабочего времени с каждым днем все более превращались в серьезный тормоз повышения трудового энтузиазма рабочих и служащих, сдерживали их стремление усовершенствовать производство, крайне отрицательно отражались на производстве данного предприятия. Кроме того, они оказывали чрезвычайно неблагоприятное влияние на систему зарплат и организацию труда на государственных предприятиях и на внутреннюю сплоченность рабочего класса. Существование и развитие этих противоречий ограничивали повышение производительности труда на предприятиях и развитие производительных сил общества, а также препятствовали делу перевоспитания самих капиталистов и их представителей. Поэтому всталась задача постепенно переводить эти предприятия от средней формы госкапитализма к высшей, т. е. к смешанному управлению.

При переходе предприятий средних форм госкапитализма или вообще частнокапиталистических предприятий к высшей форме госкапитализма — смешанному управлению, производственные отношения на этих предприятиях претерпевают следующие значительные изменения.

1) Предприятие из частной собственности переходит в государственную — частную совместную собственность. Социалистические элементы на предприятии сотрудничают с капиталистическими элементами, причем первые занимают руководящее положение. На смешанных предприятиях сохраняются и гарантируются законные права частных акционеров, однако капиталисты уже не полные хозяева предприятия и подчиняются руководству государства.

2) Методы управления на смешанном предприятии не являются капиталистическими и постепенно приближаются к методам управления на предприятиях государственного сектора. Они полностью подчинены целям развития производства, обеспечения потребностей населения и требованиям государственного плана. Все это говорит о том, что на смешанных предприятиях созданы условия для непосредственного действия основного экономического закона социализма и закона планомерного (пропорционального) развития народного хозяйства. На многих предприятиях после перехода к смешанному управлению в результате изменения в направлении хозяйственной деятельности производство стало отвечать потребностям государства. Коренным образом изменилось и положение этих предприятий. Так, например, компания «Миньшэн» до перехода к смешанному управлению предпочитала отправлять пароходы порожняком (с балластом воды или песка), если государство отказывалось платить установленные компанией высокие цены за перевозку зерна. После перехода к смешанному управлению цены на перевозку государственного зерна были снижены; это вызвало увеличение вывоза зерна из провинции Сычуань и в то же время дало возможность широко использовать резервы судов компании. Вместе с тем было развернуто движение за увеличение производства и соблюдение режима экономии. Все это привело к тому, что предприятие вместо убытков стало получать прибыль.

3) Изменилась роль рабочих на смешанных предприятиях; совместно

с представителями государственной стороны они заняли руководящее положение. Поэтому рабочие стали относиться к предприятию по-хозяйски, резко повысилась их трудовая активность и производительность труда. В процессе подготовки перехода к смешанному управлению рабочие, служащие и технический персонал многих предприятий повышали трудовую активность и развивали творческую инициативу. Так, например, рабочие шанхайского фармацевтического завода «Синь» в ответ на переход к смешанному управлению за девять дней реконструировали заводскую печь (прежде только на разборку кирпичной кладки такой печи требовалось три месяца). В период перехода прядильной фабрики «Бэйянь» в г. Тяньцзинь к смешанному управлению рабочие из месяца в месяц перевыполняли план и активно помогали в работе по проведению описи и оценки имущества данного предприятия. Рабочие, служащие и технический персонал фабрики для скорейшего ввода в действие 8 800 веретен, которые составили пай государства в данном предприятии, повысили трудовую активность и производительность труда и досрочно закончили монтажные работы.

4) Капиталисты и их представители, находясь под непосредственным и постоянным руководством государственной стороны, при поддержке и контроле со стороны рабочих и служащих получили возможность на практике учиться новому, постепенно перевоспитываться и развивать свои способности и активность в нужном государству направлении.

5) Прибыль предприятия, за исключением той части, которая идет на выплату дивидендов и улучшение материально-бытового положения рабочих и служащих, в основном направляется на развитие производства в соответствии с государственным планом. С переходом к смешанному управлению улучшается управление предприятием, повышается трудовой энтузиазм рабочих и служащих, поэтому прибыли предприятия, как правило, возрастают по сравнению с периодом до смешанного управления; появляется возможность большего накопления фондов и использования их для расширенного воспроизводства. Так, например, в течение пяти лет смешанного управления на прядильной фабрике «Хуа Синь» в г. Тяньцзинь не только производилась выплата дивидендов акционерам, но и было приобретено новое производственное оборудование, стоимость которого почти равна капиталовложениям за тридцатилетний период до установления на этой фабрике смешанного управления.

Происшедшие изменения в производственных отношениях обусловили превращение указанных предприятий в предприятия полусоциалистического типа, обладающие преимуществами, недоступными для предприятий средней формы госкапитализма. Их преимущества обусловлены наличием в них социалистических элементов и их руководящей ролью на этих предприятиях. Используя преимущества социалистических элементов и их руководящую роль, смешанные предприятия могут по-настоящему мобилизовать рабочих на повышение производительности труда, эффективно воспитывать капиталистов и их представителей в соответствии с новыми принципами управления, повышать качество продукции и снижать ее себестоимость. Смешанные предприятия могут также, исходя из потребностей страны и своих возможностей, увеличивать выпуск продукции и вместе с тем обеспечить получение большей прибыли, накопление фондов и осуществление расширенного воспроизводства, что дает возможность улучшить материальное положение рабочих и служащих и позволяет капиталистам получать законную долю прибыли. Государство должно вложить необходимые средства в смешанные предприятия. Тем самым частный капитал в определенной пропорции делится между государственной и частной сторонами. Однако руководящее место и руководящая

роль социалистических элементов, ее непрерывное усиление определяются не количеством средств, вложенных государством, а характером государственной власти и местом социалистического сектора в народном хозяйстве в целом, единением представителей государственной стороны с рабочими и служащими данного предприятия и воспитательной работой, проводимой ими по отношению к капиталистам и их представителям, а также тем, насколько правильно подобное руководство сможет стимулировать развитие предприятия. Размер же государственных капиталовложений должен определяться государственным планом в зависимости от конкретного положения предприятия.

Благодаря руководящему положению, занимаемому социалистическими элементами на смешанном предприятии, уже разрешены или достигнуты серьезные успехи в ликвидации некоторых противоречий в области общественных и частных интересов, труда и капитала. Эти противоречия не могли быть разрешены на предприятиях средней формы государственного капитализма.

Однако такое коренное противоречие, как противоречие между общественной и капиталистической формами собственности на средства производства, еще не получает полного разрешения. Чтобы ликвидировать это противоречие, требуется дальнейшее развитие высшей формы госкапитализма. Смешанное управление позволяет одновременно осуществлять преобразования в двух направлениях: преобразование капиталистического предприятия и перевоспитание самих капиталистов. Методы управления на смешанных предприятиях будут непрерывно изменяться и совершенствоваться, будет внедряться государственный план, производство получит дальнейшее развитие. Повысится сознательность и организованность рабочих и служащих.

Вместе с этим на смешанных предприятиях будут непрерывно расти социалистические элементы и подготавливаться условия для превращения смешанных предприятий в социалистические. Благодаря стимулирующей роли и руководству народного правительства за истекшие годы довольно много капиталистических предприятий превратилось в смешанные предприятия³. В 1953 г. объем валовой продукции смешанных предприятий увеличился на 87% против уровня 1949 г.⁴ Однако удельный вес валовой продукции смешанных предприятий в общем объеме валовой продукции промышленности Китайской Народной Республики все еще очень низок. Так, в 1953 г. он составлял только 6%. В 1953 г. на долю смешанных предприятий приходилось только 12% стоимости валовой продукции капиталистической промышленности страны. Остальные 88% падали на частные предприятия (большая часть которых являлась предприятиями средних форм госкапитализма)⁵. В силу дальнейшего развития и проявления антагонистических противоречий на частных предприятиях и невозможности успешного разрешения этих противоречий в рамках средних форм госкапитализма, а также вследствие того, что с каждым днем, особенно после разъяснения генеральной

³ К концу 1953 г. в Китае насчитывалось более 1000 государственно-капиталистических предприятий («Женьминьжибао», 6 сентября 1954 г.).

⁴ По предварительным подсчетам, в 1954 г. объем валовой продукции государственно-частной промышленности увеличился по сравнению с 1953 г. в два с лишним раза. (Доклад Чжоу Энь-лая «О работе правительства КНР» на первой сессии Всекитайского собрания народных представителей первого созыва 23 сентября 1954 г.)

⁵ В 1954 г. удельный вес продукции государственно-частных предприятий составлял около 12% всей валовой продукции промышленности. Валовая продукция частных предприятий, получавших от государства сырье для переработки и заказы на изготовление продукции, составляла 70—80% всей валовой продукции частной промышленности.

линии и генеральных задач переходного периода, все большее число людей убеждается в преимуществах смешанных предприятий, народ все яснее осознает путь завершения социалистических преобразований капиталистической промышленности и торговли через государственный капитализм. Не только широкие массы рабочих и служащих капиталистических предприятий настойчиво требуют перехода к смешанному управлению, растет также число дальновидных капиталистов, которые подают заявления с просьбой об организации смешанного управления. При таком положении государство — в случае необходимости и возможности, т. е. в соответствии с потребностями страны, возможностями преобразования предприятия и добровольным желанием капиталиста, — планомерно поощряло и направляло превращение капиталистических предприятий, выгодных для дела народного благосостояния, в предприятия со смешанным управлением, постепенно осуществляя социалистические преобразования.

Превращение капиталистических предприятий в предприятия со смешанным управлением является чрезвычайно сложным делом. Оно сложно не только потому, что смешанное управление затрагивает область общественных и частных интересов, отношения труда и капитала, но и в силу специфических особенностей каждой отрасли промышленности и даже каждого отдельного предприятия. Поэтому при превращении капиталистических предприятий в смешанные необходимо взять курс на сочетание активной работы в этом направлении с прочным закреплением достигнутых успехов. При проведении такого курса не только соответствующие государственные органы должны проделать комплекс сложной работы, но вместе с тем нужно, чтобы соответствующие демократические партии, группировки и народные организации приняли активное участие в этой работе. За истекшие годы накоплено немало полезного опыта по превращению капиталистических предприятий в предприятия смешанные, который можно собрать воедино. «Временное положение о промышленных предприятиях со смешанным управлением» является прежде всего обобщением накопленного опыта, приобретенного в ходе претворения в жизнь соответствующих основных политических установок. Появление «Положения» в качестве свода общих правил для государственной и частной стороны, для труда и капитала вселяет в нас уверенность в том, что дальнейшая работа по организации смешанного управления, без сомнения, будет развиваться еще успешнее.

Кратко поясним несколько главных принципиальных вопросов указанного положения.

1. Превращение капиталистического предприятия в предприятие смешанное следует производить, учитывая потребности страны, возможность реорганизации предприятия и добровольное желание капиталиста. Исходя из этого, увеличение числа смешанных предприятий должно производиться народным правительством планомерно, последовательно и дифференцированно. Народное правительство поощряет и направляет проведение капиталистами нужных и возможных улучшений на их предприятиях с тем, чтобы подготовить условия для перехода этих предприятий к смешанному управлению. Поскольку смешанные предприятия являются предприятиями сотрудничества социалистических и капиталистических элементов при непосредственном руководстве со стороны социалистического сектора, поэтому необходимо со всем вниманием относиться к стимулированию добровольного желания капиталистов перейти к смешанному управлению. Здесь, с одной стороны, требуется, чтобы народное правительство и соответствующие органы развернули всестороннее и глубокое разъяснение капиталистам генеральных задач страны в пере-

ходный период и курса на постепенный переход от капитализма к социализму через госкапитализм. С другой стороны, следует добросовестно и хорошо организовать работу смешанных предприятий, чтобы капиталисты, более глубоко осознав преимущества этих предприятий, активнее стремились к организации смешанного управления.

2. При переходе предприятия в смешанное управление должно быть сохранено все наличное имущество предприятия, недопустимо разбазаривание или утайка средств. Оценка имущества предприятия должна производиться справедливо и правильно и соответствовать его действительной стоимости. Оценку имущества следует производить главным образом в зависимости от его роли в производстве. На «замороженные» материалы и другое имущество, в котором предприятие не нуждается, можно по договоренности обеих сторон установить соответствующую скидку или отнести его к неоцененному имуществу частновладельческого пая с тем, чтобы произвести оценку этого имущества после организации на предприятии смешанного управления. Как правило, при оценке имущества надо исходить из существующих цен. Однако, если результат переоценки имущества в 1950 г. близок к сегодняшним ценам, то с согласия обеих сторон вторичную инвентаризацию и оценку можно не производить, а, взяв за основу утвержденные цифры 1950 г., внести требующиеся коррективы с учетом амортизации имущества и других фактических изменений его. Инвентаризация и оценка имущества являются очень сложной работой, связанной с характером и распределением прибылей смешанных предприятий. Необходимо добросовестно производить обследование в соответствии с действительным положением вещей, опираясь на активность профсоюзных организаций и широких масс рабочих и служащих. Вместе с тем оценку следует производить справедливо и точно на основе полной договоренности государственной и частной сторон (при необходимости можно пригласить для участия представителей соответствующих народных организаций).

3. Руководство смешанным предприятием осуществляется государственной стороной; представители, посланные соответствующими государственными органами, совместно с представителями частной стороны несут ответственность за руководство хозяйственной деятельностью предприятия. Смешанное предприятие не является обычным акционерным предприятием, а представляет собой непосредственно руководимое социалистическим сектором экономики предприятие, на котором осуществляется сотрудничество между социалистическими и капиталистическими элементами. На смешанном предприятии представители государственной стороны занимают руководящее положение, представители частной стороны подчиняются этому руководству. Такое положение неизбежно. Вместе с тем гарантируются законные права частных акционеров, а представители частной стороны также обязаны участвовать в руководстве хозяйственной деятельностью предприятия. Вопросы хозяйственной деятельности предприятия, в которых заинтересованы обе стороны, должны разрешаться путем консультации представителей обеих сторон (без ограничения числа представителей только лицами, непосредственно участвующими в управлении предприятием). При возникновении разногласий по важному вопросу следует выносить его на рассмотрение компетентного государственного органа. В случае необходимости можно также передавать на утверждение компетентного государственного органа соглашения, на утверждение компетентного государственного органа соглашения, достигнутые правлением смешанного предприятия. Определение административных функций представителей государственной и частной стороны на смешанном предприятии и назначение на должность производятся по договоренности соответствующего государственного органа

с представителями частной стороны. Представители частной стороны, поскольку они также занимают ответственные административные посты на смешанном предприятии, должны под руководством государственной стороны правильно осуществлять свои служебные функции, со всей ответственностью относиться к своим обязанностям, а также старательно учиться и перевоспитываться. Представители государственной стороны должны с уважением относиться к правам и обязанностям представителей частной стороны, активно и терпеливо помогать им добиваться успехов в работе, а также содействовать изменению их идеологии и стиля работы. Представители государственной стороны на смешанном предприятии и те государственные органы, которым это предприятие подведомственно, должны умело сочетать контроль над учебой и перевоспитанием представителей частной стороны с руководством ими, добиваясь правильного и добросовестного выполнения представителями частной стороны их служебных обязанностей.

Такая политика народного правительства по отношению к представителям частной стороны на смешанных предприятиях вытекает не только из того, что государство гарантирует частным акционерам их законные права, но и из еще более важной необходимости в процессе осуществления социалистических преобразований на капиталистическом предприятии добиться того, чтобы представители частной стороны, находясь под прямым руководством представителей государственной стороны, контролем и воздействием рабочих масс, в ходе практической деятельности по управлению производством заново учились и перевоспитывали себя. Таким образом, капиталисты получают возможность внести свой вклад в дело социалистических преобразований и государственного строительства, и перед ними откроются новые перспективы в жизни. Если же представители частной стороны будут использовать смешанное предприятие только в целях личного обогащения и совершать другие противозаконные поступки, то с этим следует вести борьбу, наказывая такую деятельность в соответствии с законом. Надо более строго наказывать за действия, наносящие ущерб производству, и за контрреволюционную деятельность.

4. Что касается прежних служащих, то смешанное предприятие, как правило, должно использовать их, сообразуясь с их прежним положением и способностями и оплачивая каждого из них по труду. Необходимо воспитывать их и помогать добросовестно относиться к работе, активно заниматься самовоспитанием и перевоспитанием, с тем чтобы служащие отдавали делу государственного строительства все свои знания и умение. От инженерно-технических работников и других специалистов, как писал Ленин, требуется только, чтобы они добросовестно работали, знали и любили свое дело. В этом случае их следует полностью поддерживать, внимательно относиться к их предложениям, помогать правильно применять свои знания, а также терпеливо помогать им перевоспитываться в ходе практической производственной деятельности, постепенно освобождаясь от влияния и привычек буржуазного класса.

О служащих, которые имеют большой стаж работы, но потеряли трудоспособность, смешанное предприятие может позаботиться в соответствии с положением о страховании труда или другим путем.

Капиталисты некоторых предприятий при переходе к смешанному управлению всюду насаждают своих людей; такие явления следует подвергать критике и пресекать.

Администрация предприятия, назначенная в свое время капиталистом, продолжает занимать те же должности и на предприятии смешанного управления.

5. Выше было отмечено, что система зарплаты на капиталистических предприятиях обычно несправедлива и хаотична. До освобождения страны материально-бытовое положение трудящихся различных отраслей и предприятий резко отличалось друг от друга. На тех предприятиях, где материально-бытовое положение рабочих было особенно плохим, условия жизни и труда рабочих и служащих не могли быть должным образом улучшены. После перехода предприятия к смешанному управлению необходимо производить улучшения в этой области, постепенно уравнивать материально-бытовое положение рабочих смешанного предприятия с положением рабочих государственных предприятий соответствующих отраслей промышленности. Однако реорганизация системы заработной платы является очень сложным вопросом материального благосостояния широких масс рабочих и служащих. Этот вопрос необходимо решать постепенно, не проявляя излишней торопливости, учитывать при этом прежнюю зарплату и материально-бытовое положение рабочих, экономику смешанного предприятия, соответствующую практику на государственных предприятиях и в ходе реорганизации предприятия и улучшения производственного процесса добиваться сотрудничества с рабочими и служащими, терпеливо проводя среди них воспитательную работу.

6. Как уже указывалось, система управления капиталистическими предприятиями, будучи отсталой и прогнившей до основания, серьезно тормозит развитие производительных сил. После перехода предприятия к смешанному управлению необходимо реорганизовать старую капиталистическую систему управления предприятием и принять передовую социалистическую систему управления. Руководящее положение, занимаемое социалистическими элементами на смешанном предприятии, делает такое изменение не только возможным, но и необходимым. Но поскольку смешанное предприятие является предприятием сотрудничества социалистических и капиталистических элементов и к тому же старая система управления имеет длительные традиции, реорганизацию следует проводить постепенно, избегая излишней торопливости. При этом надо опираться на сознательность и организованность рабочих масс, на их контроль снизу и на их участие в управлении сверху. После перехода предприятия к смешанному управлению необходимо, используя соответствующие формы, организовать участие представителей рабочих в управлении. Во взаимоотношениях с представителями частной стороны следует добиваться, чтобы все вопросы решались путем полной договоренности.

Процесс постепенной реорганизации управления на смешанных предприятиях есть в то же время процесс постепенного перевоспитания капиталистов и их представителей. Необходимо в ходе постоянных консультаций обеих сторон и демократических обсуждений подвергать критике буржуазные методы хозяйствования и терпеливо воспитывать капиталистов и их представителей.

7. Ежегодная прибыль смешанного предприятия после уплаты подоходного налога должна распределяться по трем статьям: фонд общественного накопления предприятия, премияльный фонд предприятия и прибыль акционеров. Прибыль акционеров, включая вознаграждение членов правления, управляющего и директора фабрики не должна превышать 25% суммы годовой прибыли. Та часть этой суммы, которая составляет прибыль частных пайщиков, должна распределяться самими пайщиками. После перехода к смешанному управлению, благодаря огромным изменениям в производстве и управлении им, прибыли предприятия, как правило, увеличивались по сравнению с тем периодом, когда оно находилось в частных руках. Поэтому при таком принципе распределения доходы частных акционеров возрастают по сравнению с периодом частного

управления. Однако, если смешанное предприятие получает особые преимущества от государства, так, например, если предприятие приобретает сырье по государственным отпускным ценам, а продажная цена продукции не исчисляется по государственным отпускным ценам, то образуется сверхприбыль. Эту сверхприбыль необходимо вернуть государству. Если предприятие до перехода к смешанному управлению понесло убытки, то при распределении прибылей после уплаты подоходного налога надо сначала покрыть убытки, а затем уже распределять прибыль в соответствии с вышеуказанными принципами. Если убытки велики, то покрытие их можно производить в рассрочку, с тем чтобы были соответственным образом соблюдены интересы рабочих и служащих и произведена надлежащая выплата дивидендов.

В настоящее время на некоторых смешанных предприятиях по договоренности обеих сторон прибегают к системе гарантированного дивиденда, т. е. частная сторона ежегодно получает фиксированную сумму дивиденда, но не участвует в управлении предприятием и не участвует также в прибылях и не несет ответственности за убытки. Прибегают к такой системе в случае настоятельных просьб частных акционеров, причем после договоренности обеих сторон необходимо получить утверждение правительственной инстанции не ниже, чем власти провинции или города центрального подчинения.

Фонд общественного накопления смешанного предприятия должен главным образом направляться на расширение производства, вкладываться, в соответствии с государственным планом, в данное предприятие или в другие смешанные предприятия (включая организацию новых смешанных предприятий) или же в частное предприятие, с тем чтобы установить на нем смешанное управление. Прежде некоторые смешанные предприятия стихийно использовали фонд общественного накопления, в результате чего развития производства шло неравномерно и фонды разбазаривались. В дальнейшем, чтобы добиться использования общественного фонда накопления в соответствии с требованиями государственного плана и прекратить разбазаривание фондов и неравномерное развитие производства, нужно контролировать и направлять распределение общественного фонда соответствующими ведомственными органами провинции или города центрального подчинения. Общественный фонд накопления смешанного предприятия и законные доходы, полученные от вложения общественного фонда накопления, принадлежат этому предприятию. Однако использование фонда накопления должно быть подчинено интересам государственного плана вне зависимости от того, вкладывается ли он в оборотный или основной фонд данного предприятия или в другое смешанное предприятие (имеющееся или вновь организуемое) или же в частное предприятие, переходящее к смешанному управлению.

8. Правление смешанного предприятия является консультативно-совещательным органом государственной и частной сторон; роль его необходимо соответствующим образом использовать. Правление, как правило, должно создаваться на сравнительно крупных смешанных предприятиях, где имеется много акционеров. Число членов правления обеих сторон устанавливается на консультативных совещаниях сторон. После введения смешанного управления на предприятиях, принадлежащих одному капиталисту, или на небольших предприятиях с малым числом акционеров, правления можно не создавать. Однако основные вопросы, касающиеся каждой из сторон, должны решаться путем обсуждения представителями той и другой стороны.

Правление регулярно созывает совещания частных акционеров, отчитывается о своей работе и согласованно решает вопросы о правах и ин-

тересах частных пайщиков. На тех смешанных предприятиях, где правление не организовано, собрание частных акционеров созывается по договоренности обеих сторон. На этих собраниях могут участвовать представители частной стороны, помогая разрешать возникшие вопросы.

Смешанное предприятие и его правление должны нести ответственность за воспитание и перевоспитание частных акционеров. Собрание частных акционеров является одной из важных форм связи смешанного предприятия и его правления с частными акционерами, а также одной из важных форм проведения среди них воспитательной работы. Правление и представители обеих сторон должны проводить свою работу посредством собраний или беседований акционеров, прислушиваться к их требованиям и предложениям, а также воспитывать их на примерах из практики реорганизации предприятия, с тем чтобы они постепенно перевоспитывались в процессе социалистических преобразований.

АГРАРНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ИНДИИ

Г. Г. КОТОВСКИЙ

В настоящей статье, объем которой не позволяет коснуться всех сторон аграрного вопроса в Индии, в частности, борьбы крестьянских масс за демократическое разрешение этого вопроса, автор пытался показать некоторые особенности аграрных отношений в колониальной Индии накануне завоевания суверенитета¹.

Аграрная политика английских колонизаторов в Индии была направлена на сохранение феодальных пережитков в сельском хозяйстве и использование их в целях колониальной эксплуатации страны.

В период эксплуатации Индии методами первоначального накопления взимание феодальной земельной ренты (непосредственно колониальной администрацией или через помещиков) было главной формой колониального угнетения индийского крестьянства. С наступлением эпохи промышленного капитализма, а затем империализма присвоение в форме земельного налога части докапиталистической земельной ренты перестало быть основным средством колониальной эксплуатации страны. Но налоги попрежнему были тяжелым, разорительным бременем для индийского крестьянства. Рента и земельный налог, а также ростовщический процент являлись своеобразным прессом, который выжимал из полунищей индийской деревни массу товарного продукта.

В эпоху империализма главными средствами колониальной эксплуатации страны явились расширение неэквивалентного обмена и получение прибыли на вложенный в Индии капитал. Эти формы колониальной эксплуатации могли развиваться при условии, во-первых, торможения самостоятельного промышленного развития страны, и, во-вторых, наличия дешевой рабочей силы и дешевого сырья. Образованию указанных условий содействовало господство полуфеодальных производственных отношений в сельском хозяйстве страны. Оно затрудняло развитие капитализма как в городе, так и в деревне, способствуя задержанию капитала в его низших формах — торгового и ростовщического.

Преобладание докапиталистических форм хозяйства в индийской деревне обусловило наличие феодальных черт во все возрастающем аграрном перенаселении. Разорение и пауперизация крестьянства в Индии происходили в процессе разделения труда, в первую очередь, между деревней Индии и городом Англии. Следовательно, возникновение и рост аграрного перенаселения в Индии — не просто результат развития ка-

питализма, а результат уродливого его развития, происходившего в условиях торможения английским империализмом промышленного развития страны и господства в сельском хозяйстве феодальных пережитков.

В быстром росте в эпоху империализма громадной резервной армии труда, существующей в скрытых формах относительного аграрного перенаселения, проявлялось действие в Индии основного экономического закона современного капитализма. Именно существование этой резервной армии труда позволяло значительно повышать норму эксплуатации непосредственных производителей как в промышленности, так и в сельском хозяйстве страны, что в конечном счете представляет основу получения монополистами максимальных прибылей за счет эксплуатации колоний и экономически слабых стран.

Быстрый рост товарно-денежных отношений в сельском хозяйстве Индии в эпоху империализма при недостаточном развитии капитализма в стране вызвал громадное усиление торгового и ростовщического капитала в индийской деревне. Торговцы и ростовщики, наряду с помещиками, были главной агентурой империализма по эксплуатации индийского крестьянства.

Таким образом, феодальные пережитки являлись важнейшей организующей частью всей системы колониальной эксплуатации Индии в эпоху империализма. В политическом отношении консервация феодальных пережитков в деревне укрепляла главную социальную опору колонизаторов в стране — класс полуфеодальных помещиков.

В сельскохозяйственном производстве, где господствовали докапиталистические методы хозяйствования, действовали экономические законы феодализма, проявление которых, однако, было подчинено основному экономическому закону современного капитализма. В то же время в эпоху империализма началось развитие капитализма в сельском хозяйстве Индии, обострявшее противоречие между производительными силами и производственными отношениями в сельском хозяйстве, в котором занято свыше 70% всего населения Индии.

Основой господствовавших в сельском хозяйстве страны феодальных пережитков была монополия на землю английского колониального государства и класса индийских полуфеодальных помещиков. Английские колонизаторы, завоевав страну, присвоили себе права верховного земельного собственника, которые реализовались в земельном налоге. В собственности колониального государства оказалась также большая часть земель, классифицируемых англо-индийской статистикой как «непригодные для обработки», значительная часть залежных земель, около 80% всех лесных массивов страны и важнейшие источники искусственного орошения. В некоторых районах страны (особенно в Пенджабе и Бенгалии) колониальному государству непосредственно принадлежали также обширные площади пахотных земель. Всего в бывшей Британской Индии в собственности колониального государства находилось около 27% всей земельной площади страны. Основная же часть обрабатывавшейся земли находилась в собственности индийских помещиков.

Отношения землевладения и землепользования в колониальной Индии отличались чрезвычайным многообразием юридических форм. Различные виды частной земельной собственности (как помещичьей, так и крестьянской) сложились в Индии в процессе приспособления английскими колонизаторами форм земельной собственности, унаследованных от феодализма, к целям колониального порабощения и эксплуатации страны. В конце XVIII — первой половине XIX в. англичане установили в провинциях Британской Индии три основных вида земельно-налоговых систем: заминдари, райятвари и махалвари. Эти три системы явились тремя глав-

¹ В статье использованы статистические данные, относящиеся к первым годам Республики Индии, поскольку они отражают результаты процессов в экономике страны, происходивших еще в колониальный период ее истории.

ными способами консервации английскими колонизаторами методов феодальной эксплуатации индийского крестьянства.

В районах земельно-налоговой системы заминдари (современные штаты Западная Бенгалия, Бихар, Уттар-Прадеш и, частично, штаты Ассам, Орисса, Мадхия-Прадеш, Андхра, Мадрас и Бомбей) английские колонизаторы утвердили в правах земельных собственников представителей различных групп феодальных землевладельцев Индии, юридически закрепив местные особенности феодального землевладения, которые завоеватели застали в конце XVIII в.²

Помещики-заминдари были ядром класса полуфеодальных помещиков. Среди них имелись настоящие земельные магнаты, как махараджа Дарбханга, раджа Боббилли и другие, владевшие сотнями тысяч гектар земли. Помещики-заминдари, наряду с владетельными князьями, были главной социальной опорой английских колонизаторов. Как налогоплательщики заминдари были поставлены поэтому в привилегированное положение по сравнению с другими группами земельных собственников в Индии. В период между двумя мировыми войнами они сохраняли за собой основную часть доходов, полученных за счет полуфеодальной эксплуатации крестьянства. Например, в Западной Бенгалии земельный налог, уплачиваемый заминдарами, составлял еще в недавнее время лишь около 14% общей суммы полученной ими земельной ренты³.

Необходимо отметить, что колониальная статистика включала в Соединенных провинциях (Уттар-Прадеш) в число заминдаров как помещиков, так и крестьян. По данным Комитета по отмене системы заминдари (1948): заминдари, уплачивавшие земельный налог до 25 рупий (владевшие несколькими акрами), составляли 84,8% всех заминдаров штата⁴.

Заминдари, уплачивавшие земельный налог до 25 рупий, составляли отдельную прослойку крестьянства в Соединенных провинциях. Однако большая часть земли была сосредоточена в руках заминдаров-помещиков. По расчетам известного индийского экономиста З. А. Ахмеда, произведенным на основании данных вышеупомянутого Комитета, крупные заминдари, уплачивавшие свыше 250 рупий земельного налога, составляли 1,5% всех заминдаров и владели 58% всей земли⁵.

Земельно-налоговая система райятвари распространялась в 1947—1948 гг. на 75% находившихся в частном владении земель в Бомбее, 73% — в Мадрасе, 86% — в Ассаме, а также на миллионы га в некоторых других районах страны.

В этих частях Индии английские колонизаторы наделили правами земельных собственников полноправных общинников и феодализировавшуюся общинную верхушку. Землевладельцы-райяты могли свободно отчуждать свои земли, однако в то же время колониальное государство в районах действия системы райятвари сохранило за собой права верховного собственника земли.

Утвержденные английскими колонизаторами в правах частных собственников земли представители феодализировавшейся общинной верхушки образовали прослойку мелких и средних помещиков — райятов. Вместе с тем, большая часть райятов-крестьян, разоряясь под тяжестью колониальной эксплуатации, теряла землю, которая постепенно

² В Бомбейской провинции, например, насчитывалось около десяти различных видов заминдарского землевладения: талукдари, кхоти, бгагдари, парвадари и др.
³ H. D. Malaviya. Land reforms in India. All-India Congress committee. New Delhi, 1954, p. 142.

⁴ «Report of the United Provinces zamindari abolition committee», vol. II. Allahabad, 1948, p. 1.

⁵ Z. A. Ahmed, Zamindari «abolition» in U. P., журнал «New age», 1952, № 2, стр. 7.

концентрировалась в руках помещиков, ростовщиков и торговцев. Этот процесс, начавшийся еще в XIX в., значительно усилился с наступлением эпохи империализма и особенно в период общего кризиса капитализма. Так, например, к концу 20-х годов в округах Северный и Южный Аркат Мадрасской провинции помещикам принадлежало 50%, а в округе Танджор — 90% всей земли⁶. По данным Комитета по вопросам аренды в Малабаре (1940), 90% всей обрабатывавшейся земли округа находилось в собственности помещиков (дженми) и сдавалось в аренду⁷.

Переход земли крестьян в руки ростовщиков и торговцев особенно интенсивно происходил в Бомбейской провинции. В 1917—1943 гг. к райятам-«неземледельцам», т. е. ростовщикам, торговцам и другим лицам, принадлежавшим к неземледельческим кастам, перешло около 2 млн. га земли. Райяты-«неземледельцы» за этот период расширили общую площадь находящейся в их собственности земли в 2,6 раза⁸.

Формально земельно-налоговая система райятвари охватывала как помещичье, так и крестьянское землевладение. Трудность выделения данных о помещичьем землевладении усугубляется тем, что колониальная статистика регистрировала в районах системы райятвари не число действительных земельных собственников, а владельцев земельных участков в каждой деревне — низовой фискальной единице. Одна из особенностей помещичьего землевладения в районах райятвари — разбросанность владений помещиков-райятов. Их земли зачастую расположены в различных деревнях и даже в различных округах. Это связано с тем, что в районах райятвари многие помещики являются ростовщиками, торговцами и лицами свободных профессий, которые вложили свои накопления в землю.

Земельные участки помещиков в районах райятвари обычно не превышают нескольких сот и даже десятков га, однако среди них встречаются собственники и крупных имений. Например, в округе Танджор (Мадрас) известен помещик, владеющий 2 тыс. га, в округе Южный Аркат — владеющий 800 га и т. д. Имеющиеся данные не позволяют точно определить удельный вес помещичьего землевладения в районах райятвари. По нашим подсчетам, в Мадрасской и Бомбейской провинциях накануне второй мировой войны в руках помещиков было сосредоточено 30—40% всей земли.

Земельно-налоговая система махалвари была первоначально введена в Пенджабе, Агре (часть Уттар-Прадеша) и в некоторых других районах страны. Здесь, как и в районах райятвари, право собственности на землю было признано за полноправными общинниками и представителями общинной верхушки. В отличие от системы райятвари земельный налог собирался не с отдельных землевладельцев, а с деревни в целом по системе круговой поруки. С течением времени в Агре и других районах Индии, кроме Пенджаба, при изменении порядка взимания земельного налога система махалвари уступила место системе заминдари. Большинство собственников земли по системе махалвари превратилось, как, например, в Уттар-Прадеше, в заминдаров-крестьян. Практически система махалвари сохранилась лишь в Пенджабе.

Земельно-налоговая система махалвари охватывала основную площадь находившихся в частном владении земель Пенджаба. Здесь, как и в районах райятвари, права частных землевладельцев получили полноправные общинники и верхушка общины. Земельный налог в Пенджабе взимался с деревни по системе круговой поруки. В пенджабской де-

⁶ «Madras provincial banking enquiry committee», vol. II. Madras, 1930, p. 426, 574.

⁷ См. S. Parameswaran. The peasant question in Kerala. Bombay, 1951, p. 17.

⁸ «Statistical atlas of the Bombay State». Bombay, 1950, p. 58.

ревшие так же, как и в районах райятвари, шел процесс обезземеления широких масс крестьянства и концентрации земли у помещиков и крестьянской верхушки. С 1924 по 1939 г. доля земли, находившейся в руках владельцев 50-ти и более акров, увеличилась с 25,7 до 38%⁹.

Характерны также данные о росте аренды в Пенджабе: в 1891/92 — 1936/37 гг. удельный вес земли, обрабатывавшейся арендаторами, увеличился с 45,9 до 56,8%, а в 1942 г. составлял уже 66% всей обрабатывавшейся земли¹⁰.

В нашем распоряжении нет данных о помещичьем землевладении в Пенджабе, однако весьма важным является замечание английского чиновника Калверта, долгие годы изучавшего аграрные отношения в этой провинции. По его мнению, собственники 15 и более акров земли сдают большую ее часть в аренду¹¹. Землевладельцы этой категории имели в 1939 г. 65,6% всей земли. Сопоставив данные об аренде и землевладении в Пенджабе, приходим к выводу, что накануне второй мировой войны около 50% земли в Пенджабе находилось в собственности помещиков, которые составляли менее 10% всех землевладельцев.

Большинство помещичьего класса в Пенджабе составляют мелкие и средние помещики. По официальным данным, собственники свыше 50 акров земли составляли в 1952 г. в штате Восточный Пенджаб 60 тыс. человек, а собственники свыше 200 акров — лишь 3 тыс. человек¹². Однако известны феодалы — владельцы настоящих латифундий. Так, например, крупнейшие помещики Восточного Пенджаба: семья Содхи — владела 40 тыс. акров, а Абдул Кхарана — 10 тыс. акров¹³.

В многочисленных индийских княжествах вся земля представляла феодальную собственность в трёх основных формах: государственной, домена князя и частновладельческой¹⁴. В крупнейшем княжестве Индии — Хайдарабаде в 1949/50 г. государственные земли (дивани) составляли 59,2%, домен князя (сарф-и хасс) — 9,8% и частные феодальные владения (джагиры и др.) — 31% всей земли¹⁵. В мелких княжествах, как правило, вся земля принадлежала непосредственно князьям.

Земельно-налоговая система на государственных землях в княжествах была построена по принципу системы райятвари. Арендаторы государственных (княжеских) земель обладали правом полного отчуждения своих земельных участков. В условиях развития товарно-денежных отношений и усиления в связи с этим феодальной эксплуатации крестьянства довольно значительные площади земли арендаторов-крестьян перешли в руки рентополучателей феодального типа (в основном выходцев из торгово-ростовщических слоев), образовавших прослойку посредников между крестьянами и собственником земли — государством (князем). Например, Комитет по вопросам аренды в Хайдарабаде (1937/38 г.) пришел к заключению, что около одной трети всей обрабатываемой государственной земли в княжестве перешло от арендаторов-крестьян к ростовщикам и торговцам¹⁶.

⁹ См. H. Calvert. The wealth and welfare of the Punjab. Lahore, 1936, p. 172; «Famine inquiry commission. Final report». Madras, 1945, p. 256.

¹⁰ T. Jain. Tenant cultivation in the Punjab. «Eastern economist», 1 декабря 1944 г., стр. 604; «Famine inquiry commission», p. 256.

¹¹ H. Calvert. Указ. соч., стр. 177.

¹² См. H. D. Malaviya. Указ. соч., стр. 166.

¹³ «People's age», 31 октября 1948 г.

¹⁴ Поскольку князья являлись верховными собственниками земли в своих княжествах, различие между первыми двумя категориями было весьма условно.

¹⁵ S. K. Iyengar. Rural economic enquiries in the Hyderabad State, 1949—51. Hyderabad, 1951, p. 20.

¹⁶ См. A. I. Qureshi. The economic development of Hyderabad. Rural economy. Bombay, 1947, p. 133.

Таковы главные формы феодально-помещичьей земельной собственности, возникшие в Индии в период английского колониального господства и существовавшие в стране до проведения аграрных реформ¹⁷.

В 1947 г. земельно-налоговая система заминдари распространялась на 57% площади всех частновладельческих земель в девяти главных провинциях Индии (без Пакистана), райятвари — на 38% и махалвари — на 5%¹⁸.

Колониальная статистика в доступных для автора изданиях не приводит достаточно полных данных о распределении земельной собственности по всей Индии. Поэтому можно лишь примерно исчислить долю помещичьего землевладения среди всех частновладельческих земель в различных провинциях Британской Индии. По нашим расчетам, удельный вес помещичьего землевладения в районах райятвари достигает 30—40%, а в Пенджабе — 50%. Учитывая, что небольшая часть земли в районах заминдари находилась в руках заминдаров-крестьян, приходим к заключению, что в 1947/48 г. помещичье землевладение в девяти главных штатах страны составляло 75—78% всех частновладельческих земель. По оценке индийского экономиста Бховани Сена, во всей Индии накануне проведения аграрных реформ помещикам, которых по переписи 1951 г. было не более 2% всего сельскохозяйственного населения, принадлежало 70% всей земли¹⁹. Крестьяне-собственники, составлявшие в 1951 г., по данным обследования министерства труда в Индии, около 29% всего сельскохозяйственного населения и 90% всех собственников, владели лишь 30% всей земли²⁰. В то же время безземельные крестьяне — арендаторы и сельскохозяйственные рабочие, по тем же данным, составляли 71% всего сельскохозяйственного населения.

Таким образом, приблизительно три четверти всей земли в Индии принадлежало помещикам, а около трех четвертей крестьян были полностью безземельными или малоземельными арендаторами и сельскохозяйственными рабочими. Главным итогом аграрной политики английских колонизаторов в Индии было массовое разорение и обезземеливание крестьянства и укрепление господствующего положения в индийской деревне класса полуфеодалов помещиков, который сконцентрировал в своих руках основную часть обрабатываемой земли.

Одновременно с обезземеливанием крестьянства развивалось дробление и парцелляция крестьянских хозяйств. Все большая часть хозяйств крестьян-собственников зачислялась статистикой в категорию «нерентабельных», по терминологии буржуазных экономистов, хозяйств, т. е. не обеспечивающих по своим размерам в условиях отсталой техники земледелия достаточного прожиточного минимума и нормального воспроизводства. Как показывают источники, 70—80% крестьян-собственников обладают «нерентабельными» земельными участками. Это означает, что около трех четвертей крестьян-собственников в Индии находилось в состоянии пауперизации.

¹⁷ Определить точную дату начала реформ представляется весьма трудным, поскольку на юге Индии аграрные реформы начали осуществляться в 1949 г., а в основных штатах севера страны — в 1952—1953 гг.

¹⁸ См. S. Thirumalai. Post-war agricultural problems and policies in India. Bombay, 1954, p. 129.

¹⁹ B. Sen. Agrarian crisis in India and reactionary plans. Bombay, 1952, p. 31. По переписи 1951 г. в Индии насчитывалось 5,3 млн. рентополучателей и членов их семей. Необходимо учитывать, что в эту категорию частично включены и некоторые группы верхней прослойки крестьянства.

²⁰ Данные о результатах обследования приведены по «Commerce», 12 февраля 1955 г., стр. 270.

В условиях, когда, с одной стороны, до 75% обрабатываемой земли находилось в собственности помещиков и, с другой — примерно 75% крестьянства были лишены земли, полуфеодальная аренда из нужды являлась до проведения аграрных реформ основной формой крестьянского землепользования. Индийские экономисты Нанавати и Анджария подсчитали, что около 75% земли в бывшей Британской Индии сдавалось в аренду²¹. В одних провинциях аренда была распространена больше, в других — меньше. Наибольший удельный вес среди других видов землепользования она занимала там, где преобладало помещичье землевладение. Так, например, по исчислениям автора, в Уттар-Прадеше в аренду сдавалось 82% всех обрабатываемых земель, в Бихаре — около 90%, а в Пенджабе — 66%, в районах райятвари Бомбейской провинции — 31%.

При концентрации земельной собственности в руках относительно немногочисленной группы помещиков основной производственной единицей в сельском хозяйстве страны оставалось мелкое и мельчайшее хозяйство крестьянина-арендатора или собственника. В таблице приводятся некоторые новые данные об удельном весе «нерентабельных» хозяйств в отдельных штатах страны.

Таблица

Удельный вес низшей по площади группы хозяйств среди всех хозяйств в отдельных штатах Индии

Штаты	Годы	Размеры хозяйств (в акрах)	Процент от всех хозяйств
Уттар-Прадеш ¹	1945	до 10	94
Бихар ²	1951	до 5	83,3
Западная Бенгалия ²	1951	до 4	62
Орисса ³	1948	до 5	74,6
Бомбей (Гуджарат) ⁴	1948	до 10	74,5
Бомбей (Декан) ⁴	1948	до 10	55,3
Бомбей (Карнатак) ⁴	1948	до 10	83,4
Хайдарабад ⁵	1950	до 5	88,2
Траванкур-Кочин ²	1951	до 5	94,1
Мадрас ⁴	1948	до 5	82

Источники: ¹ «Report of the United Provinces zamindari abolition committee», vol. II. Allahabad, 1948, p. 6; ² «The first five year plan». Delhi, 1953, p. 200—202; ³ V. Rikhi. Condition of Orissa peasantry and Congress reforms. «New age», 1953, N 8, p. 71; ⁴ «Report of the Congress agrarian reforms committee». New Delhi, 1949, p. 14; ⁵ S. K. Iyengar. Rural economic enquiries in the Hyderabad State, p. 72.

Эти мелкие и мельчайшие крестьянские хозяйства составляют важнейшую скрытую форму, в которой существует относительное аграрное перенаселение. Оно характеризуется не только капиталистическими, но и феодальными чертами, поскольку значительная часть крестьян-бедняков подвергалась феодальной эксплуатации. Относительное аграрное перенаселение в Индии является необходимым экономическим условием

²¹ M. B. Nanavati and J. J. Anjaria. The Indian rural problem. Bombay, 1947, p. 137.

сохранения феодальных и полуфеодальных методов эксплуатации крестьянства. Конкуренция крестьян вокруг сдаваемых в аренду участков земли позволяет помещикам значительно взвинчивать арендную плату. Поэтому индийским помещикам было экономически выгодно сохранять полуфеодальную аренду как главный способ эксплуатации крестьянства.

Сдача земли в аренду помещиками, а также зажиточной частью крестьян, когда хозяйство ведет арендатор, уплачивающий докapiталистическую земельную ренту, являлась главным способом полуфеодальной эксплуатации крестьянства.

Необходимо отметить, что все арендаторы в колониальной Индии делились на две большие категории: арендаторов, отношения которых с землевладельцами определялись только их арендным договором, — чаще устным и реже письменным, и арендаторов, обладавших правами «защищенной аренды», по которым срок аренды, размер ренты и другие условия арендного договора в той или иной степени были определены законом. Введение «защищенной аренды» было вызвано подъемом крестьянского движения во второй половине XIX в. Создавая прослойку «защищенных» арендаторов, колониальные власти стремились внести раскол в индийское крестьянство.

В первую категорию входило подавляющее большинство арендаторов в районах райятвари и Пенджабе, а также субарендаторы в районах заминдари и княжествах. Ко второй категории относилась верхняя прослойка арендаторов в имениях заминдаров и княжествах, а также немногочисленные группы арендаторов в районах райятвари и Пенджабе. Следует сказать, что в 1946—1954 гг. почти во всех штатах Индии было проведено законодательство, по которому права «защищенной аренды» получила значительная часть тех арендаторов, которые до тех пор ими не обладали.

Титул на право «защищенной аренды» являлся объектом купли-продажи. Арендаторы, разорвавшиеся под тяжестью феодальной эксплуатации, лишались прав «защищенной аренды», которые переходили к богатым крестьянам, ростовщикам и торговцам, составившим прослойку арендаторов-посредников. Крестьяне, которые теряли права «защищенной аренды», обычно продолжали обрабатывать свои участки на более тяжелых условиях, уплачивая ренту в виде издольщины. В Пенджабе разорвавшиеся крестьяне-собственники также обычно оставались на своих же участках земли, превращаясь в арендаторов, уплачивавших арендную плату по издольной системе и не обладавших правами «защищенной аренды».

Аренда земли богатыми крестьянами, если они ведут хозяйство на капиталистических началах, с применением наемного труда, носит предпринимательский характер. Если же богатые крестьяне, арендующие землю у помещика, пересдают ее затем крестьянам-субарендаторам, аренда превращается в систему посредничества, способ получения доли докapiталистической земельной ренты.

Для громадного же большинства крестьянства аренда была «сделкой под влиянием нужды», способом пользования землей, обусловленным господством феодально-помещичьего землевладения.

В Индии докapiталистическая земельная рента сохранилась в двух формах — натуральной и денежной. Отработочная рента сохранилась преимущественно в Северной и Центральной Индии, в районах расселения народов хиндустани и ория. В Ориссе издольщики (бхагчаси) обычно обязаны, помимо уплаты натуральной или денежной ренты, несколько дней в году безвозмездно отработать на своих землевладельцев. В Уттар-Прадеше в середине 40-х годов обрабатывали в хозяйствах землевла-

дельцев свыше 80% арендаторов из «неприкасаемых» каст²². Слабое распространение в Индии отработочной ренты объясняется тем, что в средневековой Индии, где феодалы почти не вели собственного хозяйства, господствующей была натуральная рента, которая в колониальный период существовала в двух видах — издольщины и фиксированных ставок.

В наибольшей степени издольная аренда (система батаи, барга и др.) распространена в северной Индии. Накануне второй мировой войны в издольную аренду сдавалось 50% всех посевных площадей в Пенджабе, а в Уттар-Прадеше, Бихаре и Бенгалии — 20%²³. В Ориссе система издольной аренды охватывает лишь около 15% всех обрабатываемых земель²⁴. В районах райятвари Мадраасской провинции в 30-х годах натуральная рента в виде издольщины (варам) была распространена на 20—30% всех арендованных земель.

Издольщина являлась наиболее тяжелым для индийских крестьян видом докапиталистической земельной ренты. При повышении урожайности немедленно автоматически увеличиваются и абсолютные размеры ренты. К тому же доля землевладельца увеличивается и при аренде земель, на которых выращиваются ценные товарные культуры. К землевладельцу переходит, таким образом, и появляющийся избыточный прибавочный продукт, а непосредственный производитель лишается стимула к введению улучшений в своем хозяйстве. Кроме того, взимание арендной платы по системе издольщины обычно происходит под наблюдением самого землевладельца.

Издольщики поэтому составляли беднейшую и наиболее эксплуатируемую прослойку крестьян-арендаторов. На правах издольщиков арендовала свои участки значительная часть мелких субарендаторов, державших землю от верхней прослойки арендаторов в районах заминдари и в княжествах. Так, например, в Бенгалии в 1945 г. крестьяне-субарендаторы, не обладавшие правами наследственной аренды, уплачивали арендную плату по системе издольщины с 66% площади арендовавшейся ими земли²⁵. В 1950 г. в Хайдарабаде субарендаторы уплачивали арендную плату по системе издольщины с 51,2% площади суходольных и с 42,8% площади орошенных земель²⁶, а в Бихаре — с 42% площади всех арендуемых ими земель²⁷.

В Пенджабе ренту по системе издольщины накануне второй мировой войны уплачивали 75% арендаторов, не обладавших правами наследственной аренды (tenants-at-will)²⁸. По последним данным, в штате Пенсу эта категория арендаторов уплачивала ренту по издольной системе с 65% арендуемых земель²⁹. В Пенджабе в 1899—1937 гг. площадь земли, находившейся в аренде у наиболее бесправной группы арендаторов (tenants-at-will), увеличилась на 83%³⁰. В эти же годы отмечалось значительное распространение издольщины.

²² Эта группа арендаторов составляла 10% всех арендаторов провинции. См. M. Singh. The depressed classes. Their economic and social condition. Bombay, 1947, p. 23. (Русский перевод: М. Синг. Угнетенные касты в Индии. М., 1950.)

²³ M. B. Nanavati and J. J. Anjaria. Указ. соч., стр. 159.

²⁴ G. Patnaik. Impoverishment of the Oriya peasant. «New age», 1953, № 11, p. 36.

²⁵ A. Ghosh. Agricultural labour in Bengal. «Indian journal of economics», 1948, № 110, p. 438.

²⁶ S. K. Iyengar. Указ. соч., стр. 59—60.

²⁷ См. «New age», 1953, № 12, p. 86.

²⁸ V. V. Sayana. Sharing and fixed tenancy systems. Madras, 1949, p. 49.

²⁹ «Report on agrarian reforms in PEPSU». Delhi, 1952, p. 83.

³⁰ T. Jain. Указ. соч., стр. 604.

По заключению Бенгальской комиссии по земельному налогу (1940), в 1938 г. в издольную аренду сдавалось 20% всех обрабатывавшихся земель, а в 1945 г. удельный вес их повысился до 24,7%³¹. В настоящее время в Западной Бенгалии, по некоторым оценкам, в аренду по издольной системе сдается 40% всех обрабатываемых земель³². Эти данные приводят к выводу, что распространение издольщины в отдельных районах страны можно непосредственно связывать с ростом субаренды и «незащищенной аренды».

Превращение значительной части разоряющихся крестьян мелких собственников или арендаторов в издольщиков представляет промежуточный этап в процессе их полной пролетаризации. Переходный характер издольщины в Индии в эпоху империализма выражается в том, что в результате усиления полуфеодальной эксплуатации происходит постепенная утрата крестьянством средств производства и орудий труда, т. е. подготовка некоторых условий для превращения арендаторов в сельскохозяйственных рабочих.

Этот процесс раскрывается при анализе форм издольной аренды, при которой землевладелец зачастую авансирует не только землю, но и часть других средств производства (скот, семена, удобрения) и сельскохозяйственного инвентаря. Раздел урожая между землевладельцем и арендатором определяется в этом случае, помимо прочих условий, тем, какая часть средств производства и орудий труда авансирована каждой из сторон. Например, в деревне Гангакондан (округ Тинневелли Мадраасской провинции) были распространены три вида издольщины. В первом случае землевладелец авансировал только землю — арендная плата была равна $\frac{2}{3}$ урожая. Во втором случае он авансировал, кроме того, и стоимость удобрений. Арендная плата повышалась до $\frac{3}{4}$ урожая. В третьем случае землевладелец авансировал все средства производства и орудия труда. Арендная плата составляла при этом $\frac{7}{8}$ урожая³³.

В колониальной Индии зачастую было почти невозможно определить, является ли издольщик, владеющий некоторым примитивным сельскохозяйственным инвентарем, арендатором или батраком. Анализ этих форм производственных отношений вскрывает некоторые важные особенности процесса разложения крестьянства в Индии.

В. И. Ленин отмечал, что «...до полного отделения производителя от средств производства еще много промежуточных ступеней...»³⁴. Различные виды аренды, при которых землевладелец авансирует кроме земли и другие средства и орудия производства, выражают различные ступени экспроприации и пауперизации крестьянина-арендатора и являются этими «промежуточными ступенями» на пути его полной пролетаризации.

Особенность этого процесса в колониальной Индии состояла в том, что он значительно затянулся, что непосредственный производитель на длительный период задерживался на каждой из стадий своего раскрестьянивания, т. е. отделения от средств производства. Крестьянин соединялся с землей на все ухудшавшихся условиях, но не превращался окончательно в «свободного» сельскохозяйственного рабочего. Процесс разложения крестьянства в Индии протекал в низших и худших формах «непролетариатского обнищания».

Аналогичный процесс постепенной пролетаризации происходил не только среди арендаторов-издольщиков, но также среди арендаторов,

³¹ См. A. Ghosh. Указ. соч., стр. 438—439.

³² R. Mukerjee and B. Chowdhury. West Bengal estate acquisition bill. «New age», 1954, № 3, p. 62.

³³ «Some South Indian villages». Ed. by G. Slater. Oxford, 1918, p. 59.

³⁴ В. И. Ленин. Соч., т. 1, стр. 445.

уплачивавших докапиталистическую земельную ренту в других формах.

Разновидностью натуральной формы докапиталистической земельной ренты, распространенной в колониальной Индии, являлась фиксированная арендная плата продуктами. Величина ренты увеличивается в соответствии с ценностью выращиваемой культуры. Следовательно, и в этой форме ренты, как и в издольщине, землевладелец также отбирает у арендатора появляющийся избыточный прибавочный продукт.

В большинстве районов как Северной, так и Центральной и Южной Индии в течение последних пятидесяти лет в результате развития товарно-денежных отношений происходил процесс вытеснения натуральной формы докапиталистической земельной ренты ее денежной формой. Например, в 1950 г. в Хайдарабаде субарендаторы платили денежную ренту с 40,7% площади арендуемой богарной земли и 31,5% поливной земли. В Бихаре в том же году арендаторы уплачивали денежную ренту с 88% площади арендуемой земли.

Однако в отдельных случаях и даже в целых обширных районах (например, в Пенджабе) наблюдался процесс вытеснения денежной ренты натуральной рентой. Объясняется это тем, что с развитием торгового земледелия и повышением цен на товарные культуры землевладельцы стремились сосредоточить в своих руках всю товарную часть сельскохозяйственной продукции.

Абсолютная величина докапиталистической земельной ренты в Индии очень велика — в натуральном выражении она равняется 40—60% и доходит до 80% урожая. С наступлением эпохи империализма в Индии увеличилась норма феодальной эксплуатации, что выразилось в росте ставок докапиталистической земельной ренты³⁵. Необходимо отметить, что индийское крестьянство оказывало все большее сопротивление усилению феодально-помещичьей эксплуатации. Требование снизить арендную плату являлось одним из главных пунктов программы организованного крестьянского движения. Увеличение нормы феодальной эксплуатации индийского крестьянства было связано с дальнейшим развитием товарно-денежных отношений в индийской деревне, что, в свою очередь, явилось следствием усилившегося в эпоху империализма ограбления Индии английскими монополиями как аграрно-сырьевого придатка и рынка сбыта капиталистической Англии.

Превращение Индии в аграрно-сырьевой придаток Англии вызвало значительный рост товарности сельскохозяйственного производства в Индии. Меньшую часть товарной продукции дают зерновые культуры и большую — технические и продовольственные культуры, являющиеся промышленным сырьем. В 1934—1936 гг. товарная часть продукции пшеницы составляла 55% валового сбора, а риса (в Мадраасской провинции) в середине 40-х годов — 65% валового сбора³⁶. После второй мировой войны в Индии производство на рынок земляного ореха составляло 76% его продукции, сезама — 78%, рапса и горчишного семени — 89%³⁷.

Одна из особенностей развития товарно-денежных отношений в колониальной Индии состоит в том, что при относительно высоком уровне товаризации сельскохозяйственного производства в данном районе, хозяй-

³⁵ Арендная плата росла значительно быстрее, чем цены на сельскохозяйственные продукты. Напр., в Соединенных провинциях в 1901—1933 гг. цены выросли на 6%, а денежная рента — на 45%. «Economic problems of modern India». Ed. by R. Mukerjee, vol. I. London, 1939, p. 225.

³⁶ «Report of the marketing of wheat in India». Delhi, 1937, p. 53; Abstract of agricultural statistics in India, 1936/37 to 1945/46. Delhi, 1949, p. 169.

³⁷ «Agricultural situation in India», 1952, сентябрь, стр. 335.

ства крестьян — непосредственных производителей могли носить в основном натуральный характер. Такая картина наблюдалась там, где арендаторы уплачивали помещикам натуральную ренту. Значительные остатки натурального хозяйства сохранялись в силу господства феодального помещичьего землевладения.

Развитие торгового земледелия в условиях колониального порабощения страны и преобладания в земледелии полуфеодальных форм хозяйства вызвало значительное усиление торгово-ростовщической эксплуатации индийского крестьянства.

Общая сумма сельскохозяйственного долга в Индии увеличилась с 3 млрд. рупий в 1911 г. до 18 млрд. рупий в 1937 г. По оценке Комитета по национальному доходу, в 1948/49 г. общая величина сельскохозяйственного долга в Индии равнялась 9,13 млрд. рупий³⁸. Снижение общей суммы долга объясняется, во-первых, тем, что в данных 1937 г. учтены суммы долга по провинциям, отошедшим в 1947 г. к Пакистану, а также по Бирме, входившей тогда в состав Индии. Во-вторых, помещики, а также крестьянская верхушка сумели ликвидировать часть старых долгов, используя инфляционный рост цен на сельскохозяйственную продукцию в период мировой войны.

В то же время задолженность крестьянской бедноты в период войны, напротив, возросла. Например, в Мадраасской провинции в 1939—1945 гг. доля трех беднейших групп сельскохозяйственного населения (собственников земли менее 5 акров, арендаторов и сельскохозяйственных рабочих) в общей сумме задолженности увеличилась с 42,1 до 48,2%, а долг каждого сельскохозяйственного рабочего возрос в среднем на 45,6%³⁹. В 1943—1946 гг. в Бенгалии процент семей арендаторов и сельскохозяйственных рабочих, имевших долги, увеличился вдвое⁴⁰.

На ростовщический капитал, по данным результатов обследования, проведенного в 1951—1953 гг. специальным комитетом Резервного банка Индии, приходится почти 90% всего сельскохозяйственного долга в стране⁴¹. В форме ростовщического процента у крестьян отбирается значительная часть прибавочного и необходимого продукта. По данным Комитета по национальному доходу, ростовщический процент в Индии составлял в 1948/49 г. общую сумму в 865 млн. рупий (из расчета ставки в 9,5% годовых). Однако в действительности преобладающими ставками ростовщического процента при натуральных займах являются 50—100% годовых, а при денежных — 12—24% годовых.

Основными кредиторами деревенских ростовщиков являются так называемые проффы (крупные городские ростовщики). В свою очередь, проффов кредитовал «Имперский банк Индии» и другие акционерные банки, которые контролировались английским финансовым капиталом или индийскими финансистами-монополистами. Так составлялась единая цепочка от английского банка до деревенского ростовщика Индии. Одна из особенностей действия в Индии основного закона современного капитализма состоит в том, что английские монополии в процессе систематического закабаления и ограбления страны, в целях извлечения максимальных прибылей сохраняли и использовали в современную эпоху докапиталистические методы эксплуатации индийских трудящихся.

Кредитование помещиками своих арендаторов не только усиливает феодальную эксплуатацию арендаторов, но и своеобразно прикрепляет

³⁸ «First report of the National income committee». Delhi, 1951.

³⁹ См. «Report of the Congress agrarian reforms committee», p. 90; «Agricultural situation in India», 1950, ноябрь, стр. 548.

⁴⁰ См. «Indian journal of economics». 1949, № 115, p. 380.

⁴¹ Цит. по «Commerce», 8 января 1955 г., стр. 12.

их к земле, поскольку задолженность крестьян-арендаторов обычно не уменьшается с годами, а, наоборот, возрастает. Это — пример того, как в Индии ростовщический капитал не только сочетается с феодальными пережитками и использует феодальные методы эксплуатации крестьянства, но и закрепляет пережиточные формы феодальных отношений.

Однако в индийской деревне, где, хотя и очень медленно, но неуклонно развивались капиталистические отношения, этим не ограничивалась роль ростовщического капитала. Концентрируя денежные капиталы и разоряя мелких производителей, ростовщичество подготавливает некоторые предпосылки капиталистического производства. Эта двойственность в деятельности ростовщического капитала наглядно вскрывается при анализе его роли в обезземелении крестьянства. Ростовщические операции служат тем инструментом, с помощью которого помещики, крестьянская верхушка, а также ростовщики-профессионалы, торговцы экспроприируют мелкую крестьянскую собственность. При этом экспроприированные крестьяне, превратившись в арендаторов своих участков, продолжают, как правило, эксплуатироваться на старых основаниях, уплачивая докапиталистическую земельную ренту.

Ростовщическая эксплуатация индийского крестьянства сочетается с его эксплуатацией торговым капиталом. Крестьяне-товаропроизводители почти полностью отрезаны от местных рынков и находятся во власти различных скупщиков и торговых посредников. По материалам правительственных обследований, предпринятых накануне и в годы второй мировой войны, доля торгового капитала в цене, уплачиваемой потребителем, составляла 25—70% для основных сельскохозяйственных товаров.

Между производителем и крупным оптовиком или экспортером находится цепочка торговых агентов-посредников, начиная от мелкого скупщика — биошари и кончая крупными торговыми посредниками — архатиа. Торговые посредники были связаны с крупными английскими экспортными фирмами, такими как «Братья Ралли», «Братья Волькарт» и другими. Внутренняя торговля финансируется главным образом крупными городскими ростовщиками — проффами. Накануне второй мировой войны, по некоторым данным, они представляли 49 из 50 млрд. рупий, которые составляли кредиты на внутренний товарооборот Индии⁴².

Как было указано выше, проффы через систему кредитования тесно связаны с английским и индийским монополистическим капиталом. Таким образом, английские и индийские монополисты участвуют в эксплуатации индийской деревни как ростовщическим, так и торговым капиталом, урывая часть ростовщического процента и торговой прибыли.

Товарное производство в индийской колониальной деревне, развивавшееся на основе и в условиях эксплуатации страны как аграрно-сырьевого придатка капиталистической Англии, обслуживало, в первую очередь, английский империализм, а также связанные с ним и господствовавшие в сельском хозяйстве страны полуфеодальные формы ведения хозяйства. В то же время на базе роста мелкотоварного производства происходило развитие земледельческого капитализма. Росту торгового земледелия сопутствовали имущественное расслоение индийского крестьянства и выделение из его среды незначительной прослойки зажиточных крестьян, с одной стороны, и массы сельскохозяйственных рабочих — с другой.

Связь процесса разложения крестьянства с ростом торгового земледелия в Индии прослеживается на следующих примерах. В середине 30-х годов в Соединенных провинциях товарное производство зерна в наи-

большей степени было развито в крупных по площади хозяйствах, принадлежавших богатой верхушке деревни⁴³.

Ниже приводятся соответствующие данные.

Группа хозяйств	Площадь хозяйства (в акрах)	Продана пшеницы (в процентах от урожая)
I	До 5	40
II	От 5 до 15	50
III	Свыше 15	75

В 1939/40 г. в Бомбейской провинции было обследовано 198 хозяйств, где земледелие велось богарным способом, и 193 хозяйства с поливным земледелием⁴⁴. В первой группе хозяйств, где товарная часть продукции земледелия составляла 34,6%, а животноводства — 15%, работало всего 76 батраков. Во второй группе хозяйств, где товарная часть продукции земледелия составляла 64,9%, а животноводства — 25%, работало в общей сложности 265 батраков.

Второй пример показывает, что развитие товарно-денежных отношений в индийской деревне в эпоху империализма сопровождалось не только имущественным, но и классовым расслоением крестьянства.

Имущественная дифференциация крестьянства прослеживается при изучении данных о распределении пахотной земли. К Индии также относится указание В. И. Ленина о том, что в сельскохозяйственных районах, где главным занятием деревенского населения является земледелие, наилучшим способом группировки крестьянства остается «группировка по посеву»⁴⁵.

Глубокое имущественное расслоение индийского крестьянства отражено в результатах выборочного обследования в общендийском масштабе 10 870 хозяйств, которое было проведено в апреле—июне 1951 г. Всеиндийским статистическим институтом в Калькутте⁴⁶. Хозяйства размером до 5 акров составляли 69,4% всех хозяйств, но охватывали лишь 18,7% всей земельной площади, а хозяйства размером в 25 и акров более составляли 5,3% всех хозяйств и занимали 33,4% всей площади.

Сравнительный анализ данных о распределении земли между различными (по площади) группами хозяйств, об удельном весе «нерентабельных хозяйств» и данных о крестьянских бюджетах приводит к заключению, что около 70% всех крестьянских хозяйств Индии в рассматриваемый период относились к бедняцкой прослойке. Выделившаяся на другом полюсе незначительная группа богатых крестьян сконцентрировала в своих руках от 25 до 50% пахотной земли всех крестьянских хозяйств.

Владельцы и арендаторы парцеллярных земельных участков продолжают воспроизводство благодаря искусству мелких крестьян «...держаться путем безмерного и невероятного понижения потребностей»⁴⁷. Эта группа крестьянства представляет важнейшую часть резервной армии труда, существующей в форме относительного аграрного перенаселения.

Одновременно с усилением имущественного неравенства среди индийского крестьянства и его массовой пауперизацией происходит выделение из среды крестьян кулацкой верхушки на одном полюсе, и сель-

⁴³ «Report of the marketing of wheat in India», p. 15.

⁴⁴ D. R. Gadgil. Economic effects of irrigation. Report of a survey of the direct and indirect benefits of the Godavari and Pravara canals. Poona, 1948, p. 88.

⁴⁵ См. В. И. Ленин. Соч., т. 1, стр. 10.

⁴⁶ «The National sample survey», № 2, Calcutta, 1953, p. 48.

⁴⁷ В. И. Ленин. Соч., т. 4, стр. 118.

⁴² «Economic problems of modern India», vol. II. London, 1941, p. 346.

скохозийственных рабочих — на другом, т. е. происходит процесс разложения крестьянства как класса-сословия феодального общества.

Образование сельскохозяйственного пролетариата в Индии прослеживается на материалах переписей. Необходимо отметить, что стандарты классификации сельскохозяйственного населения изменялись от переписи к переписи. Поэтому приходится ограничиваться сопоставлением материалов всеиндийских переписей, проводившихся по сходным стандартам⁴⁸.

Индийский экономист Сурендра Дж. Пател справедливо отмечал, что при определении численности сельскохозяйственных рабочих в Индии необходимо учитывать не только группу собственно «сельскохозяйственных рабочих», но и две другие, выделяемые в отчетах о переписях категории населения: «плантационных рабочих» и «рабочих неопределенной категории»⁴⁹. Работники в этих трех группах составляли в 1921 г. — 27,8 млн. человек, в 1931 г. — 42,2 млн., в 1951 г. — 53 млн. и соответственно 26,2, 38 и 41% самостоятельной части всего сельскохозяйственного населения⁵⁰. По тем же источникам, с 1891 по 1951 г. удельный вес сельскохозяйственных рабочих во всем сельском населении Индии вырос с 13 до 36%.

Эти цифровые материалы свидетельствуют о развитии капитализма в сельском хозяйстве страны. Однако следует учитывать, что колониальная статистика показывала в числе «сельскохозяйственных рабочих» группу закабаленных батраков, которые фактически были на положении полурабов-полукрепостных. Эта часть сельского населения образовалась не в ходе разложения индийского крестьянства, а возникла еще в период феодализма. В средневековой индийской сельской общине эта часть крестьянства составляла прослойку внутриобщинных рабов и крепостных. В эпоху империализма различные формы полурабской и полукрепостной зависимости крестьян от помещиков закреплялись наследственной долговой кабалой. Закабаленные рабочие принадлежали к низшим, «неприкасаемым» кастам, а также к так называемым аборигенам, т. е. выходцам из племен и мелких народностей, населяющих горнолесистые районы в Центральной, Южной и Северо-Восточной Индии и занимавшихся в значительной степени подсечно-переложным земледелием, охотой, сбором дикорастущих плодов и т. п. По данным переписи 1951 г., «неприкасаемые» и «аборигены» составляли 39,3% сельскохозяйственных рабочих в Индии⁵¹.

В тех провинциях, где в наибольшей степени сохранялись пережитки рабства и крепостничества, удельный вес сельскохозяйственных рабочих повышался за счет закабаленных батраков. Этим в значительной степени объясняется относительно большая доля сельскохозяйственных рабочих во всем сельскохозяйственном населении в Южной и Центральной Индии, а также Бихаре, по сравнению с другими частями страны.

Полурабы и полукрепостные — «неприкасаемые» и «аборигены» составляют один из источников пополнения сельскохозяйственных рабочих. Другой источник формирования сельского пролетариата в Индии — разо-

⁴⁸ Данные за 1951 г. приведены не по переписи, а по материалам упоминавшегося обследования 812 деревень министерством труда Индии. В отличие от переписи 1951 г., при проведении обследования, как и при переписях 1921 и 1931 гг., учитывались не только безземельные сельскохозяйственные рабочие, но и рабочие с наделом.

⁴⁹ См. S. J. Patel. *Agricultural labourers in modern India and Pakistan*. Bombay, 1952, p. 13—17. (Русский перевод: С. Дж. Пател. *Сельскохозяйственные рабочие в Индии и Пакистане*. М., 1955.)

⁵⁰ S. J. Patel. Указ. соч., стр. 14; «Census of India. Paper № 3». Delhi, 1953; «Commerce», 12 февраля 1955 г., стр. 270.

⁵¹ «Census of India. Paper № 4». Delhi, 1953, p. 3.

ряющиеся деревенские ремесленники, а также выброшенные на улицу рабочие находящихся в сельской местности мелких мануфактурных предприятий. Но основная масса сельскохозяйственных рабочих состоит из разорившихся крестьян-арендаторов и мелких собственников.

Одна из важнейших особенностей как формирования, так и структуры сельскохозяйственного пролетариата в Индии, связанная со всем характером разложения индийского крестьянства, состоит в том, что значительную часть этой группы сельского населения составляют рабочие с наделом. По данным обследования, проведенного в 1951 г. министерством труда Индии, 50% всех семей сельскохозяйственных рабочих арендовали землю или были ее собственниками.

Разложение крестьянства в условиях колониальной эксплуатации страны английскими монополиями и господства в деревне феодальных пережитков было крайне длительным процессом, который привел к образованию громадной прослойки бедноты, составляющей вместе с сельскохозяйственными рабочими около 80% всего сельскохозяйственного населения. Подавляющее большинство бедняков, не превращаясь окончательно в сельскохозяйственных рабочих капиталистического типа, «...живет вечно на границе пролетарского состояния»⁵². В этом — главная особенность процесса разложения крестьянства в Индии.

Образование класса наемных рабочих в земледелии является лишь одной стороной процесса разложения крестьянства. Наряду с этим идет выделение мелких капиталистических предпринимателей, ведущих хозяйство с помощью наемных рабочих и кое-где применяющих сельскохозяйственные машины. Например, в Траванкоре в 1948 г. 25% всей площади под рисом (167 тыс. акров в прибрежном районе Куттанад) принадлежало фермерам капиталистического типа. Они эксплуатировали наемных сельскохозяйственных рабочих, а также применяли для откачки воды с полей, расположенных на дне осушенных лагун, механические насосы, работавшие от дизель-моторов⁵³.

Кулачество выделяется как из среды крестьян-собственников, так и арендаторов. В Индии предпосылками создания у арендаторов-кулаков прибыли являются не только эксплуатация ими наемного труда и ведение высокотоварного хозяйства, но и принадлежность к привилегированным прослойкам арендаторов, поскольку последние уплачивают несколько пониженную арендную плату в сравнении с остальной массой арендаторов. Однако кулаки-арендаторы уплачивают в большинстве случаев, как и все крестьянство, докапиталистическую земельную ренту. Появляющаяся капиталистическая рента тесно переплетается с феодальной земельной рентой. Для постановки этого вопроса необходимо учитывать замечание В. И. Ленина об аренде в России: «Говоря терминами Маркса, отработочная, натуральная, денежная и капиталистическая ренты переплетаются у нас самым причудливым образом»⁵⁴. Это осложняется еще и тем обстоятельством, что там, где докапиталистическая рента существует в натуральной форме, капиталистическая рента также может выступать в фальсифицированном виде натуральной ренты. Кулак в Индии сам часто подвергается феодальной эксплуатации и в своем развитии сдвинут, ограничен феодальными пережитками, поэтому в борьбе с феодально-помещичьим гнетом он идет вместе со всем крестьянством.

Господство в индийской деревне феодальных пережитков оказало влияние на способы хозяйствования индийского кулачества. Во-первых, в ведении хозяйства индийскими зажиточными крестьянами обычно сов-

⁵² В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 10.

⁵³ S. Parameswaran. *The peasant question in Kerala*. Bombay, 1951, p. 21.

⁵⁴ В. И. Ленин. Соч., т. 6, стр. 98.

мещаются феодальные и капиталистические методы. Во-вторых, богатая верхушка деревни представляет не только предпринимательский, но и торговый, и ростовщический капитал.

В Индии широко распространен тип богатого крестьянина, сдающего землю в аренду. В княжествах и в имениях заминдаров такие богатые крестьяне образовали прослойку арендаторов-посредников, которые присваивали часть докапиталистической земельной ренты. Например, в 1937/38 г. в некоторых имениях заминдаров в Мадраасской провинции арендаторы — замин-райяты, сдававшие землю в субаренду, составляли 50—60% среди всех арендаторов имения⁵⁵.

В Индии рассматриваемого периода сосуществовали две тенденции в развитии крестьянской верхушки; первая тенденция — превращение в мелкого полуфеодального землевладельца, вторая — превращение в капиталистического предпринимателя. При этом существовали различные переходные формы как того, так и другого типа богатого крестьянина.

На основании имеющихся материалов численность кулачества Индии определить невозможно. По данным обследований экономики отдельных деревень и микрорайонов, богатые крестьяне составляют в среднем от 5—6 до 10% всех крестьян. Если принять ориентировочно последнюю цифру, то крестьянство среднего достатка составит около 20%. Основную же часть индийского крестьянства (около 70%), как мы определили выше, составляет беднота, которая с развитием капитализма медленно превращается в сельскохозяйственный пролетариат.

Имеющиеся данные не позволяют определить удельный вес капиталистического уклада в сельском хозяйстве всей страны. Согласно материалам обследования 46 тыс. крестьянских семей в Бенгалии, проведенного в 1946 г., 26,8% всей земли обрабатывалось полностью или частично трудом сельскохозяйственных рабочих, включая закабаленных батраков⁵⁶. В Ориссе, по официальным данным, в первые годы после второй мировой войны с помощью наемного труда обрабатывалось 25,6% всей земли⁵⁷.

Число крупных помещичьих хозяйств капиталистического типа в Индии крайне невелико. В условиях колониальной экономики появился особый тип крупного капиталистического хозяйства в земледелии — плантации, на которых в Индии производится основная часть чая, кофе и каучука. Плантационное хозяйство как особая разновидность крупного капиталистического хозяйства в Индии характеризовалось тем, что производство там основывалось на ручном труде, в системе эксплуатации рабочих были сильны пережитки рабства (прямого или замаскированного), а капиталист-промышленник в то же время являлся и землевладельцем.

Помимо помещичьих хозяйств капиталистического типа, в Индии, особенно в Пенджабе, в условиях колониальной экономики возникли хозяйства, в которых помещики применяют и феодальные и капиталистические методы ведения хозяйства. Такие имения обычно делятся на две части. Большая часть земли сдается в аренду, обычно по издольной системе, а меньшая — отводится под ферму, на которой выращиваются сортовые семена или же разводится скот. Помещичьи хозяйства этого типа были также весьма малочисленны.

В условиях слабого развития хозяйств капиталистического типа (как кулацких, так и помещичьих) большинство сельскохозяйственных рабочих являются поденщиками. По данным указанного обследования 1951 г.,

⁵⁵ См. K. G. Sivaswamy. Sub-tenancy in Zamindari areas. Madras, 1947, p. 16—37.

⁵⁶ A. Ghosh. Agricultural labour in Bengal. «Indian journal of economics», 1948, № 110, p. 432.

⁵⁷ См. V. Rikhi. Указ. соч., стр. 80.

89% сельскохозяйственных рабочих были поденщиками. Они нанимаются преимущественно на сезонные сельскохозяйственные работы, которые в условиях индийского климата должны быть проведены в максимально сжатые сроки. Поэтому в страдную пору сельскохозяйственные рабочие используются не только в хозяйствах помещиков и кулаков, но и середняков, а также некоторой части бедняков. Значительное время поденные рабочие не заняты в сельскохозяйственном производстве. По данным обследования 1951 г., поденщики-мужчины были заняты на сельскохозяйственных работах лишь 167 дней в году. Это указывает на то, что сельскохозяйственные рабочие в Индии — один из основных отрядов резервной армии труда.

Значительное несоответствие удельного веса капиталистических хозяйств в индийском земледелии численности сельскохозяйственного пролетариата отражает одну из важнейших особенностей развития капитализма в сельском хозяйстве страны. В колониальной Индии процесс развития капитализма в сельском хозяйстве все еще задерживался, в основном, на подготовительном этапе экспроприации непосредственных производителей и формирования класса наемных рабочих в земледелии, с одной стороны, и накопления капитала — прежде всего путем торгово-ростовщической и феодальной эксплуатации крестьянства, — с другой. Таковы некоторые главные особенности аграрного строя Индии периода общего кризиса капитализма, которые определялись колониальным характером индийской экономики.

АБАЙ КУНАНБАЕВ — ВЫДАЮЩИЙСЯ КАЗАХСКИЙ ПРОСВЕТИТЕЛЬ

(К 110 годовщине со дня рождения)

К. БЕЙСЕМБИЕВ, Д. КШИБЕКОВ, Ш. ТАСТАНОВ

Абай (Ибрагим) Кунанбаев (1845—1904) является национальной гордостью казахского народа. Он воплотил в себе лучшие черты народа, его свободолюбие и стремление к светлому будущему, его ненависть к несправедливости, насилию и угнетению, правдивость и честность, гуманизм и патриотизм. Цель его жизни состояла в том, чтобы служить трудовому народу, помочь ему познать правду жизни, путем просвещения убедить его в необходимости борьбы с общественными пороками, содействовать экономическому и культурному развитию казахского народа. Абай Кунанбаев — глашатай прогресса и науки, страстный проповедник дружбы народов нашей страны — выступил на исторической арене во второй половине XIX столетия.

Это был период завершения присоединения Казахстана к России, явившийся величайшим поворотным моментом в исторических судьбах казахского народа. Присоединение Казахстана к России оказало огромное экономическое, политическое и культурное влияние на весь ход дальнейшего развития Казахстана.

В экономическом отношении огромная роль присоединения состояла в том, что оно явилось мощным толчком в развитии производительных сил, вызвало рост общественного разделения труда, открыло возможность для проникновения в казахский аул товарно-денежных отношений, элементов капиталистического производства, создавало условия для постепенного разрушения патриархально-феодальной замкнутости казахского общества. Одним из важных следствий присоединения Казахстана к России было усиление классовой дифференциации казахского аула.

В политическом отношении присоединение сыграло огромную роль в ликвидации опасности порабощения казахского народа отсталыми среднеазиатскими ханствами и английскими колонизаторами и положило конец политической раздробленности казахского народа.

В культурном отношении присоединение дало возможность казахскому народу приобщиться к великой русской культуре. Передовые представители русского народа начали проявлять большой интерес к изучению культуры, быта и хозяйства казахского народа. Появились труды ряда ученых — А. Левшина, Вельяминова-Зернова, Семенова-Тяньшанского и многих других, — посвященные истории, географии и этнографии казахского народа. С одним из лучших произведений казахского эпоса —

«Козы-Корпеш и Баян-Слу» был знаком А. С. Пушкин. Казахстаном интересовались известные русские ученые — Венюков, Мушкетов, Северцов и другие. Под благотворным влиянием передовой, демократической русской культуры из среды казахского народа вышли такие виднейшие просветители, как Чокан Валиханов, Ибрай Алтынсарин и Абай Кунанбаев.

Выдающийся сын казахского народа, основоположник казахской письменной литературы Абай Кунанбаев родился в Чингисских горах Семипалатинской области. Начав свое образование у наемного муллы в ауле, а затем обучаясь в мусульманской духовной школе-медресе, Абай рано осознал всю бесполезность и неужность заучивания непонятного для казахского народа текста корана на арабском языке. И он, отбрасывая премудрости богословско-схоластического учения, своим трезвым и пытливым умом стремился к произведениям знаменитых классиков восточной литературы, к казахской народной литературе. На ранний период творчества Абая оказала значительное влияние таджикская, узбекская и азербайджанская литературы, представленные Фирдоуси, Низами, Навои, Джамии и другими.

Самое сильное влияние, определившее весь творческий путь Абая Кунанбаева, оказала русская литература. Гениальные творения великих русских классиков способствовали формированию художественных, эстетических и общественно-политических воззрений Абая Кунанбаева, явились настоящими путеводителями на его творческом пути. Общение с отдельными представителями русской культуры, изучение демократической русской литературы значительно расширило его творческий горизонт. Произведения классиков русской литературы познакомили Абая с творениями классиков мировой литературы, которые до него не были известны казахскому народу.

Абай Кунанбаев воспитывался, рос и стал выдающимся просветителем и мыслителем под благотворным влиянием великих творений Пушкина и Лермонтова, Л. Толстого и Салтыкова-Щедрина, великих русских революционных демократов, на произведениях которых воспитывались лучшие прогрессивные элементы XIX столетия.

Абай жил в эпоху господства патриархально-феодального строя в Казахстане, в условиях средневековой темноты и невежества. Величайшая заслуга Абая состоит в том, что именно в этих условиях он, подлинный сын и патриот своего народа, одним из первых поднял гневный голос против невежества и отсталости. Смело ломая и рассеивая всякие предубеждения против великой русской культуры, беспощадно бичуя посетителей консервативных взглядов, отрицавших пользу этой великой культуры для казахского народа, Абай призывал свой народ к дружбе с русским народом, предлагал учиться у него науке, знаниям, искусству, просвещению, жизни. Сблизившись с представителями революционных кругов России, сосланными в Казахстан, Абай лично осуществлял свои высокие идеалы дружбы с русским народом и его передовыми представителями. Они учили его, знакомили с передовой русской культурой, развивали эстетические и художественные вкусы. Именно они были первыми настоящими его учителями.

В своих вдохновенных сочинениях — стихотворениях и поэмах, моралистических назиданиях и метких афоризмах — поэт и мыслитель с возмущением и негодованием писал о той мерзкой действительности, которая обрекала казахский народ на произвол и угнетение эксплуататорскими классами и царскими чиновниками. Так, в «Двадцать четвертом слове» моралистических назиданий Абай писал, что два миллиона казахского населения пребывают в жалком состоянии косности и дикости, далеко

отстали от цивилизованных народов, преуспевающих и в экономическом, и в культурном отношении. «Нет у нас ни городов, ни людей, видящих мир. Неужели же мы так и останемся ничтожнейшими среди народов мира?»¹

Абай считал, что отсталость и невежество несовместимы с высоким званием человека. Острой и бичующей критикой отсталости патриархально-феодалного общества Абай возвысился до понимания необходимости осуществления широких просветительских идей, развития казахского народа по пути экономического и культурного прогресса. Своими волнующими призывами Абай стремился разбудить родной народ от вековой спячки, разжечь в нем чувство национальной гордости и самосознания. Абай справедливо подметил, что необходимым условием экономического и культурного развития казахского общества является его приобщение к культуре великого русского народа.

Абай понимал, что только с помощью русского народа, стоящего на более высоком уровне развития, обладающего богатейшей культурой, казахский народ может двинуться и развиваться по пути общественного прогресса. Это глубокое убеждение побудило его к призывам любить русский народ и учиться у него.

В «Двадцать пятом слове» своих моралистических назиданий Абай говорил: «... Главное — научиться русской науке... Для того, чтобы избежать пороков и достичь добра, необходимо знать русский язык и русскую культуру.

Русские видят мир. Если ты будешь знать их язык, то на мир откроются и твои глаза»².

Особенно ценно в этих призывах Абая то, что он учил воспринимать не всякую культуру русских; не «культуру» царских колонизаторов и взяточников-чиновников, а передовую демократическую культуру, воспринимать лучшее, полезное и необходимое для совершенствования самого казахского народа.

«Узнавай у русских доброе, узнавай, как работать и добывать честным трудом средства к жизни, — учил Абай. — Если ты этого достигнешь, то научишь свой народ и защитишь его от угнетения»³.

Абай стоял за широкое распространение науки и культуры среди казахского народа. «Если хочешь, чтобы сын твой стал человеком, — говорил он, — учи его и сделаешь тем благо ему и своему народу»⁴.

Абай Кунанбаев едко высмеивал тех, кто смотрел на учение как на средство получить выгодные посты в колониальном аппарате. Это относилось, прежде всего, к представителям эксплуататорских групп — баев, биев, султанов и других, обучавшихся в русских школах, но смотревших на это как на путь для личных выгод и наживы.

«Для немногих только есть.

Салтыков и Лев Толстой.

И для них одна лишь честь —

Стать скорее толмачем.

Мысли мелкие у них:»⁵.

Выдающийся казахский мыслитель и просветитель Абай Кунанбаев обращен на почве идейного и духовного сближения казахского народа с великим русским народом. Как просветитель Абай имеет неоспоримые

¹ А. Кунанбаев. Собр. соч. в одном томе. М., 1954, стр. 362.

² Там же, стр. 363.

³ Там же, стр. 364.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

заслуги перед казахским народом. Однако следует отметить и слабые стороны в творчестве Абая.

Ограниченный условиями отсталого кочевого казахского общества, Абай не смог тогда подняться до уровня революционного демократизма и «...найти ту общественную силу, которая способна стать творцом нового общества»⁶.

Абай ошибочно считал, что избавление трудящихся от социального гнета возможно через просвещение, что стоит баям, биям и им подобным воспринять европейскую культуру и образование, как они перестанут выжимать пот и кровь бедных. Из этого видно, что в понимании общественных явлений Абай стоял на идеалистических позициях.

* * *

Общественно-политические взгляды Абая объективно отражали интересы трудящихся, эксплуатируемых масс. В многочисленных стихах и высказываниях он описывает невероятную нищету и беспросветную жизнь народных масс. Вместе с ними поэт переживает страдания и безысходную скорбь простых людей.

«У бая много пастухов и юрта хороша,
А бедный мерзнет сам в степи, скотину сторожа;
Он квасит кожи и дубит их в ледяном чану;
Жена, бедняга, ткет чекмень, от холода дрожа.
И для ребенка нет костра и в юрту натекло,
И улетучилось давно последнее тепло,
А старикам — совсем беда, ложись и помирай:
И пищи нет, и солища нет, и ветер воет зло»⁷.

Абай наивно верил в возможность увещевания баев; он полагал, что можно сделать их податливыми и сочувствующими бедным, увещевал быть добрыми:

«Печальна горестная жизнь голодных бедняков!
Владелец тысячных отар, верблюдов и быков,
Богатый бай, не будь скупцом, убийцею не будь,
Хоть эту зиму прокорми детей и стариков!»⁸

Являясь очевидцем жесточайшего угнетения трудящихся, сочувствуя им, Абай не видел подлинных путей избавления от этого гнета.

* * *

Абай Кунанбаев, как оригинальный поэт-мыслитель, как выдающийся просветитель своего времени, сумел подняться до уровня философского обобщения и истолкования простых и обыденных явлений природы.

Философские взгляды Абая в основном изложены в его сборнике моралистических назиданий — «Гаклия», написанных в форме беседы с читателем, а также в его афоризмах. Философские идеи Абая тесно связаны с его просветительскими идеями. Призыв к науке и общественному прогрессу, воспевание труда человека и его способности познать окружающий мир, бичевание средневековой отсталости и темноты — вот главное содержание его философских рассуждений.

⁶ В. И. Ленин. Соч., т. 19, стр. 7.

⁷ А. Кунанбаев. Лирика и поэмы. М., 1940, стр. 102.

⁸ Там же, стр. 103.

Будучи сторонником науки и прогресса, Абай в ряде случаев высказывал определенные материалистические суждения. Так, в «Сорок втором слове» своих назиданий Абай писал: «Видя глазами, слушая ушами, держа руками, пробуя на язык, нюхая носом, человек познает мир»⁹.

У Абая имеются известные тенденции диалектического рассмотрения явлений жизни. Абай писал: «Мир — океан, времена, как ветры, гонят волны поколений, сменяющих друг друга. Они исчезают, и океан кажется все тем же»¹⁰. «Мир не стоит на месте»¹¹ или «В мире нет ничего постоянного, значит и зло не вечно»¹².

Но, несмотря на это, Абай не сумел подняться до уровня осознанного философского материализма. Он не сумел последовательно и твердо решить основной вопрос философии материалистически. Бичуя фанатизм и религиозное ханжество, подвергая острой критике невежественных мулл, ишанов, проповедников ислама, Абай, однако, часто выступает в своих произведениях как приверженец религии. Не случайно, что часть наставлений в дидактических стихах он обосновывает догмами ислама.

Вместе с тем Абай как выдающийся просветитель решительно восставал против религиозных догм о якобы врожденных свойствах и способностях человека. Он говорил, что все люди имеют одинаковые способности и они проявятся, если для этого будут созданы необходимые условия и надлежащее воспитание. Абай пригвоздил к позорному столбу невежественных мулл, ишанов, которые проповедывали, что якобы бог одних наделяет способностями, а других не наделяет. Высмеивая мулл, разоблачая их нелепые домыслы, Абай стремился, таким образом, подготовить идеологические предпосылки для восприятия науки, культуры народными массами.

* * *

Многие произведения Абая представляют собой моралистические стихи и беседы. Важным достоинством идейного содержания творческого наследия великого казахского поэта-просветителя явилось то, что он решительно выступал против реакционных, патриархально-феодальных моральных норм и провозглашал новые моральные нормы, отражавшие интересы прогрессивных общественных сил казахского народа, стремившегося приобщиться к культуре русского народа, перенимать его быт, обычаи и нравы.

Произведения Абая, затрагивающие вопросы морали, почти всегда начинаются с критики морали патриархально-феодального общества. Один из первых стихов он посвятил анализу нравов людей современной ему эпохи, критикуя моральную опустошенность господствующих классов. Абай ужасается, что он находится в обществе, в котором презирается честный труд, благородное дело, и поощряются бесчестие, обман.

Острые своей критики Абай направляет прежде всего против казахских феодалов и баев, которые обогащаются за счет эксплуатации трудового народа, пуская в ход все средства насилия и обмана и прикидываясь покровителями бедных людей. Бай берет, говоря:

«В свое время с лихвой заплачу,
А в черный день я тебе даром заплачу»¹³.

⁹ А. Кунанбаев. Собр. соч., стр. 398.

¹⁰ А. Кунанбаев. Избранное. М., 1945, стр. 312.

¹¹ Там же, стр. 281.

¹² Там же, стр. 312.

¹³ А. Кунанбаев. Полн. собр. соч., т. 1, стр. 17 (на казах. яз.).

Абай показывает низкий моральный облик представителей административной власти, использующих свое положение только в своекорыстных, эгоистических интересах. Как баи и феодалы, они стремятся только к обогащению за счет бесправных людей.

«Волостные и судья берут, опираясь на силы
И обещая: „Помогу отомстить твоим врагам“»¹⁴.

Абай видел, как казахские феодалы в борьбе друг с другом морально развращали людей подкупам и подачками. Особенно ярко это проявлялось во время «выборов» волостных и уездных управителей, когда каждая группа феодалов старалась провести своих людей путем подкупа избирателей.

С величайшим отвращением смотрит Абай на то, что в современном ему обществе частная собственность на средства производства, эгоизм, алчность к богатству порождают такие морально уродливые явления, когда «сын продает отца, брат — старшего брата»¹⁵, чем оскверняются самые святые и благородные человеческие чувства, а люди лишаются всякой совести и чести.

Из этого видно, что Абай, наблюдая жизненные явления, правильно подметил, что в антагонистическом классовом обществе господствует принцип, по которому человек человеку — волк.

В этом обществе повсеместно господствует взаимная вражда и ненависть. В этом мире, говорит Абай, «...человек рождается плача, умирает сердясь. Не видя счастья жизни, преследуя друг друга, хвастаясь друг перед другом, теряем мы бедную жизнь, не видя ее, унижаем непристойными поступками, пренебрегаем ею, как песком, как гнилой веревкой, а когда она подходит к концу, то плачем и не можем купить и одного дня жизни за все свое состояние»¹⁶.

Абай возмущался тем, что в патриархально-феодальном обществе люди умные, честные, добрые не в почете, а в почете только те, кто имеет богатство, кто собрал богатство грязными, бесчестными способами. В стихе «Осел»¹⁷ Абай показывает в форме сатирической сказки мораль общества.

По сюжету стиха, в купеческом караване, возвращающемся с торговли, идет осел, нагруженный золотом. Все люди почитают и уважают этого осла. Один целует его в уши, другой его гладит. Но осел, взбешенный чрезмерным уходом, кусает людей, бьет их ногами, не подпускает их близко к себе. Однако люди терпят эти поступки осла, продолжают его уважать и почитать, пока на нем было золото. Но как только сняли с него золото, говорит Абай, люди не только перестали его уважать и почитать, но стали на нем возить навоз. В конце Абай говорит ослу:

«Смотри на себя, ты же длинноухий осел! Люди почитали не тебя, а нагруженное на тебе золото».

Здесь Абай выразил мысль о том, что в обществе, где господствуют имущие классы, богатство является единственным мерилем достоинства людей. Самый ничтожный человек может быть в высоком почете, если он обладает богатством.

Если в патриархально-феодальном Казахстане, как и во всяком классовом обществе, самыми почетными людьми считались только богатые и силу этого богатства люди старались показать своей роскошной жизнью, расточительством, то для Абая самым почетным человеком считается просвещенный человек. Именно просвещенный человек, по мнению Абая,

¹⁴ А. Кунанбаев. Полн. собр. соч., т. 1, стр. 17.

¹⁵ А. Кунанбаев. Собр. соч., стр. 327.

¹⁶ Там же.

¹⁷ А. Кунанбаев. Полн. собр. соч., т. 2, стр. 84—85.

должен воплотить в себе высокие моральные качества. В «Восемнадцатом слове» назиданий Абай писал, что люди выделяются не внешним украшением, хорошей одеждой, блеском, к которым прибегали представители имущих классов, подчеркивая свое превосходство над другими. Абай утверждал, что хорошая одежда, чистота, опрятность — не порок, а, наоборот, они нужны всякому культурному человеку. Но неверно, когда полагают, что щегольство должно заслуживать похвалы. Наоборот, его следует отнести к порочным поступкам.

«Щеголи считают, — писал Абай, — что одежда должна прокормить человека. Они благодаря одежде и хорошим лошадям хотят прослыть жигитами, хотят пользоваться почетом у старших, хотят быть предметом зависти для равных; они хотят, чтобы стоящие ниже говорили про них: „Что может еще пожелать человек, так хорошо одетый и имеющий такую прекрасную лошадь?“. Все это глупо и позорно»¹⁸.

Достоинство людей определяется, по утверждению Абая, не внешним блеском, не щегольством, а их внутренним содержанием, именно: просвещенностью и высокими моральными качествами. Абай писал: «Только разум, наука, воля, совесть возвышает человека. Думать, что можно иначе возвыситься, может только глупец»¹⁹.

Безделье считалось Абаем самым низким качеством людей. Он поэтому критикует молодых людей, без дела болтающихся в казахских аулах и бесполезно проводящих время. Лиц без определенных занятий и не желающих трудиться ненавидел Абай как людей, лишенных человеческого достоинства. Абай требовал, чтобы люди либо учились и получали образование, либо работали и добывали себе добро честным трудом. Он осуждал поведение жигитов.

«Не желая обогатить мысли,
Или не хотели добыть добра своим трудом,
Недостойны движения жигиты,
Проводящие время в безделье»²⁰.

Абай говорит, что человек — это высокое звание. Жить на свете — значит иметь великое достоинство. Жить людям на свете, это не значит, по Абаю, лишь проводить время и существовать. Человек имеет призвание. Он должен развивать свой ум, добывать добро своим трудом, быть честным. Если человек не изучает науки или не трудится, то он издевается над самим собой как над человеком. В стихе (1886 г.), начинающемся словами «Не хвались, не зная науки», Абай рассматривает вопросы морали. Он осуждает такие пороки людей, как «сплетня, обман, коварство, леность, расточительство»²¹. Их Абай считает пятью врагами человечества и учит своих современников всячески избегать их. Леность, в понимании Абая, — то величайшее зло, которое портит нравы людей и служит источником всяких отрицательных моральных явлений.

«Каждый лентяй — трус и бессильный, — говорит Абай. — Бессильные же бывают трусами и хвастливыми. Хвастливые и трусливые бывают глупыми и невежественными. Из лентяев выходят бессовестные, бесстыдные попрошайки. Они бывают обжорами, неукротимыми, неумелыми, человеконенавистниками»²².

Усмотрение Абаем в лености источника самых порочных поступков в обществе имеет чрезвычайно важное значение для понимания его взгля-

¹⁸ А. Кунанбаев. Собр. соч..., стр. 353.

¹⁹ Там же.

²⁰ А. Кунанбаев. Полн. собр. соч., т. 1, стр. 14.

²¹ Там же, стр. 35.

²² Там же, т. 2, стр. 155.

дов на труд. Паразитический образ жизни эксплуататорских классов является олицетворением всякой лености, презрения и отвращения ко всякому труду. Обличение Абаем лености вообще представляет собой косвенное обличение лености эксплуататорских классов.

В том же стихе Абай возвеличивает такие качества людей, как «упорство, труд, глубокое размышление, умеренность, доброту». Их Абай рассматривает как пять высоких моральных качеств людей, которые нужно всячески поддерживать и развивать.

Эти новые моральные нормы, провозглашенные Абаем, выражают стремления прогрессивной части казахских трудящихся масс, не свойственные господствующей морали казахских феодалов.

Идеи возвеличения труда у Абая всегда выражаются вместе с идеями просвещения трудящихся масс. Разумный, образованный, просвещенный человек — это, по Абаю, человек-труженик. Просвещенность и любовь к труду составляют возвышенный идеал в морали Абая Кунанбаева. Поэт-просветитель писал:

«Разным людям не верь, что тебя вознесут,
Ведь они же коварно тебя предадут.
Верь себе! И опора и счастье твое —
Это лишь перазлучные разум и труд»²³.

Считая органическое сочетание в человеке просвещенности и трудолюбия высоким моральным долгом и честью людей, Абай писал, что каждый должен найти свое место в обществе и в зависимости от своих способностей приносить пользу народу, совершать благородные поступки.

«Не рисуйся чем угодно,
Если ты талантлив — гордись.
Считай себя кирпичом мироздания,
Найди в нем место и становись.
Воля с разумом находят путь
И в догоне и в побеге.
Выбрай себе путь
В справедливости»²⁴.

Абай считал умными тех людей, которые ставят перед собой высокие цели и упорно трудятся над тем, чтобы добиться осуществления этих целей. Они не увлекаются второстепенными делами, не растрачивают своей энергии на что попало, а упорно и настойчиво работают ради выполнения поставленной задачи. В этом они получают удовольствие и находят свое счастье. В этом и проявляется их человечность.

«Умный человек — человек, — пишет Абай. — Конечно, и он увлекается, но, увлекшись, он тратит все на достижение цели, и само время поисков останется для него в памяти лучшим временем жизни.

Такой человек, найдя достойный предмет страсти, ищет с жадностью, и, когда, вспоминая, рассказывает, то понимает, что он получил высокое наслаждение, и не жалеет, что жизнь его прошла»²⁵.

Говоря об умном человеке, который, выбрав себе путь жизни, находит удовольствие в упорном труде для достижения цели, Абай, очевидно, исходит из своего личного опыта. Именно он, посвятив свою прекрасную жизнь великому, благородному делу просвещения родного народа и не жалея сил и труда ради этой высокой цели, находит в этом удовольствие.

²³ А. Кунанбаев. Собр. соч..., стр. 227.

²⁴ А. Кунанбаев. Полн. собр. соч., т. 1, стр. 182.

²⁵ А. Кунанбаев. Собр. соч..., стр. 348.

Ведь Абай самым прекрасным моментом своей жизни считал время, проведенное в беседе с молодежью по вопросам науки, искусства и морали.

Абай критиковал своих современников за то, что они не искали себе достойного места в обществе, не ставили определенные цели и задачи в жизни, а, увлекаясь всякими делами, проводили время впустую, бесцельно. Людей, бесцельно проводящих жизнь, Абай называет глупыми. «... Глупый человек похож на всадника, который, сбросив с коня седло со стремями, потеряв шапку, закрыв зад лошади полами своего кафтана, задрал нос к небу, скачет, как одурманенный»²⁶.

Разумные люди, как утверждает Абай, от успехов не впадают в опьянение. Они не успокаиваются на достигнутом, не прекращают упорного труда, а с еще большей силой продолжают работу с тем, чтобы добиться новых и новых успехов.

Поэт-мыслитель советует молодежи, ставящей перед собой благородные цели, не зазнаваться, не почивать на лаврах при достижении успехов. Надо критически относиться к самому себе, к результатам своего труда и подумать над тем, нельзя ли работать еще лучше. «Если ты сам хочешь быть в ряду разумных, — писал Абай, обращаясь к читателям, — то раз в день, или раз в неделю, или хоть раз в месяц давай сам себе отчет, как ты за это время вел себя в жизни, совершил ли ты поступки, соответствующие благу и разуму. Не совершил ли ты того, в чем следует раскаиваться? Думай о том, как ты провел свою жизнь и заметил ли ты, запомнил ли ты, как провел ее»²⁷.

Эти правоучения Абая Кунанбаева были прогрессивными для того времени, когда в Казахстане господствовали темнота и невежество. Они актуальны и не теряют своего значения в наше время. В ряде вопросов этики Абай проявлял оригинальность и далеко опередил свою эпоху.

Этические взгляды Абая органически связаны с его демократическими убеждениями, с готовностью трудиться на благо народных масс. Он решительно осуждал эгоизм, корыстолюбие эксплуататорских классов, их готовность пойти на любые низкие поступки.

Абай считает, что люди не должны враждовать между собой, не должны видеть друг в друге врагов и стараться вредить друг другу. Он призывает своих современников к тому, чтобы они уважали друг друга, всячески взаимно оказывали помощь, считали друг друга братьями.

Абай в своих произведениях страстно пропагандировал идею любви человека к человеку. Каждый человек, любя и уважая себя, должен любить и уважать других, видеть в других такого же человека, как себя. Поэтому он не должен совершать поступки, приносящие ущерб другим людям. «Будучи очевидцем порочных поступков, — учил поэт-просветитель, — ты держи себя подальше от пороков. Это придает человеку красоту. Во-вторых, тот, который стремится подчеркивать свое превосходство перед другим, нарушает эту человеческую красоту. В-третьих, ненависть, оскорбление, унижение других порождают врагов»²⁸.

Абай считает необходимым всячески избегать этих трех пороков, жить в дружбе, видеть во всех людях близких родных, братьев, оказывая во всем им помощь и поддержку.

Нужно отметить, что мораль, которая призывает людей к взаимной любви и дружбе, не нова. Известно, что эту мораль всегда провозглашали идеологи эксплуататорских классов в целях затушевания классовых противоречий, примирения эксплуатируемых с эксплуататорами.

²⁶ А. Кунанбаев. Собр. соч..., стр. 349.

²⁷ Там же.

²⁸ Там же, стр. 215.

У Абая призыв людей к взаимной любви и дружбе пронизан идеями гуманизма, человечности, доброты. Абай глубоко переживает бедственное положение своего народа. Он сознает необходимость оказать ему помощь. Мораль Абая, призывающая к любви к людям, носит демократический и гуманистический характер.

Однако необходимо отметить, что стремление Абая к установлению всеобщей взаимной любви людей в условиях эксплуататорского общественного строя, в условиях господства одного класса над другим было нереально, утопично; действительная любовь к человеку; товарищеское сотрудничество и взаимопомощь между людьми возможны только в социалистическом обществе.

Вопросы любви и брака занимают важное место в произведениях Абая Кунанбаева. К решению этого вопроса Абай подходит с позиций демократизма и гуманизма. В своих стихах он выступал против бесправия женщины и унижения, и оскорбления их человеческого достоинства казахскими феодалами.

В стихе 1896 г., который начинается словами: «Красотка-девушка у хана жила», Абай разоблачает моральное падение казахских феодалов в вопросах брака. Он осуждает покупку девушек за калым (выкуп), считая это давно отжившим свой век предрассудком.

«Когда бай стареет, он пускает в ход богатство,

Разве ты, окаянный, от богатства становишь молодым?

Друг у друга вы покупаете девушек за калым,

Какие вы презренные, желающие возврата к старым временам!»²⁹

Абай решительно выступал против того, чтобы казахские феодалы, пользуясь силой богатства, покупали в жены молодых девушек. Женитьба старых людей на молодых ничем не оправдывается, она заслуживает, по Абая, резкого осуждения. Он говорил о невозможности действительной брачной любви между глубоким стариком и молодой девушкой.

Осуждение Абая продажи девушек за калым, осуждение неравного брака, выступление против брака по расчету, его советы молодым людям вступать в брак только по взаимной любви имели прогрессивное значение не только в условиях патриархально-феодалового общества. Они не утратили свою актуальность и сейчас в борьбе с пережитками прошлого в сознании людей.

* * *

Глубокие мысли высказывал Абай и по эстетическим вопросам. Однако он специально не занимался исследованием эстетических вопросов и поэтому у него нет произведений, посвященных эстетике. В силу этого мы не находим в его произведениях системы эстетической теории.

Но Абай был выдающимся казахским просветителем, использовавшим стихи как орудие пропаганды в народе своих просветительских идей. Вопросам поэзии Абай придавал первостепенное значение. Поэтому в ряде своих произведений он сделал попытку показать сущность, роль и значение поэзии в общественной жизни.

Изучение этих произведений показывает, что Абай материалистически понимал сущность искусства. Он не считал поэзию вымыслом отдельных людей, не рассматривал ее как результат их фантазии, не имеющей якобы никакой почвы в реальной действительности. Песенное творчество, как указывал поэт-просветитель, имеет своим источником жизнь людей, их

²⁹ А. Кунанбаев. Полн. собр. соч., т. 2, стр. 10.

переживания, их горе и радость, вызванные воздействием происходящих событий в окружающей действительности. В стихе, сочиненном Абаем в 1888 г., говорится, что вся жизнь человека с момента рождения до его смерти сопровождается песней.

«Двери в мир открыла песня для тебя.
Песня провожает в землю прах, скорбя.
Песня — вечный спутник радостей земли.
Так внимай ей чутко и цени, любя!»³⁰

В том же стихе поэт-мыслитель утверждает, что:

«Если умер близкий — скорбен человек,
Сердце злой утратой ранено навек,
Почему ж он в песню облакает боль,
Жемчуг слез роняя с увлажненных век?»³¹

Здесь Абай высказывает мысль, подчеркивающую, что песня выражает душевные переживания людей, порождаемые впечатлениями о жизненных явлениях. Хотя в произведениях Абая мы не находим четкого определения, что и искусство есть отражение жизни, но смысл его рассуждений сводится к этому, так как, по его мнению, песни рождаются жизнью общества, рождаются тогда, когда люди охвачены печалью или радостью, вдохновлены или огорчены.

Подобно тому, как великий русский революционный демократ и литературный критик В. Г. Белинский утверждал, что сама жизнь является поэзией, так и смысл вышеприведенного утверждения великого казахского поэта-просветителя Абая состоит в том, что всей человеческой жизни сопутствует песня. Это свидетельствует о том, что понимание Абаем сущности поэзии по своему содержанию близко к взглядам В. Г. Белинского на литературу, являющуюся составной частью искусства.

Поскольку Абай видел в поэзии наиболее удобное средство пропаганды прогрессивных идей в аулах, особое внимание он обратил на высокую художественность поэзии. Ибо от ее художественной красоты в значительной мере зависел успех распространения идей о необходимости просвещения.

Поэзию Абай считал особой формой выражения мысли — формой, требующей серьезного умения и мастерства, глубокого творческого дарования. Многие из людей имеют вкус к песнетворчеству, говорит Абай, но из них лишь немногие оказываются достойными звания подлинного поэта.

«Поэзия — властитель языка,
Из камня чудо высекает гений.
Теплеет сердце, если речь легка,
И слух ласкает красота речений»³².

Он говорил, что стихи должны быть построены так, чтобы каждое слово было на своем месте, ни одно слово не должно быть лишним. «Если в песне окажутся излишние слова, то это показывает безграмотность, бессилие поэта»³³. Песенные строки должны быть так согласованы, созвучны, гладки, чтобы доставляли слушателям эстетическое наслаждение.

Придавая важное значение форме стихов, Абай с особой силой подчеркивал важность их идейного содержания. Он говорил, что есть много

³⁰ А. Кунанбаев. Собр. соч..., стр. 88.

³¹ Там же.

³² Там же, стр. 83.

³³ А. Кунанбаев. Полн. собр. соч., т. 1, стр. 55.

людей, умеющих сочинять стихи. Но из них только отдельные поэты способны создать произведения, в которых художественная красота гармонирует с идейным содержанием.

Поэт-мыслитель писал, что поэты должны стремиться к тому, чтобы добиться единства формы и содержания художественных произведений. Но Абай Кунанбаев, выступая за высокую художественность поэзии и глубокое ее идейное содержание, все же первенствующее значение придавал идейному замыслу художественных произведений. «Мало казахов, сочиняющих стихи, с золотым нутром и серебряной оправой»³⁴, — замечает Абай. Что имеет в виду он под «золотым нутром и серебряной оправой»? Совершенно очевидно, что тут имеется в виду содержание и художественная форма поэзии. Иметь золотое нутро и серебряную оправу — это значит, что стихи должны заключать в себе, выражаясь словами поэта-просветителя, «правильное содержание» и вместе с тем приносить людям ощущение удовлетворения, иначе говоря, стихи должны приносить нам эстетическое наслаждение.

Утверждение Абая, что содержание поэзии должно быть равноценным золоту, а ее форма — серебру, свидетельствует об его стремлении ставить содержание поэтического творчества выше формы, т. е. о стремлении подчинить форму содержанию, чтобы последняя гармонизировала с содержанием и служила бы ему. Абай ставил своей целью коренным образом изменить в обществе взгляды на искусство, в частности, на поэзию, поднять роль и значение искусства в общественной жизни.

Взгляды Абая на искусство, в частности на поэзию, приближаются к эстетическим взглядам великих русских революционных демократов и литературных критиков — Белинского, Чернышевского и Добролюбова. Известно, что русские революционные демократы рассматривали искусство как действенное средство просвещения трудящихся масс, распространения в народе прогрессивных и демократических идей, средство мобилизации масс на революционную борьбу против царского самодержавия.

Абай в своих политических убеждениях не дошел до сознания необходимости революционного уничтожения существующих общественных порядков, оставаясь просветителем-демократом, он не смог, как отмечено выше, подняться до уровня революционного демократизма. Абай был страстным поборником приобщения казахского народа к культуре русского народа путем просвещения трудящихся масс. Именно поэтому Абай при тогдашних общественных условиях относился к поэзии как к главному средству пропаганды в народе прогрессивных и просветительских идей и поднял общественную значимость поэзии.

Не случайно, что Абай, подобно Белинскому, критиковал тех поэтов, которые прищипывали значение поэзии, использовали свои поэтические способности не в интересах общества, не в целях борьбы ради великих и благородных дел. Абай презирал казахских акынов, сочинявших песни для восхваления баев и получения подарков и смотревших на поэзию как на источник наживы, как на средство личного обогащения. Он говорил об акынах, слагавших песни, чтобы получить баранов:

«В толпе с кобызом пели и с домброй,
Хвалили всех, скитаясь по дорогам,
Бродили попрошайками порой
Позоря песню, проклятые богом»³⁵.

³⁴ А. Кунанбаев. Полн. собр. соч., т. 1, стр. 56.

³⁵ А. Кунанбаев. Собр. соч..., стр. 84.

Абай писал, что акыны, поющие песни ради наживы, позорили и оскверняли поэзию и вместе с тем губили свой талант, что приводило к потере значимости поэзии среди казахов. В связи с этим Абай писал:

«Бродяга за подачку расточал
Душевный жар свой, теща встречных лестью,
.....
.....»

Он шел туда, где бай и где хвастун,
Он подавным не менял дела.
И дешевели звуки звонких струн,
И жажда песни в людях все скудела»³⁶.

В своих произведениях, посвященных выяснению роли и значения поэзии, Абай критиковал таких реакционных акынов, как Шортанбай, Дулат и другие, которые восхваляли патриархально-феодальные порядки, выступали против присоединения Казахстана к России, против изучения русского языка и овладения русской культурой, против дружественных отношений между казахским и русским народами. Они призывали возвратиться к периоду старого ханства, ратуя за монопольную привилегию казахских феодалов на эксплуатацию трудящихся масс казахского народа. Абай критиковал также акына Бухара-жыру, придворного поэта, воспевавшего реакционного казахского хана Аблая, проводившего враждебную в отношении России политику. Абай говорил об этих реакционных поэтах:

«Шортанбай, Бухар-жыру и Дулат...
Песни их — облопки из сплошных заплат.
О, когда б нашелся хоть один знаток,—
Вмиг изъязы б эти обнаружил взгляд!»³⁷

Говоря об изъянах и пятнах, Абай имеет в виду художественную форму и идейное содержание произведений этих реакционных поэтов. Абай противопоставляет свое творчество сочинительству этих поэтов потому, что его творчество имеет своей целью просветить народ, в то время как эти поэты воспевали отсталость, мракобесие, невежество.

Абай говорил о своей поэзии как о новой поэзии, имеющей новое содержание. Он не ставит своей целью сочинять хвалебные стихи богатым людям и получать от них за это вознаграждение. Поэзия должна служить средством распространения среди трудящегося населения просвещения, направлять народ на благоразумные поступки.

«Мастерство и правда — в этом цель певца,
Чтоб раскрыть не только очи, но сердца,
Дать примеры юным, просветить невежд.
Даже пет и в мыслях забавлять глупца!»³⁸

По мнению поэта-просветителя, основным пороком старых акынов является то, что они сами были невежественны, не понимали, что полезно и что вредно, они воспевали и прославляли не то, что нужно.

Пороки этих акынов Абай видел не в том, что они были выразителями интересов господствующих классов и потому прославляли их представителей, а в том, что они не имели образования, были темными и невежес-

³⁶ А. Кунанбаев. Собр. соч..., стр. 84.

³⁷ Там же, стр. 89.

³⁸ Там же, стр. 91.

ственными. Это, конечно, было заблуждением Абая, которое было обусловлено его непониманием классовых истоков идейного содержания стихов акынов, за подарки прославлявших богатея.

Абай призывал поэтов к тому, чтобы они слагали песни для народа, пробуждали бы в нем сознание необходимости культурного и экономического развития.

Таким образом, он видит в поэзии могучее средство распространения в народе передовых, прогрессивных идей. Но он жалуется на то, что очень мало людей, которые способны усвоить смысл поэзии. Слушатели невежественны, неграмотны, не знают выгоды науки и просвещения, не понимают, что без изучения науки, без приобретения знаний они останутся навсегда отсталыми, забытыми.

Абай писал, что интерес людей к поэзии, желание слушать стихи, зависит от песни и стихов, зависит от того, насколько они выражают глубокие чувства и переживания людей, насколько они волнуют слушателей и читателей.

«В песнях есть и умные, и безумные,
Есть песни режущие слух.
Есть мелодии, что, как слово мудреца,
Поднимающие настроение слушателя»³⁹.

Великий поэт-просветитель учит поэтов создавать такие произведения, которые привлекали бы к себе читателей, возбуждали думы и мысли, вдохновляли на благородные дела. Абай считает, что на людей могут активно воздействовать, пробуждать и волновать только песни с глубоким содержанием и смыслом, выраженным с большой художественной силой. В связи с этим Абай писал:

«Спящее сердце пробуждает песня,
Пробуждает ее напряженной красотой смысл.
Тревожа то желание, то чаяние, то мечту
Они, как ребенок, приводит в волнение душу»⁴⁰.

Призывая поэтов создавать высокохудожественные и глубоко содержательные произведения, Абай советовал слушателям и читателям обращать внимание не на внешнюю красоту песен и стихов, не на их созвучие и складность, а на смысл и идейное содержание. Он осуждал несерьезное, поверхностное и легкомысленное отношение к поэзии со стороны публики, он требовал, чтобы народ вникал в существо стихов и делал из них практические выводы.

Замечательные произведения Абая Кунанбаева, его эстетические взгляды не утратили своего значения и в наше время. Они помогают нашим поэтам создавать глубоко идейные и высокохудожественные произведения, достойные нашей эпохи.

* * *

Абай впадал иногда и в уныние, когда видел, что народ равнодушен к его призывам, но он все же никогда не терял веры в свой народ, надежды на то, что народ со временем поймет его.

Казахский народ, возрожденный и пробужденный к жизни Великой Октябрьской социалистической революцией, построил новую жизнь, социалистическое общество; расцвела экономика и культура Казахстана

³⁹ А. Кунанбаев. Полн. собр. соч., т. 2, стр. 13.

⁴⁰ Там же.

Народ воздал должное своему выдающемуся просветителю Абаю Кунанбаеву. Все лучшие мечты, все его стремления видеть родной народ трудящимся во имя собственного счастья, а не счастья кучки богачей, создавшим высокую национальную культуру и просвещение, сбылись в наши дни. Казахстан ныне передовая индустриально-колхозная республика, имеющая мощную новейшую технику. В Казахской республике сотни и тысячи театров, клубов, кино, библиотек и других культурно-просветительных учреждений. Казахстан — страна сплошной грамотности населения. В Казахстане имеются тысячи школ, 28 вузов, Академия наук и т. д.

С глубокой любовью и благодарностью относится казахский народ к великому русскому народу, который в тяжелые годы царского гнета способствовал выдвижению из среды народа выдающихся просветителей — Чокана Валиханова, Ибрая Алтынсарина и Абая Кунанбаева. После Великой Октябрьской социалистической революции русский народ помог казахскому народу осуществить переход от феодализма к социализму, минуя мучительную стадию капиталистического развития, и ныне помогает культурному росту каждого гражданина нашей республики, строящего коммунизм в братской семье народов Советского Союза.

К ВОПРОСУ О СЕМАНТИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОГО МЕТОДА (ИЗОСЕМАНТИЧЕСКИЕ РЯДЫ С. С. МАЙЗЕЛЯ)

В. П. СТАРИНИН

Настоящая статья представляет собой изложение основной идеи XVII главы последней незаконченной работы С. С. Майзеля «Пути развития основного словарного фонда арабского и других семитических языков», которую он готовил в качестве докторской диссертации. Эта работа, доказывающая важность метатезы и аллотезы¹ для развития семитского словаря и дающая на этой основе много достоверных этимологий, является ценным вкладом в семитологию.

Однако этим значение монографии не исчерпывается. С. С. Майзель осознал необходимость тесной увязки фонетической стороны этимологических исследований с семасиологической их стороной, предложил способ изосемантических рядов, основанный на этом принципе и, что особенно важно, проверил свой способ на огромном материале. Все это делает его работу не менее ценной и для общего языкознания.

Способу изосемантических рядов посвящена XVII глава его работы, названная «Семасиологический способ проверки аллотезы и метатезы» («Изосемантические ряды»). Эта глава объемом в 36 машинописных страниц была написана в феврале или марте 1952 г.

Как будет видно из дальнейшего, название XVII главы сформулировано не точно: способ изосемантических рядов — не только средство проверки аллотезы и метатезы, но и вообще ведущий прием всякой этимологической работы. Отражая диалектическое единство слова, т. е. его значение и его фонеморфологический состав, изосемантические ряды являются исходным пунктом этимологических исследований и служат материалом как для семасиологических, так и для историко-фонетических выводов. Таким образом, способ изосемантических рядов подразумевает неразрывную связь и равноправие фонетических и семасиологических исследований, проверяющих и контролирующих друг друга.

¹ Под метатезой С. С. Майзель подразумевает такую перестановку трех согласных семитского корня, которая дифференцирует его значение, под аллотезой — такое же смыслообразующее чередование одного, двух, или всех согласных корня. В предыдущих главах он доказал большое значение этих двух факторов в создании корня слова семитских языков. Отдельные примеры такого рода доказательств будут приведены; чтобы полностью уяснить себе значение этих явлений в развитии семитского корнеслова, необходимо ознакомиться по крайней мере с главными частями работы С. С. Майзеля.

XVII глава монографии — итог исследования, проведенного в предыдущих главах. Автор настоящей статьи стремился изложить предмет таким образом, чтобы он был понятен и читателю, незнакомому с предыдущими главами труда. Сам С. С. Майзель строит эту главу на ином материале, чем остальную часть своего труда, привлекая индоевропейские языки и имея в виду приложение предлагаемой им методики исследования к самым различным языкам. Так как ценность каждого приема исследования определяется количеством достоверных сведений, которые могут быть получены при его помощи, то и мы старались подойти к методике, предложенной С. С. Майзелем, действительно, проверяя ее на другом материале.

Другое предварительное замечание. В настоящую статью не включены некоторые положения главы XVII, не относящиеся непосредственно к теме или явно ошибочные, проникнутые в известной мере марристскими идеями, от которых С. С. Майзель не успел освободиться полностью. При издании труда С. С. Майзеля такие положения следовало бы воспроизвести целиком, подвергнув обстоятельной критике их ошибочные моменты.

В начале главы С. С. Майзель говорит о необходимости найти твердый критерий при разборе развития значений слов, «чтобы предохранить исследователя от эмиграции в область чистой фантазии», и ставит вопрос: «Можно ли надежно корректировать одну ассоциацию значений при помощи другой, а если можно, то как?» (стр. 1). Вся глава и является ответом на этот вопрос. Далее С. С. Майзель характеризует семасиологическую природу основного словарного фонда и отмечает ряд тенденций развития семантических связей. Затем он дает определение изосемантических рядов и основанного на них способа проверки аллотезы и метатезы в семитских языках. В этой статье приводятся только самые общедоступные и убедительные примеры этого рода. Наконец, С. С. Майзель указывает на значение предложенного им способа проверки этимологий и дает ряд примеров из различных языков. В данной статье приведены те примеры Майзеля, которые мы сумели дополнить и проверить по этимологическим словарям.

Переходим к изложению вопроса. Прежде всего С. С. Майзель констатирует огромное влияние географической и социальной среды на состав основного словарного фонда и его лексико-семантическую структуру. Поскольку это положение не требует особых доказательств, ограничимся лишь напоминанием некоторых общеизвестных фактов.

Кочевники-арабы называют свой основной продукт питания — мясо (*лахм*) — тем же словом, которым их ранее осевшие родичи — древние евреи — называют хлеб (*лехем*). Вспомним, что если русские называют на севере житом рожь, а на юге ячмень, то болгары называют этим словом пшеницу. Ряд примеров подобного рода читатель найдет ниже (ср. №№ 2 и 6, 55—57).

В связи с этим уместно привести следующее интересное высказывание акад. В. В. Виноградова: «Обозначая явление, предмет, слово вместе с тем передает его связи и отношения в динамическом целом, в исторической действительности. Оно отражает понимание «кусочка действительности» и его отношений к другим элементам той же действительности, как они осознавались или осознаются обществом, народом в известную эпоху и при этом с широкой возможностью позднейших переосмыслений первоначальных значений и оттенков. Так, глагол *насолить*, кроме прямого конкретного значения «заготовить соленьем, положить много соли во что-нибудь», еще имеет в современном языке переносное значение «повредить, причинить неприятность». Вероятнее всего, это переносное

значение глагола *насолить* возникло на основе некогда существовавших представлений о колдовстве. По суеверным представлениям прошлого, болезнь и порчу могло вызывать разбрасывание с наговором различных предметов. Лица, переходящие через заколдованные предметы или прикасавшиеся к ним, подвергались «порче»; с целью нанести вред и употребилась часто «наговорная соль»².

Из наблюдений подобного рода С. С. Майзель делает спорные выводы, облакая их в романтическую фразеологию в духе Н. Я. Марра. Разбор этих положений С. С. Майзеля в данной статье не уместен, так как он отвлек бы нас от основной темы. Такому разбору следовало бы уделить отдельную статью — может быть даже не одну, поскольку за марристскими формулировками и свойственными С. С. Майзелю преувеличениями часто скрыты ценные мысли и тонкие наблюдения.

Далее, С. С. Майзель замечает, что слова основного словарного фонда, отражающие географическую и социальную среду, нравы и обычаи данного народа, дают массу производных слов, тогда как для заимствованных слов, отражающих чуждую среду и попадающих в словарный состав позже, это не характерно. (Разумеется, это не касается слов, которые, отвечая насущным потребностям данного общества, стали неотъемлемой частью основного словарного фонда данного языка. Например, слова *свекла*, *чай*, *слесарь* и т. д.) В самом деле, если в русском языке слово *стрела* дает такие производные, как *стрелять*, *застрелить*, *выстрелить*, *стрельба*, *стрелок*, *стрелковый*, *стрельбище*, *застрельщик* и т. д., то где производные от слова *бумеранг*? Очень ценна мысль С. С. Майзеля о том, что специфика основного словарного фонда заключается не столько в его составе, сколько в *форме связи значений его слов*. В основном словарном фонде «запечатлены одинаковые переходы значений от архетипов к дериватам, преобладают однотипные формы лексико-семантических перевоплощений, наблюдаются идентичные направления в иррадиации значений от одного и того же пражначения». Лексико-семантические связи в рамках основного словарного фонда одного языка или ряда родственных языков показывают, что от одинаковых конкретных значений образовывались одинаковые абстрактные. «Объясняется это общим историческим прошлым данного этнического коллектива, спецификой его социального быта и географической среды, в лоне которых вынашивался основной словарный фонд. С развитием языка влияние географической и социальной среды на основной словарный фонд становилось постепенно все более косвенным, все более опосредствованным, все большую и большую роль приобретало прошлое накопление самого этого фонда, который по мере удаления вглубь веков был гораздо беднее словами, выражавшими абстрактные понятия».

С. С. Майзель останавливается на специфике взаимоотношения родовых и видовых понятий в основных словарных фондах языков, складывавшихся в различной географической среде. Позволим себе заменить его примеры своими, так как примеры С. С. Майзеля, хотя и очень интересные, взяты в переводе и без указания источника.

В романских языках родовое понятие «плод» ассоциируется с видовым — «яблоко». Достаточно иллюстрировать это следующими примерами³:

² В. В. Виноградов. Основные типы лексических значений слова. «Вопросы языкознания», 1953, № 5, стр. 3.

³ См. «Италийско-русский словарь». Сост. С. В. Герье и др. под ред. М. В. Сергеевского. М., 1947, стр. 467.

- potario* — 'плодовый сад';
pomicultura — 'плодоводство';
potidoro — 'помидор, томат';
potifero — 'плодоносный, яблонный';
pomo — 'яблоко'; ~ *granato* — 'гранат';
~ *arancia* — 'помаранец'; ~ *proibito* — 'запретный плод';
potologia — 'помология' (учение о плодовых деревьях);
pomoso — 'обильный плодами, покрытый яблоками'.

Приведенные итальянские примеры не выходят, по большей части, за пределы области садоводства. Гораздо более абстрактные понятия дают слова арабского корня *н-т-дж*⁴ (три согласных), первоначально связанного с понятиями из области скотоводства, в частности с разведением верблюдов:

- natadja* — (про верблюдицу) 'ожеребиться'; (про человека) 'принять у верблюдицы детеныша'; (про вывод, заключение) 'следовать, вытекать';
natidja — 'детеныш'; 'заключение, вывод, результат';
antadja — 'производить, давать продукцию';
intadja (имя действия от предыдущего глагола) — 'производство'.

Впоследствии на базе этого слова возникла большая группа экономических терминов, таких, как 'орудия производства', 'средства производства', 'производственные отношения', 'издержки производства', 'перепроизводство' и т. п.

Из этих примеров видно, какое влияние на словарь того или другого народа оказывает его производственная деятельность, специфика которой определяется данной географической средой.

Семасиологические связи между словами обнаруживаются в рядах слов общего происхождения, т. е. одного корня. С. С. Майзель называет такие ряды семантическими рядами. Семантические ряды могут составлять родственные слова как одного языка, так и языков общего происхождения.

В некоторых случаях связь между словами общего происхождения весьма наглядна, так как она поддерживается членением каждого слова на продуктивные морфемы. Таков, например, ряд: 'стол, столик, столовый, столовая'... Другие семантические ряды устанавливаются лишь с помощью этимологической работы, которая нуждается, с одной стороны, в данных исторической грамматики, сравнительной грамматики и других лингвистических дисциплин, с другой стороны — в данных истории материальной и духовной культуры, этнографии и т. п. Так, для установления связи значений между словами *кузнец*, *ковать* нужны данные о чередовании *-н-* с *-ов-* и о суффиксе *-н-*, а для установления общего происхождения слов *мост*, *мостовая* надо знать, что в старину улицы мостились бревнами.

⁴ Арабские примеры даны в транскрипции И. Ю. Крачковского на русской основе, но с обозначением межзубных через *т* и *д*. Эта же транскрипция использована и для других семитских языков с добавлением греческих букв *β*, *γ*, *δ*, *χ*, *φ*, *θ* для фрикативных вариантов *б*, *г*, *д*, *ж*, *п*, *т* в еврейском и арамейском языках. Начальная некоренная хамза, предшествующая любой начальной гласной, систематически опускается. Примеры из языков с графической латинской, греческой и русской (или близкой к ней кирилловской) передаются в орфографическом написании. Санскрит и старые языки Европы даются в латинской транслитерации. Латинские и греческие глаголы приводятся в 1-м лице ед. числа настоящего времени (при латинских указывается номер спряжения), семитские — в 3-м лице ед. числа муж. рода прошедшего времени.

Следует отметить, что термин «семантический ряд» взят здесь условно в применении к родственным словам, т. е. словам одного корня, и в этом плане вполне мог бы быть заменен термином «этимологический ряд».

Столь же условно, но весьма обоснованно с точки зрения практической, С. С. Майзель под семантическим рядом подразумевает обычно ряд, состоящий из пары слов. Практическое удобство двучленности ряда будет ясно из приводимых далее примеров.

Как равенство двух отношений составляет пропорцию, так сходство двух семантических отношений составляет изосемантический ряд. Иными словами: две пары слов, каждая из которых имеет свой корень, но семантическая связь между членами которых одинакова, составляют изосемантический ряд.

Так, с уже упоминавшейся парой русских слов

мост : *мостить* (А : В)

может быть сопоставлена имеющая то же значение немецкая пара

Brücke : *brücken* (С : D).

Обе пары составляют изосемантический ряд *мост* : *мостить*; *мост* : *мостить* = *Brücke* : *brücken* (А : В = С : D). В каждой из этих пар фонетическая связь поддерживает связь семантическую, и, наоборот, семантическая — фонетическую, а достоверность обеих связей составляет связь этимологическую. Каждая из пар не представляла бы семантического ряда, т. е. связи, существующей в сознании коллектива говорящих на данном языке, а не только логически в голове исследователя, если бы не подтверждались связью материальной — звуковой. Но, с другой стороны, и звуковая связь не могла бы расцениваться как подтверждающая общее происхождение обоих слов, их родственность, если бы не была ясна их связь по значению. Надежное основание для установления семантической связи дает история материальной и духовной культуры, раскрывающая связь слов при помощи связи вещей. В данном случае связь «моста» с «мощением» подтверждается большим сходством мощения улиц при помощи бревен с постройкой мостов. Но и здесь, собственно говоря, установлением взаимосвязи вещей доказывается лишь возможность существования такой взаимосвязи между словами, называющими эти вещи. Связь таких вещей как «иголка» и «нитка» несомненна, но ни в славянских, ни в романских, ни в германских, ни в арабском, ни в древнееврейском, ни во многих других языках, вернее, в лексике каждого из них, такой связи не обнаруживается. Возможно, что соответствующего семантического ряда нельзя найти вообще. Ведь для того, чтобы взаимосвязь двух вещей нашла отражение в их сходном обозначении, нужно, чтобы в момент образования такой связи по крайней мере одна из этих двух вещей не имела имени. Или же, что бывает нечасто, старое название вещи было бы вытеснено или оттеснено новым. Итак, ни сходное звучание, конечно, с достоверными фонетическими и морфологическими объяснениями различий между словами А и В, ни действительная связь вещей, как бы она ни была значительна, еще не дают гарантий в том, что возможность этимологической связи на самом деле реализована в языке. Гораздо более подтверждается достоверность этимологии при наличии аналогичного семантического ряда в другом языке или пары этимологизируемых слов в том же языке, но с другим корнем.

Нахождением второго семантического ряда в этом же или в другом языке мы устанавливаем изосемантический ряд, который одновременно удостоверяет и фонетические и семасиологические связи, т. е. этимологии. Во многих случаях этот изосемантический ряд может быть продолжен путем привлечения новых пар семантических рядов.

Семантический ряд А:В не обязательно сопоставлять с другим семантическим рядом С:Д. Чтобы получить изосемантический ряд, достаточно сопоставить пару А:В с одним словом С, в том случае когда это слово имеет и значение А и значение В. Бисемантическое слово С удостоверяет семантический ряд А:В не меньше, а скорее еще больше, чем сделал бы это ряд С:Д. Примером использования изосемантического ряда типа А:В = С для этимологических исследований может служить следующее. Ф. Клуге, сопоставляя нем. *werden* 'становиться, делаться', 'превратиться' с лат. *verto* III 'обращать', 'поворачивать' и старосл. *врѣтити* с тем же значением, должен был восстановить исходное значение этого слова в виде 'поворачиваться'. Его реконструкция исходного значения была бы гораздо убедительнее, если бы он вспомнил, что лат. *verto* имеет значение не только 'обращать', 'поворачивать', но и 'превращать'. Тогда получился бы следующий изосемантический ряд типа А:В = С.

Нем. *werden* 'становиться, делаться, превращаться': древневерхненемецкому *wërdan* 'поворачиваться' = лат. *verto* с двумя значениями 'превращать', 'поворачивать'. К этому ряду можно было бы прибавить еще много членов как из индоевропейских, так и из семитских языков с тем же значением 'поворачивать (ся)', 'превращать (ся)', например, рус. *обратить*, англ. *turn*.

Имея в виду, что возможность фонетических изменений внутри каждой пары сопоставляемых слов доказывается, С. С. Майзель следующим образом характеризует значение изосемантических рядов:

«а) сравнение слов с корнями А и В можно считать достаточно обоснованным, если другие слова с корнями С и D повторяют ту же ассоциацию понятий (точнее говорить — связь значений. — В. С.), которая установлена между А и В;

б) сравнение слов с корнями А и В можно считать абсолютно обоснованным, если другое слово с корнем С имеет два значения, относящиеся друг к другу как значения А и В».

Перейдем к примерам. Рассмотрим следующие изосемантические ряды.

1. Молоть : название злака или мука

- (1) араб. *та́хана* (тхн) 'молоть' : *хитта* (хит) 'пшеница';
- (2) араб. *маха́ха* (мхх) 'стереть' : *камх* (кхх) 'пшеница', в диалектах 'мука';
- (3) евр. *мáхан* (тхн) 'молоть' : *хитта* (хит) (и ассимилировалось т) 'пшеница';
- (4) евр. *мáхах* (мхх) 'разбить' : *кемах* (кхх) 'мука';
- (5) араб. *да́кка* (дхх) 'толочь' : *дакх* (дхх) 'мука'.

Кроме корней мхх, дхх, которые засвидетельствованы только в арабском и еврейском, остальные имеются еще в арамейском, иудейско-арамейском, сирийском, а также, за исключением корня хит, и в эфиопском. При этом в эфиопском, как и в классическом арабском, корень кхх известен с той же огласовкой камх и означает 'стручки, из которых делается мука', что ближе к арабскому, чем к другим семитским, в которых этот корень значит 'мука'. Следует отметить, что звуковой состав этих слов в обоих языках совершенно одинаков. Согласные корни в семитских языках несут то обобщенное лексическое значение, которое в других языках несут непроемные основы, имеющие в своем составе гласные и нередко совпадающие с каким-либо словом.

В семитских языках, как известно, большинство корней состоит только из трех согласных, расположенных в определенном порядке. Такое строе-

ние корня обуславливает алгебраичность строения основ, так как положение гласных строго фиксировано их позицией по отношению к первому, второму и третьему коренным согласным. Особенно же алгебраичен в этом отношении арабский язык, где сохранилось наибольшее количество фонематических согласных (28) по сравнению с другими семитскими языками и где число всякого рода позиционных вариантов невелико. Арабский язык обладает и наибольшим из всех семитских языков словарем. Знающему арабский язык другие семитские языки будут раскрываться лучше, так как, например, в еврейском, благодаря конвергенции двух родственных согласных, многие слова, прежде принадлежавшие к разным корням, совпали в одном корне, который совместил значения, ранее разобщенные. В приведенных примерах согласный ж (верхнефарингальный глухой фрикативный в арабском и эфиопском языках) в других языках совпал с увулярным. Остальные согласные приведенных примеров имеются во всех семитских языках за исключением аккадского.

В приведенных выше пяти парах слов мы имеем одну и ту же семасиологическую закономерность, наблюдаемую на двух разных корнях в арабском и еврейском языках и еще на одном новом корне только в арабском языке. Можем ли мы считать, что эта семасиологическая закономерность отразилась и в родственности корней? Случайно ли и в арабском и в еврейском языках правые части отношений 1-го и 3-го и, соответственно, 2-го и 4-го представляют собой перестановку согласных корня. С. С. Майзель считает, что эта перестановка не случайна, что благодаря этой перестановке получился новый корень с новым значением, тесно связанным со старым. Такую перестановку согласных корня он называет метатезой. Эта метатеза доказывается не только аналогичностью четырех пар в двух языках по две пары на каждый язык, но и наличием еще одной пары в арабском языке, где аналогичная закономерность представлена в одном корне, различие же в значениях получено средствами словообразования, а именно, другими огласовками согласных корня.

Эту же закономерность можно было бы проследить и в других семитских языках. При этом, имея в виду родство языков, мы могли бы составлять пары и из разных языков. Ограничимся для примера одной.

(6) Эфиоп. *камх* 'стручки, из которых делается мука'⁵; араб. *маха́ха* 'стирать'.

Этот пример, несколько отличающийся местным колоритом, лишь в большей мере подтверждает закономерность в ее общем виде: языки отмечают общность значения слов, обозначающих изготовление муки и предмета, из которого эта мука изготавливается⁶.

Эту же семасиологическую закономерность можно проследить и на ряде индоевропейских языков.

(7) Древнерус. *пыхати* 'толочь': *пышено* 'пшено', т. е. 'обточенное просо';

(8) рус. *толочь* : *толокно*.

Последняя пара повторяет арабскую пару № 5.

(9) Старосл. и древнерус. *пышено* (причастие страдательного залога от *пыхати*, 'толочь'): *пышен-иц-а*, т. е. 'печто, из чего толчется мука'. Приводя латинское слово *triticum* для обозначения вида растения,

⁵ См. «Wilhelm Gesenius's hebräisches und aramäisches Wörterbuch... bearbeitet von Dr. Frants Buhl... Siebzehnte Auflage...» (в дальнейшем — Gesenius). Leipzig, 1921, S. 716, *Кемах*.

⁶ В главе XVII труда С. С. Майзеля этого изосемантического ряда нет. Мы дополнили с его слов арабские примеры, как очень яркие, и дополнили их другими. Вероятно, семитская часть этого изосемантического ряда имеется в предыдущих главах труда С. С. Майзеля, которыми мы в настоящее время не располагаем.

А. Преображенский⁷ не заметил, что оно построено аналогично с русским *пшеница*, как ему не пришло в голову сослаться и на этимологию русского слова *толокно*.

(10) *Tritum* (причастие страдательного залога от *tero* 'тереть') 'нечто растертое': *trit-ic-um* 'нечто, из чего это растертое [мука] получается'. По значению глагола этот пример приближается к №№ 2 и 4.

(11) Нем. <i>mahlen</i>	'молоть';	<i>Mehl</i>	'мука';
(12) лат. <i>granum</i>	'зерно'		
(13) нем. <i>Korn</i>	'зерно'		
(14) старосл. <i>зръно</i>	'зерно'		
- : санскр. *jīṛṇāḥ*
* 'растертый'

Сравните с данными словарей А. Вальде⁸, Ф. Клуге⁹, А. Преображенского¹⁰.

Нам кажется, что такое сопоставление более убедительно, чем то, которое приводит Клуге, а за ним Преображенский, ассоциируя это с другим значением того же санскритского слова *jīṛṇāḥ* 'ветхий', 'старый', а отсюда 'зрелый', 'спелый'. Вероятно, этот изосемантический ряд можно было бы намного увеличить за счет индоевропейских и иных языков. Ввиду сходности способа обработки злаков, идущих в пищу, относящиеся сюда примеры составляют достояние общей семасиологии.

II. Одежда: крыша

Оставим в стороне семитские примеры С. С. Майзеля, как требующие сложных фонетических доказательств, и посмотрим, нет ли к сходной его латинской паре аналогии поближе.

(15) Лат. *toga* 'тога': *tectum* 'кровля, крыша'. Слово *tectum* — причастие прошедшего времени страдательного залога от *tego* III 'крыть', а *toga* — существительное того же корня с чередованием *e: o*;

(16) нем. *Decke* 'одеяло': *Dach* 'крыша' (оба немецких слова считаются родственными между собой и с лат. *tego*);

(17) рус. *кров, кровля, крыша*: *покрывало*.

Все эти русские слова одного корня с закономерным чередованием *ов* и *ы*. Формы с *-ов*-заимствованы из старославянского.

III. Управляться с лошастью: управлять страной

С. С. Майзель дает пару с метатезой и сравнивает ее с другим бисемантическим корнем:

(18) араб. *камаха* (кмх) 'сдерживать лошадь поводьями': *хакама* (хкм) 'править', откуда *хукма* 'правительство';

(19) араб. *саха* (све) имеет два значения: 1) 'ухаживать за лошастью', и 2) 'управлять [страной]', откуда *са'ис* 'конюх' и 'политик'.

Но эта же закономерность проявляется и не выходя за пределы корня хкм:

(20) араб. *хакама(тун)* 'удила': *хакама* 'править [страной]'.

⁷ См. «Этимологический словарь русского языка». Составил А. Преображенский (в дальнейшем — Преображенский). М., 1910—1914, т. II, стр. 191, *пшено*.

⁸ «Lateinisches etymologisches Wörterbuch von Dr. Alois Walde» (в дальнейшем — Walde). 2-te umgearbeitete Auflage. Heidelberg, 1910, S. 351—352, *grānum*.

⁹ Friedrich Kluge. Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache (в дальнейшем — Kluge). 11-te Auflage. Berlin und Leipzig, 1934, S. 322, *Korn*.

¹⁰ Преображенский, т. I, стр. 250, *зерно*.

В словаре Х. К. Баранова слова *хакама(тун)* нет, но оно есть у Ж. Бело¹¹ и у А. Илхас¹².

Сходна с этим пара:

(21) араб. *када* (квд) 'вести за собой лошадь', откуда *миквад*, 'поводок': *када* 'руководить, командовать', откуда *ка'ид* 'вождь, предводитель, командующий, руководитель'.

Есть параллель и в русском языке и притом тоже в одном корне:

(22) рус. *править* [лошадью]: *править* [страной].

Тут уместно вспомнить русское выражение «бразды правления».

Сходен с этим ряд *управлять судном: править страной*. И в греческом *κυβερνέω* и в латинском *gubernare* соприисутствуют два значения 'управлять судном' и переносное — 'управлять страной'. Также и *κυβερνήτης* и *gubernator* со значениями 'кормчий' и 'правитель'. В русском же языке, заимствовавшем последнее слово из латинского, оно перестало вовсе ассоциироваться с судном и с кормой и приобрело значение 'правитель области (губернатор)'.

IV. Соль: море

С. С. Майзель отмечает две пары:

(23) греч. *ἅλς* 'соль': *ἅλς* 'море';

(24) араб. *милх* 'соль': *милāха* 'мореплавание'.

Сюда можно прибавить из сирийского

(25) сир. *мелхо* 'соль': *малохо* 'моряк'¹³.

V. Петь: петух

С. С. Майзель ограничивает этот ряд парами:

(26) рус. *петь: петух*;

(27) тур. *ötek* 'петь': татар. *этэч* 'петух'.

В индоевропейских языках этот ряд представлен очень богато и не только славянскими языками.

(28) Нем. *Hahn* 'петух' восходит к герм. * *hanan* 'петь', родственному лат. *cano* III;

(29) алб. *këndez* 'петух': *këndo* 'петь'.

Этот ряд напоминает следующий.

VI. Петь: птица

(30) Лат. *cano* III 'петь': *oscen* (от *obs* + *cano*) 'вещая птица';

(31) араб. *сафара* (сфр) 'свистеть, чирикать': *усфур* ('сфр) 'птичка';

(32) араб. *мака* (мкв) 'свистеть, чирикать, петать': *мука* 'вид певчей птицы'¹⁴.

Арабская пара № 31 поддерживается еще и тем, что в других семитских языках имеются слова корня *сфр* со значением 'птица (певчая)'¹⁵.

Но менее часта в различных языках следующая связь значений.

¹¹ «Vocabulaire arabe — français à l'usage des étudiants par J. B. Belot» (в дальнейшем — Belot). Beyrouth, 1921, p. 130, *хакама*.

¹² A. Elias. Modern dictionary Arabic — English. Fourth edition. [Cairo, 1947], p. 161, *хакама*.

¹³ Gesenius, стр. 427, II, *мелх*.

¹⁴ См. Belot, стр. 780, *мака*.

¹⁵ См. Gesenius, стр. 693, I, *сфр*.

VII. Птица : летать

- (33) араб. *майр* 'птица': *māra* того же корня *tīr* 'летать';
 (34) лат. *volo* I 'летать': *volucris* 'птица';
 (35) фр. *voler* 'летать': *volaille* 'домашняя птица'.
 Следующие пары расширяют представление о летающем.
 (36) Фр. *voler* 'летать': *volatile* 'летающее животное';
 (37) рус. *летать*: *самолет*;
 (38) рус. *летать*: *летчик*;
 (39) араб. *māra* (*tīr*), 'летать': таййāра 'самолет' (по семантике словообразования вроде русских *летчица*, *летунья*).

Раньше арабские газеты передавали понятие 'летчик' словом *маййār*, когда же пришлось говорить о женщинах-пилотах 'летчицах', соответствующее производное слово *маййāра* стало омонимом слова 'самолет'. Чтобы не создавалось недоразумения теперь 'летчика' называют преимущественно *mā'ir* с параллельным *mā'ira* 'летчица'.

Немецкий язык использовал ассоциацию летать : летучее в разных направлениях и в разное время.

- (40) *fliegen* 'летать': *Fliege* (муха);
 (41) *fliegen* 'летать': *Flugzeug* 'самолет' (орудие полета);
 (42) *fliegen* 'летать': *Geflügel* 'домашняя птица';
 (43) *flug* — 'полет': *Vogel* птица из **flug-la*¹⁶.

VIII. Дитя : милый

В этом ряду С. С. Майзель ограничивается двумя парами, отсылая читателя к главе XVIII.

- (44) Нем. *Kind* 'дитя': англ. *kind* 'любезный';
 (45) араб. *тифл* (тфл) 'дитя': *latīf* (лтф с метатезой) 'милый, любезный'.

Немецко-английская пара подтверждается А. И. Смирницким¹⁷, который возводит английское *kind* к *cyn*, сопоставляемому с теми же словами индоевропейских языков, что и немецкое *Kind* (сравните у Ф. Клуге¹⁸); исконные значения этих слов связаны с понятиями 'род, родить'.

Оставляя семитские параллели до опубликования труда С. С. Майзеля, продолжим ряд сопоставлением из индоевропейских языков.

- (46) Рус. *молод* — (*млад-ен-ец* — старосл. форма): нем. *mild*¹⁹.

IX. Вращаться : превратиться

(47) Англ. *turn* 'вращаться': *turn* 'превратиться'. Те же оба значения имеют:

- (48) рус. *обернуться* [куда]: *обернуться* [кем, чем];
 (49) рус. *переворотиться*: старосл. форма *превратиться*;
 (50) рус. *обратиться* [куда]: *обратиться* [в кого, во что];
 (51) укр. *перевернутися* 'перевернуться': *перевернутися* 'превратиться';
 (52) лат. *vertor* III 'поворачиваться': *vertor* 'превращаться'.

Ф. Клуге в конце статьи *Werden* констатирует, что исходное значение этого глагола 'поворачиваться' (*wenden*) сохранилось лишь в суффиксе-*wärts* (например, *vorwärts* 'вперед', *südwärts* 'на юг' и т. д.) да еще в средневерхненемецком *wirtel* 'шпиндель'. Он не обратил внима-

¹⁶ Kluge, стр. 658, *Vogel*.

¹⁷ А. И. Смирницкий. Хрестоматия по истории английского языка. 1953, стр. 153, *cyn* и *cynde*.

¹⁸ Kluge, стр. 391, *Kind*.

¹⁹ Kluge стр. 685, *mild*.

ния, что это же значение подтверждают и многие его сопоставления иноязычных родственных слов, которые значат не только 'поворачивать', но и 'превращать'.

X. Название своего народа : быть ясным, объяснять

(53) Араб. 'араб ('рб) 'арабы': *a'raба* ('рб) 'выражать свою мысль ясно';

(54) нем. *deut-sch* 'немецкий': *deut-en* 'объяснять'.

В других языках такая связь значений еще имеет метафорический характер: «Я тебе по-русски говорю».

Зато своего иноплеменного соседа люди часто называют словом, входящим к понятию 'не уметь говорить' или 'плохо, неясно говорить'.

XI. Название соседнего народа : немой, бессловесный, косноязычный

(55) Рус. *немец* — раньше вообще 'иностранец': *немой*.

(56) Араб. 'аджам ('джм) 'персы': *a'джам* 'бессловесный, косноязычный'.

(57) греч. *βάρβαρος* 'говорящий непонятно': *βάρβαρος* собирательно прежде всего 'персы', а затем и вообще 'иностранцы'. Отсюда и термин варваризм.

XII. Труд : трудный

Что касается русского языка, то соответствующий семантический ряд дан уже в заглавии. Другие примеры из индоевропейских языков можно найти в статье А. А. Белецкого²⁰. Ограничимся примерами из семитских языков:

(58) евр. 'азад ('бд) 'работать': *казед* (кбд) 'трудный';

(59) араб. *та'уба* (т'б) 'работать': *са'б* (с'б) 'трудный'²¹.

В обоих рядах имеется чередование согласных, дающее в правой части ряда новый корень, значение которого связано со значением корня левой части. Такое чередование С. С. Майзель называет аллотезой.

В ряду 58 чередуется 'с к. Первый звук — верхнефарингальный фрикативный звонкий, а второй — заднеязычный смычный глухой. Данный ряд представляется весьма вероятным, с точки зрения семасиологической, по следует доказать вероятность этого фонетического перехода. По С. С. Майзелю наше сравнение абсолютно обосновано, так как помимо двух пар, подтверждающих одна другую, мы имеем еще и русскую, приведенную в названии изосемантического ряда, где фигурирует один корень, имеющий оба значения. Однако из этого правильного утверждения вовсе не следует, что не совпадающие согласные элементы корня чередуются между собой, а не возникли независимо один от другого путем присоединения к двум другим согласным, имевшим общее значение: 1) '+(бд) и 2) к+(бд). Здесь опять могут помочь изосемантические ряды, подобранные таким образом, чтобы было ясно, что согласный ' действительно сменяется согласным к. Эти доказательства и приводит С. С. Майзель в своей работе. Мы не можем заниматься ими здесь, так как для этого потребовалось бы очень много места. Скажем лишь о результатах исследования, к которым пришел С. С. Майзель по этому вопросу.

²⁰ А. А. Белецкий. Задачи дальнейшего сравнительно-исторического изучения языков. «Вопросы языкознания», 1955, № 2, стр. 19.

²¹ Не располагая всей рукописью монографии С. С. Майзеля, приводим свои собственные семитские примеры, не содержащиеся в главе XVII его труда. Не исключено, что некоторые из них, и даже все, содержатся в предыдущих главах.

С точки зрения чередования согласные семитских языков делятся на три ряда: передний (губные), средний (передне- и среднеязычные) и задний (все остальные). Все согласные в пределах каждого ряда чередуются, давая аллотеузу. К аналогичным выводам пришел, повидимому, и Н. В. Юшманов, который в своей «Грамматике литературного арабского языка»²² говорит о символической градации оттенков согласных в довольно широких границах и повторяет то же в своей брошюре «Строй арабского языка»²³, подходя к этому явлению совсем с другой точки зрения. В приведенных нами примерах 'и ж относятся к заднему ряду, 'т и с к среднему. В следующих примерах изосемантического ряда труд: страдание (XIII) тоже имеется аллотеуза, но она еще усложнена метатезой.

(60) Евр. 'абад ('бд) 'работать': осеб ('сб) 'страдание'.

Аллотеуза между согласными среднего ряда д и е с перемещением согласного б со второго места на третье. Пример подтверждается и семантическим рядом:

(61) евр. йа'а ('г') 'работать': араб. ваджа'а 'страдать'. Согласный йй в еврейском и а в арабском — общепризнанное фонетическое соответствие, а г есть старое арабское и современное египетско-арабское соответствие дж, что необходимо иметь в виду при всех сопоставлениях между семитскими языками.

Легко себе представить, что слова, использованные в рядах 58—61, представляют богатый материал для новых изосемантических рядов.

В настоящей статье был применен способ изосемантических рядов С. С. Майзеля для установления этимологических связей между словами. Исходя из связи значений, установленных для родственных слов в одном языке или в нескольких родственных языках, те же связи были найдены в других языках среди слов соответствующих значений. Результаты сопоставлений проверялись по этимологическим словарям. В большинстве случаев эти сопоставления подтвердились фонетическими обоснованиями специалистов, труды которых были использованы составителями этимологических словарей. Нам кажется, что проделанной работы достаточно, чтобы привлечь внимание к способу изосемантических рядов. Сравнения и сопоставления, сделанные в данной статье, выявляют с несомненностью родство сравниваемых слов в семантическом ряду, т. е. в каждой паре, и аналогичность семасиологических закономерностей во всем изосемантическом ряду.

Мы считаем, что даже если бы С. С. Майзель только обосновал способ изосемантических рядов, то уже это было бы его большой заслугой. Но его подлинно научным подвигом является то, что он первый сознательно и планомерно применил способ изосемантических рядов к огромному материалу и установил с его помощью много вероятных этимологий.

Пусть скажут, что изосемантические ряды применяются уже давно, но применение их в этимологической работе спорадично, а для создания трудов по общей и частной семасиологии они почти не применялись. А ведь на их основе можно было бы составлять и семасиологические словари, которые давали бы систему лексики языка определенного периода. Они отличались бы от так называемых идеологических словарей (dictionnaires analogiques) тем, что группировали бы слова не просто — и довольно произвольно — по темам, а по объективно существующим в каждом языке семантическим связям. Этимологическая работа давала бы более досто-

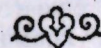
верные результаты. Мы не сомневаемся, что систематическое применение изосемантических рядов расширило бы и рамки сравнительных и сравнительно-исторических фонетик, открыв и новые фонетические соответствия; скрывающиеся узкой семантической базой сравниваемого материала. То обстоятельство, что изосемантические ряды применялись и до Майзеля, несколько не умаляет его заслуги, а, скорее, указывает на настоятельную потребность науки в привлечении семасиологических материалов. Но теоретическое обоснование предложенного им приема вместе с примерами его применения на огромном материале равно крупному научному открытию. Опубликование труда С. С. Майзеля, хотя бы в наиболее существенных его частях, оказало бы советской семитологии и общему языкознанию большую услугу.

Мы имели в виду сопоставить некоторые высказывания советских лингвистов о значении семасиологии с изложенным выше. Но итоговая статья А. А. Белецкого «Задачи дальнейшего сравнительно-исторического изучения языков» дает возможность не останавливаться на многочисленных, но по большей части голословных декларациях о необходимости более солидной семантической базы для сравнительно-исторического метода. В упомянутой статье А. А. Белецкого есть, в частности, следующее ценное высказывание:

«Из определения слова как исторически сложившегося диалектического единства звуковой формы и смыслового содержания надо сделать вывод о том, что нелепо ставить вопрос о первенстве фонетики над семантикой или семантики над фонетикой».

Изосемантические ряды С. С. Майзеля и обеспечивают исследователю единство фонетической и семасиологической стороны. Их необходимо применять как при изучении фонетических соответствий, так и при изучении лексики. Но порядок перехода от одного семантического ряда к другому будет разный. В одном случае он будет диктоваться поисками слов, удобных для фонетико-морфологических выводов, в другом — для выводов семасиологических и лексикологических.

Без семасиологии в языкознании обойтись нельзя, но семасиологическая сторона будет ненадежной, если исследователь не будет опираться на доказанные связи значений. Систематическое применение рядов С. С. Майзеля и усовершенствование этого приема помогут семасиологии занять в языкознании подобающее ей место.

²² Н. В. Юшманов. Грамматика литературного арабского языка... Л., 1928, стр. 22.

²³ Н. В. Юшманов. Строй арабского языка. Л., 1938, примечание на стр. 23—24.

ОБЪЯСНИТЕЛЬНАЯ ЗАПИСКА К ПРОЕКТУ УПРОЩЕНИЯ КИТАЙСКОГО ИЕРОГЛИФИЧЕСКОГО ПИСЬМА¹

ЦЕЛИ И МЕТОДЫ УПРОЩЕНИЯ ПИСЬМА

Наш народ пользуется иероглифическим письмом уже в течение долгого исторического периода. Блестящие достижения наших великих мыслителей, художников слова, ученых и деятелей искусства через тысячелетия дошли до наших дней благодаря иероглифическому письму и составляют ныне наше богатейшее культурное наследие. В этом великое историческое значение китайского иероглифического письма.

Однако нельзя все же отрицать, что китайская иероглифическая письменность обладает целым рядом минусов в сравнении с другими современными системами письма. Основные ее недостатки заключаются в следующем: иероглифическая письменность отрывает письмо от языка и не позволяет по внешнему виду иероглифа свободно воспроизвести его звучание; живая речь народа лишь с большим трудом может быть записана иероглифами, число иероглифов весьма велико, композиция их сложна и иероглиф имеет иногда по нескольку чтений и разнописей. Вследствие этих недостатков при изучении этого письма и при пользовании им возникают огромные трудности. Овладение иероглифической грамотой требует затраты больших дополнительных усилий и времени как от детей, обучающихся грамоте, так и от взрослых, ликвидирующих свою неграмотность. Это является серьезным препятствием в деле повсеместного распространения нашей культуры и поднятия культурного уровня нашего народа. К этому следует добавить, что и для овладевших грамотой китайская иероглифика остается весьма мало удобной в практическом пользовании. Большое число письменных знаков и сложность их композиции влекут за собой целый ряд трудно преодолимых препятствий в машинописи, в полиграфии, в службе телеграфа и т. д. и лишают нас возможности свободно пользоваться новейшими достижениями науки и техники. Все это доказывает, что китайское иероглифическое письмо уже неспособно полностью удовле-

творять наши современные жизненные потребности. Если бы мы стали и впредь цепляться за эту систему письма, отказываясь от его реформы, — это могло бы создать ряд препятствий в деле проведения всеобщего обучения и повышения культурного уровня народа, в деле широкого распространения знаний и овладения передовой техникой, что принесло бы большой вред великому делу строительства социализма, делу, которым занята сейчас вся страна.

Еще в 1940 г. председатель Мао Цзэ-дун указал нам: «...письменность должна быть при определенных условиях реформирована...»². За последние годы председатель Мао Цзэ-дун дал и дальнейшие указания о направлении реформы китайского письма: «Нужно ориентироваться на общий для всех стран мира курс на фонетическое письмо», это означает, что китайское письмо надо постепенно превратить в письмо фонетическое.

Однако язык и письмо теснейшим образом связаны с жизнью народа и его обычаями. Китайское письмо, не являющееся фонетическим, применяется в Китае уже тысячелетия и в короткий срок реформировать его в фонетическое письмо решительно невозможно. При этом следует еще учесть, что если бы даже была введена фонетическая система письма, то после этого потребуются, повидимому, еще переходный период, в течение которого новая и старая письменность будут сосуществовать; другими словами, не только в настоящее время, но и в течение следующего определенного периода китайские иероглифы останутся для нас необходимым и весьма важным орудием.

Вот почему еще до повсеместного перехода на фонетическое письмо мы продолжаем стоять перед настоятельной необходимостью соответствующим образом упростить существующие ныне китайские иероглифы и насколько возможно облегчить те трудности, которые иероглифическое письмо несет для обучения, чтения литературы, процесса письма и пользования этим письмом. Положение здесь аналогично с сельским хозяйством, в котором впредь до повсеместного перехода на трактор с повестки дня отнюдь не снимается необходимость улучшения существующих сельскохозяйственных орудий.

С начала своей деятельности по изучению реформы письменности, с 1952 г., Комитет по реформе китайского письма основное внимание уделял разработке проекта фонетического письма, с одной стороны, и упорядочению и упрощению иероглифической письменности, с другой. За истекшие два с лишним года после многих исканий, предложений, диспутов и поправок Комитетом по реформе китайского письма был разработан предлагаемый проект упрощения иероглифического письма, который и ставится ныне на всенародное обсуждение. Методически этот проект подходит к проблеме упрощения иероглифического письма с трех сторон: во-первых, предусматривается сокращение числа черт в иероглифах; во-вторых, сокращение числа самих иероглифов; в-третьих, упрощение их рукописных начертаний.

Остановимся прежде всего на сокращении числа черт в иероглифах, т. е. на замене знаков, которые состоят из относительно большого числа черт, иероглифами сокращенного начертания. Иероглифы сокращенного начертания — это иероглифы, в которых графика упрощена. Например: 声 — условное сокращение иероглифа 聲, 灶 — сокращенное начертание иероглифа 灶. Подобные сокращенные начертания появились очень давно. За последние годы такие иероглифы в небольшом числе стали проникать и в печать; в рукописях же и в гектографических изданиях вновь образованные иероглифы сокращенного начертания

¹ От редакции. В январе 1955 г. Комитет по реформе китайского письма КНР опубликовал свое первое конкретное предложение — проект упрощения китайского иероглифического письма. Учитывая особую важность этого документа, редакция сочла необходимым опубликовать в журнале перевод объяснительной записки к этому проекту, сделанный И. М. Ошаниным, опустив ввиду технической сложности публикации таблиц. Весь проект в целом будет помещен в приложении к находящемуся сейчас в печати второму изданию «Китайско-русского словаря» под редакцией проф. И. М. Ошанина.

² Мао Цзэ-дун. Избранные произведения, т. 3. М., 1953, стр. 273.

появились в большом числе. В своем проекте Комитет вносит предложение отобрать часть этих общеупотребительных иероглифов сокращенного начертания и заменить ими особо сложные иероглифы. Таким образом, находящиеся в обращении сокращенные начертания будут легализованы. Добавим, что древние начертания некоторых общеупотребительных иероглифов были проще современных. В этих случаях Комитет счел возможным предложить оставить в обращении именно эти первоначальные более простые начертания. Например: 鬚, 鬚 или 塵 можно писать соответственно 胡, 須 и 尘.

Далее, Комитет счел возможным предложить замену некоторых иероглифов, начертания которых особенно сложны и для которых не существует упрощенных начертаний, простыми иероглифами, обладающими омонимичным чтением с первыми. Так, например, можно заменить иероглифы 額, 攀, 叢 и 醜 на 于, 凡, 从 и 丑. Наконец, Комитет предлагает в составных иероглифах заменить их фонетик более простым. Так, например, можно, заменив фонетик 奈 на 了, писать производные от него иероглифы (вместо 遼, 僚, 療 и т. д.), как 辽, 有, 疗 и т. д. Пользуясь всеми вышеуказанными приемами, мы упростили 798 иероглифов и составили «Таблицу 798 упрощенных иероглифов». В дальнейшем во всей печати эти 798 сложных иероглифов будут упразднены и заменены их сокращенными начертаниями, и учащемуся, написавшему такой сокращенный иероглиф, это не будет засчитываться за ошибку. Этим способом можно будет одновременно сблизить печатные и рукописные формы иероглифов и избежать необходимости изучать параллельно иероглифы в обоих его начертаниях: в полном и сокращенном. Упрощение иероглифов будет введено в определенные рамки, письмо будет унифицировано и будет положен конец произвольному сокращению знаков, вносящему до сих пор большую путаницу. Так как подавляющее большинство предлагаемых сокращенных знаков имеет уже и теперь повсеместное хождение, данная мера не создает никаких затруднений лицам, уже усвоившим грамоту, и вместе с тем принесет огромную пользу детям и взрослым, только начинающим учиться письму. Комитет считает, что такое упрощение является целесообразным именно в пределах около 800 иероглифов, ибо при введении сокращений для слишком малого числа знаков упрощение не может сыграть какой-либо положительной роли, введение же сокращенных начертаний для слишком большого числа знаков может повлечь за собой трудности для уже знающих грамоту.

Перейдем теперь к сокращению числа иероглифов. Эта мера должна начинаться с унификации разных начертаний одного и того же знака. В китайском иероглифическом письме существует множество иероглифов, начертания которых имеют по несколько графических вариантов (разнописей). Таковы, например: 群 и 羣, 峰 и 峯, 仙 и 僊 и т. д. Существование большого числа таких разнописей не только влечет за собой дополнительные трудности при обучении языку и письму, но и создает немало совершенно ненужных затруднений в редакционной работе, при счетке и наборе. Комитет упорядочил эти разнописи и решил на первых порах предложить вывести из употребления излишние графические варианты 400 иероглифов (см. «Таблицу 400 упраздняемых разнописей»). Упраздняемые 400 графических вариантов не должны в дальнейшем применяться в печати, этим будет устранена излишняя перегрузка лиц, изучающих иероглифическую письменность и пользующихся ею. Что же касается существующих ныне различий между печатной и рукописной формами иероглифов (например, 示 и 示, 糸 и 糸 и др.), то эти варианты

также подлежат унификации. Однако, учитывая, что это затронуло бы слишком широкую область и что немедленное проведение в жизнь этой меры оказалось бы затруднительным для техники книгопечатания, Комитет предполагает постепенно унифицировать эти разнописи лишь в дальнейшем.

Провести резкую границу между иероглифами сокращенного начертания и разнописями весьма затруднительно. Сокращенное начертание того или другого иероглифа можно считать и за его разнопись, да и разнопись, если число черт в ней сокращено, можно считать за иероглиф сокращенного начертания. Поэтому как в той, так и в другой из указанных таблиц Комитет не проводил строгих границ между этими категориями иероглифов.

Таким образом, путем упрощения числа черт и упорядочения разнописей иероглифов предлагается изъять из обращения всего 1198 иероглифов (под изъятием из обращения здесь понимается отказ от их употребления в общей печати; при перепечатке же древних книг, а также в других специальных случаях должны быть допущены исключения), что принесет немалые удобства в учебе и в практике пользования письмом. Конечно, все это лишь первый шаг в деле упорядочения письма, дальнейшая работа в этом направлении будет продолжена и впредь.

Перейдем, наконец, к вопросу о сокращении рукописных начертаний иероглифов. Комитет занимается изучением вопроса о целесообразности использования иероглифической «большой» скорописи («травянистого письма») в качестве основы для упрощения иероглифов. В результате этого исследования все мы пришли к выводу, что введение в типографский текст таких скорописных начертаний привело бы к нарушению гармоничности в формах письма и создало бы трудности в технике книгопечатания, но что в рукописи использование «малой» («ходовой») и «большой» («травянистой») скорописи является полезным. Поэтому в помощь обучающим и обучающимся письму Комитетом составлена «таблица рукописных сокращений элементов китайского письма», в которой приведены сокращенные начертания ключей и фонетиков (а также другие составные элементы иероглифов). Если, руководствуясь этими сокращенными начертаниями элементов, пишущие будут пользоваться ими и для начертания составных иероглифов аналогичной композиции, будет положен конец произволу в сокращении рукописного начертания знаков. В дальнейшем Комитет предлагает также составить и опубликовать иероглифические прописи образцового письма для детей и взрослых.

Реформа письма — большое дело, связанное со всеми сторонами жизни народа, затрагивающее всех обучающихся и обучающихся письму и пользующихся им людей. Поэтому реформа письма может быть благополучно развернута и доведена до успешного завершения лишь при поддержке и помощи большинства населения. Опубликование предлагаемого проекта упрощения китайского иероглифического письма является лишь первым шагом в работе по реформе китайского письма. Комитет выражает желание, чтобы работники народного образования всей страны и все круги нашего общества горячо включались в обсуждение этого проекта и вносили бы нам свои предложения. Комитет хочет выразить надежду, что после обсуждения этого проекта будут приложены всеобщие совместные усилия для изучения вопросов реформы китайского письма, чем будут созданы еще более благоприятные условия для дальнейшего упорядочения иероглифики и для введения в жизнь фонетического письма.

Январь 1955 г. Комитет по реформе китайского письма

ИНДИЙСКИЕ ЖУРНАЛЫ ЯСНОПОЛЯНСКОЙ БИБЛИОТЕКИ КАК ОДИН ИЗ ИСТОЧНИКОВ ИЗУЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ В ИНДИИ

Н. М. ГОЛЬДБЕРГ

Революция 1905—1907 гг. в России положила начало мощному подъему рабочего движения в Европе и пробудила народы Азии к борьбе с империализмом. В этой борьбе народных масс азиатских стран выдающееся место принадлежало Индии.

Советская историография сделала пока еще сравнительно мало в изучении индийского национально-освободительного движения 1905—1908 гг.¹, что объясняется, в частности, недостатком соответствующих источников, и, в первую очередь, индийской национально-революционной печати.

Известно, что индийские газеты и журналы относительно полно отражали цели и требования национально-освободительного движения 1905—1908 гг. В индийской прессе и особенно в ее радикальной части нашла свое выражение идеология противников английского господства в Индии; именно в этой прессе отражены взгляды, характерные для представителей тех или иных классовых группировок рассматриваемого периода. Только индийская печать систематически регистрировала важнейшие события дня, в отличие от газет метрополии, стремившихся извратить самое существо освободительного движения и поэтому скрывавших от читателя многие факты первоочередной значимости. Поэтому каждое добавление к имеющимся у нас малочисленным фондам индийской печати конца XIX — начала XX в. становится ценным вкладом в дело изучения индийского национально-освободительного движения 1905—1908 гг.

Серьезный интерес для исследователя приобретает, в свете сказанного, собрание индийских журналов и печатной документации (а также ряда книг)², сохранившихся в Яснополянском доме-музее, в личной библиотеке Л. Н. Толстого. Как правило, эти журналы и книги присылались Л. Н. Толстому самими их редакторами или издателями, — порой на протяжении нескольких лет подряд.

Первый, кто обратил внимание советских индологов на этот фонд, был научный сотрудник Яснополянского музея А. И. Ларионов. В докладе «Л. Н. Толстой и Восток», прочитанном на объединенном заседании Московской группы Института востоковедения АН СССР и Государственного музея имени Л. Н. Толстого в ноябре 1945 г., А. И. Ларионов упомянул в качестве наглядного подтверждения слов А. М. Горького о «живых, трепетных нитях», протянувшихся к великому русскому писателю из Китая и из Индии, и об индийских журналах, хранящихся в Ясной Поляне.

¹ Единственной монографией, в значительной своей части посвященной этому периоду, является книга И. М. Рейснера «Очерки классовой борьбы в Индии». М., 1932.

² Среди них имеется и известная работа М. К. Ганди (M. K. Gandhi. Indian Home Rule. Johannesburg, 1901), присланная автором Толстому 14 апреля 1910 г.

Автор этих строк ознакомился с индийским собранием библиотеки Л. Н. Толстого в сентябре 1951 г. Хронологически оно охватывает (правда, с весьма чувствительными лакунами) период в 15 лет — с 1896 по 1910 г. Главная часть собрания относится, к исключительно важному этапу истории Индии, а именно к 1906—1909 гг.

Как уже указывалось, большая часть этой литературы нашла свой путь в Ясную Поляну по почину ее издателей и авторов. Некоторые книги и журналы снабжены надписями, или упомянуты в специальных письмах, или по своему содержанию прямо обращены к Толстому как создателю определенного философско-религиозного учения. Однако примечательно не только это обстоятельство, подтверждающее, сколь популярно было имя Л. Н. Толстого в некоторых кругах индийской интеллигенции. Еще более существенно может быть то, что к Толстому обращались как к наставнику и посылали свои произведения люди, стоявшие на самых различных идейных позициях.

Разгадку этого любопытного явления мы усматриваем в двойственности идеологических воззрений Толстого, объединявших, как писал В. И. Ленин, сильный, непосредственный и искренний протест против лжи и насилия капиталистического общества с проповедью непротивленчества и с религиозной мистикой.

Индийские поклонники Толстого находили — каждый по своему — в его учении то, что искали. Одни из них, готовые всеми средствами бороться за освобождение родины, преклонялись перед Толстым за безбоязненное и беспощадное обличение им всякого, а следовательно, и колониального гнета. Другие солидаризировались — подчас по соображениям совершенно противоположного свойства — с толстовским призывом не противиться злу насилием. Среди них был М. К. Ганди, считавший толстовство созвучным одному из основных течений древнеиндийской этики, а отказ от насилия и пассивное сопротивление — единственным приемлемым средством защиты от английского колониального деспотизма. Были между индийскими поклонниками Льва Николаевича лица, обращавшиеся к нему как провозвестнику нового религиозно-мистического восприятия мира; а изредка попадались и такие люди, которые надеялись превратить литературное общение с Толстым в своего рода саморекламу. В конце концов все эти мотивы, столь непохожие один на другой, послужили общей причиной постепенного накопления в Ясной Поляне довольно обширного и пестрого по содержанию фонда индийской периодики (около 200 единиц хранения).

Весьма значительную долю этого собрания составляют журналы, которые с формальной стороны принадлежат к разряду религиозно-философских (хотя нередко имеют самое определенное отношение к политической сфере). Яснополянская индийская периодика религиозно-философского оттенка заслуживает специального исследования, ибо является не только ценным культурно-историческим, но и политическим источником³.

Другая часть яснополянского собрания, гораздо меньшая по объему, представляет большое значение для всех, кто изучает идеологию индийского национально-освободительного движения 1905—1908 гг.

³ В подтверждение упомянем хотя бы о единственном в своем роде и почти полном десятилетнем (1902—1910) комплекте «Обзрения религий» (Review of Religions), ежемесячном органе индийской мусульманской секты Ахмадийя. В этом журнале, учрежденном в 1902 г., проповедь воззрений секты и ее «пророка» Мирзы Гуляма Ахмада весьма умело объединялась с пропагандой необходимости примирения с английским владычеством, с восхвалением «благожелательного британского управления». Журнал издавался от имени «председателя собрания Ахмадийя» (Sadq Anjuman-i Ahmadiyya), проживавшего в Кадане (дистрикт Гурдаспур, Пенджаб) и выступавшего в роли «пророка» секты. «Обзрение религий» выходило в Лахоре тетрадами (40—60 стр.) обычного формата индийских журналов на хорошем английском языке, если не считать переводов воззваний и обращений самого «пророка», составленных в весьма примитивных выражениях.

На первое место здесь, и в собрании в целом, следует поставить маленький (4—8 стр. in quarto), выходивший на английском языке ежемесячник «Свободный Хиндустан» (Free Hindustan)⁴. В Ясной Поляне имеются семь номеров за 1908 г., четыре сдвоенных номера за 1909 г. и один сдвоенный номер 1910 г. Далее следует указать на два номера (1908 г.) столь же небольшого по объему ежемесячника «Индийский социолог» («The Indian Sociologist»)⁵. В Яснополянском собрании сохранились также разрозненные части нескольких номеров еженедельника «Индия» (India)⁶, помеченные карандашными отчеркиваниями на полях, вероятно, рукой Толстого. Заслуживает внимания также номер еженедельника «Индийское мнение» («Indian Opinion»)⁷, издававшегося в Южно-Африканском Союзе М. К. Ганди и присланного им Л. Н. Толстому в период происходившей между ними переписки (1909—1910 гг.)⁸.

К этим четырем журналам примыкают по содержанию и смыслу памфлет В. Веддерберна о причинах голода в Индии, изданный в 1897 г.⁹ и отражающий взгляды Индийского национального конгресса на аграрный вопрос в конце XIX в., и сборник свидетельских показаний, составленный и опубликованный по инициативе конгрессистов о расправе, учиненной 4 января 1908 г. в Маймессинге (Бенгалия) английской полицией над рядом граждан этого города¹⁰.

Из указанных шести печатных источников, хранящихся в Яснополянской библиотеке, четыре относятся к разряду периодики. Общим для них является, во-первых, то, что все они выходили не в Индии, а за ее пределами. Кроме того, все они относятся к последнему этапу национально-освободительного движения 1905—1908 гг. или даже к началу периода реакции, сменившей первый мощный революционный подъем в Индии XX в. Мы имеем, следовательно, дело с печатью, издававшейся, за исключением органа Ганди, в более приемлемых по сравнению с колониальной Индией, правовых условиях, с печатью, более открыто и свободно, чем у себя дома, выражавшей

⁴ «The Free Hindustan. An organ of freedom and of political, social, and religious reform». «Bande Mataram» — editor, Taraknath Das — manager. В библиотеке имеются номера за апрель (т. I, № 1), май (№ 2), июнь (№ 3), июль (№ 4), август (№ 5), сентябрь (№ 6) и октябрь (№ 7) 1908 г.; за январь-февраль (т. I, № 9 sic!), май-июнь (т. II, № 3—4), июль-август (№ 5—6), ноябрь-декабрь (№ 9—10) 1909 г.; и за март-апрель (т. III, № 1—2) 1910 г. Журнал издавался в Канаде, затем в США. Таким образом, в Ясной Поляне хранится неполный двухлетний комплект «Свободного Хиндустана».

⁵ «The Indian Sociologist. An organ of freedom and of political, social, and religious reform». Edited by Shyamaji Krishnavarma, M. A. (Oxon.) Журнал выходил в Лондоне. В библиотеке имеются номера за июнь (т. IV, № 6) и за июль (№ 7) 1908 г.

⁶ «India». Журнал выходил в Лондоне. В библиотеке отмечены мною 24 страницы номеров от 17 апреля, 31 июля и 21 августа 1908 г., содержащих, в частности, отклики на бомбейскую забастовку в июле 1908 г.

⁷ «Indian Opinion». Published weekly. Vol. 8, № 32, Saturday, August 6th, 1910. Printed and published by M. K. Gandhi, International Printing Press, Phoenix, Natal, 32 стр. Еженедельник «Indian Opinion» впервые вышел в 1904 г. и стал идейно-политическим органом движения Сатьяграха, начатого Ганди в Южной Африке. См. Ганди. Моя жизнь. М., 1934, стр. 168—169.

⁸ К сожалению, этот ценный источник не мог быть использован, так как, за исключением первых восьми страниц на английском языке, посвященных в основном угнетенному положению эмигрантов-индийцев в Южной Африке, номер составлен на языке гуджарати, недоступном автору этих строк.

⁹ «Congress Green-Book», № 1. The skeleton at the (Jubilee) feast. Being a series of suggestions towards the prevention of famine in India. By sir W. Wedderburn, Bart., M. P. (Reprinted from «India»). London. Published by the British Committee of the Indian National Congress, 1897, 20, p. in folio.

¹⁰ «Un-official commission of enquiry into the Mymensing disturbances. Report and evidences». Commissioners Babu Bhupendranath Basu, U. N. Mukherjee (Lt.-Col., I. M. S. retired). Printed by J. N. Bose, 1908, 6, 26 p.

политические взгляды и требования определенных индийских социальных группировок. Даже еженедельник «Индия», выпускавшийся совместно Британским комитетом Индийского национального конгресса¹¹ и Лондонским индийским обществом¹², т. е. орган умеренных индийских националистов и либеральных членов парламента из английских колониальных чиновников, и тот только в Лондоне мог печатать свои в сущности безобидные статьи, которые, однако, в Индии немедленно вызвали бы опасное для издателей раздражение у всемогущей бюрократической клики, управлявшей страной.

Вторая черта, присущая этим журналам, заключается в том, что все они (за частичным исключением «Индийского мнения») выходили не на индийских языках, а на английском. В этом они следовали примеру значительной и притом влиятельной части газет и других повременных изданий в самой Индии.

В отношении языка индийская печать (независимо от политического направления) придерживалась двух различных традиций. Этот факт в последнем счете объясняется тем, что в Индии, с одной стороны, происходил процесс складывания отдельных наций, а с другой, усиливалось экономическое единство страны и для всего индийского общества выдвигался на первый план вопрос о взаимоотношениях с английским колониальным режимом.

Большая часть прессы выходила на индийских языках и ориентировалась в первую очередь на местного читателя определенной языковой принадлежности. Тем самым, она содействовала созданию и развитию единого языка на определенной национальной территории и обретала относительно широкую демократическую аудиторию, причем в прямом смысле этого слова, так как слушателей у нее было гораздо больше, чем читателей¹³. Национальная же печать, выходившая на английском языке, претендовала, скорее, на общендийское значение. Контингент ее непосредственных потребителей складывался главным образом из образованных на английский лад индийцев буржуазно-помещичьего круга и представителей интеллигенции, независимо от их языковой, национальной или религиозной принадлежности. Со второй половины XIX в. английский язык, чуждый и незнакомый народным массам, грубо навязанный победителями побежденным, стал для тонкой прослойки образованных людей временным заменителем общендийского государственного языка, вынужденным средством научного и политического общения в многоязычной колониальной стране. Суд, средняя школа, университеты, учрежденные английской администрацией, правительственная служба и условия общественной деятельности заставляли приучаться к английскому языку не только индийских англофилов, но и последовательных противников колониального режима. Достаточно сказать, что даже выдающийся руководитель национально-освободительной борьбы Б. Г. Тилак (1856—1920) часто прибегал к английскому языку как в своей публицистической и исследовательской работе, так и в переписке со своими единомышленниками¹⁴. Язык иноземных господ Индии, всячески тормозивший

¹¹ British Committee of the Indian National Congress

¹² The London India Society.

¹³ Об этом писал еще И. П. Минаев в обработанном дневнике его первого индийского путешествия (1874—1875 гг.): «...газеты выписываются в складчину и из рук в руки передаются, или же читаются одним подписчиком вслух нескольким другим. Сельское население, земледельцы и рабочие мало читают газеты; они удовлетворяются тем, что им другие порасскажут из газет. Но лавочники, старшины, школьные учителя, мелкие люди по судам и в качхари зачитываются газетами». И. П. Минаев. Очерки Цейлона и Индии. Из путевых заметок русского. СПб., 1878, часть II, стр. 199.

¹⁴ Из двух печатных органов, созданных Тилаком в 1881 г., газета «Кесари» (Лев) выходила на маратском, а еженедельник «Маратта» — на английском языке. О частной переписке Тилака на английском языке см. в книге его биографа Н. Келкара: «N. C. Kelkar. Life and times of Lokamanya Tilak. Madras, 1928, p. 112. Вместе с тем Тилак подчеркивал реакционную, разобщающую роль английского языка в

культурное и политическое развитие страны, стал, как бы в отместку империалистам, одним из орудий освободительной борьбы от иноземного ига. Нетрудно поэтому понять, почему многие индийские повременные издания, выходявшие за границей и обращавшиеся, так сказать, к Индии в целом, также писали для своих читателей на английском языке.

В период революционного подъема 1905—1908 гг. в идеологии и практике индийского национально-освободительного движения существовало два основных течения. Первое из них было представлено «умеренными», осуществлявшими руководство Национальным конгрессом. Это политическое течение отражало интересы оппозиционно настроенной крупной буржуазии и связанных с нею помещиков. Второе, представленное «крайними», или «экстремистами», — их идейным вождем был, как известно, Б. Г. Тилак, — возникло в радикально настроенной, преимущественно мелкобуржуазной среде.

Мелкобуржуазная интеллигенция все острее испытывала на себе политику дискриминации, проводимой в отношении ее английским правительством во всех областях индийской жизни. Но главной причиной, породившей радикальное течение, было сопротивление народных масс колониальному режиму и феодальному гнету, которое после восстания 1857—1859 гг. возобновилось в 70-х годах XIX в.

В программе преобразований, выдвигавшейся «умеренным» руководством Национального конгресса в период революционного подъема 1905—1908 гг., имелось пожелание о постепенном достижении самоуправления (свадх) в рамках Британской империи и постоянно подчеркивалась необходимость поощрения отечественного производства (свадеш) и его защиты от иностранной конкуренции путем установления таможенных барьеров. Что касается главной индийской социально-экономической проблемы — аграрной, то здесь программа «территориализированной» крупной буржуазии сводилась по сути дела к настойчивому требованию о распространении на всю Индию бенгальского «постоянного земельного уложения 1793 г.», т. е. повсеместного установления постоянных ставок поземельного налога.

Согласительское существо программы «умеренных» раскрыто с достаточной полнотой и о ней известно значительно больше, чем о взглядах и установках «крайних». Пробелы тут еще велики, ибо «крайние», образовав в 1907 г. единую политическую организацию, фактически, после ареста Тилака в 1908 г., выступали отдельными группировками, по-разному понимавшими вопросы тактики национально-освободительной борьбы, по-разному подходившими к ее важнейшей проблеме — отношению к народным массам, основной движущей силе революционного подъема. Среди мелкой буржуазии и интеллигенции Бенгалии заметную роль играли узкие группы заговорщиков, самоотверженных смельчаков, наивно мечтавших при помощи индивидуального террора загнать английский империализм и вырвать из рук колонизаторов свободу. Но среди мелкобуржуазных националистов имелось также значительное число сторонников организованного массового действия, подготовленного пропагандой национально-освободительных идей. Такая тактика пропагандировалась в некоторых органах тилакистского направления и была осуществлена на деле в славные дни бомбейской забастовки 1908 г., когда «крайние» объединились с трудящимися массами Бомбея, совместно выступив на защиту Тилака¹⁵.

колонизаторской Индии: «Мы лучше сможем, — говорил он, — обращаться с призывом к нашему народу через посредство местных языков, чем английского. Английский язык никогда не станет языком (индийских) масс». *Bal Gangadhar Tilak. His writings and speeches. Enlarged edition, Madras, 1919, p. 327.*

¹⁵ 13—29 июня 1908 г. в Бомбее происходила забастовка всех рабочих города в защиту Б. Г. Тилака, осужденного английским судом на каторгу. Это грозное выступление самого крупного отряда индийского рабочего класса, dorosшего уже до сознательной политической массовой борьбы, протекало в тесном единении с мелкобуржуазными «экстремистами», поддерживалось большинством трудящегося населения Бомбея и сопровождалось ожесточенными баррикадными боями с вооруженными

Причины этих расхождений в лагере мелкобуржуазных радикалов можно будет со временем установить путем более точного анализа классового состава последователей Тилака и степени развития классовых противоречий в основных национальных областях Индии. Здесь мы должны ограничиться более скромной целью: показать политические взгляды Тилака и его последователей, как они отразились на страницах рассматриваемой нами индийской бесцензурной прессы 1905—1910 гг., сопоставить эти взгляды с точкой зрения «умеренных» и сделать соответствующие выводы.

История этой чрезвычайно интересной по своему политическому содержанию прессы еще не написана; не собраны воедино и биографии индийских мелкобуржуазных националистов, издателей эмигрантской печати. Поэтому не будет излишним, если мы, при рассмотрении имеющихся в яснополянской библиотеке и интересующих нас индийских журналов, сообщим несколько биографических данных об их основателях.

* * *

Издатель и фактический редактор «Свободного Хиндустана» бенгалец Таракнатх Дас родился в Калькутте в 1884 г. Его родители были по касте кайястха (писцы); занимавшие одну из верхних ступеней на кастовой лестнице. В 1906 г. двадцатидвухлетним юношей Дас эмигрировал в Северную Америку и вначале работал сельскохозяйственным рабочим. В то время в Канаде и США находилось несколько тысяч индийцев, главным образом пенджабских крестьян (сикхов по общинно-религиозной принадлежности), которые прибыли туда в поисках лучшей жизни и первоначально встречали терпимое отношение со стороны властей, рассматривавших индийских эмигрантов как дешевую рабочую силу. Таракнатх Дас сблизился со многими из этих индийцев и впоследствии опирался на их поддержку при издании своего ежемесячника.

В дальнейшем Дас занялся индийским переводчиком на иммиграционном пункте в Ванкувере, затем поступил в Сиэтлский университет, который и окончил, получив степень бакалавра в 1910 и степень магистра — в 1911 г.¹⁶ Таким образом, интересующий нас период издательской деятельности Таракнатха Даса приходится, в основном, на годы его университетского обучения.

Из газет 1908—1910 гг. мы узнаем, что Дасу удалось организовать одну из индийских революционных групп, которые в то время существовали в Америке и на континенте Европы¹⁷ и ставили себе целью ниспровержение английского владычества в Индии. В 1908 г., находясь в Ванкувере (Канада), Таракнатх Дас основал свой ежемесячник. Первые три номера вышли в Ванкувере, четвертый номер журнала был выпущен в Сиэтле (США), а с № 5 «Свободный Хиндустан» стал печататься в Нью-Йорке, хотя его редактор продолжал учиться в Сиэтлском университете.

Первый номер ежемесячника был прислан Льву Николаевичу Толстому со следующей надписью: «Графу Льву Толстому с глубоким почтением от Таракнатха Даса, 23-го мая 1908 г.».

На первой полосе этого четырехполосного листка в две колонки помещен ряд изречений, определявших в общей форме задачи и политические принципы, которыми обязывались руководствоваться издатель и редактор «Свободного Хиндустана».

силами империализма. Подробное описание и анализ событий 13—29 июля даны в статье А. И. Чичерова в сборнике Кафедры истории стран Среднего Востока восточного отделения исторического факультета МГУ (печатается). Знаменательные события бомбейской забастовки кратко изложены в ежегоднике «Индия» от 31 июля 1908 г.

¹⁶ Биография Таракнатх Даса изложена в журнале «Modern Review», Calcutta, 1952, июль.

¹⁷ См., например, перепечатку из еженедельного издания лондонского «Times» от 22 мая 1908 г., помещенную в «Free Hindustan», 1908, июль, № 4. Г. Спитх в своей книге «Landmarks in Indian constitutional and national development» (1950) сообщает, что эта группа занималась также перевозкой взрывчатых веществ в Индию.

На этой полосе мы читаем: «Свободный Хиндустан», орган свободы и политических, социальных и религиозных преобразований». Ниже: «Сопrotивление тирании есть повиновение богу» (в 1909 г. слова «повиновение богу» заменены словами «услуга человечеству и необходимость для цивилизации»). Под этим: «Каждый человек волен делать то, что хочет, при условии, что он не нарушает равной свободы любого другого человека» (Г. Спенсер. Основания этики, раздел 272). «Сопrotивление насилию не только оправдываемо, но и обязательно. Непrotивление противоречит как альтруизму, так и эгоизму» («Изучение социологии», глава 8)¹⁸.

На второй полосе, сверху первой колонки, стоит следующее пояснение: «Свободный Хиндустан». «Банде Матарам» — редактор; Таракнатх Дас — издатель¹⁹.

Сравнивая «Свободный Хиндустан», выходивший в Америке, с другим индийским ежемесячником, сохранившимся в Яснополянской библиотеке, — «Индийским социологом», — мы без труда устанавливаем почти полную идентичность политических лозунгов этих двух изданий²⁰. Одни и те же изречения из Спенсера²¹, одна и та же декларация, положенная в основу тилакистской программы обоих печатных органов, — борьба за политическое освобождение Индии. Это разительное сходство позволяет предполагать, что Таракнатх Дас был лично связан с издателем «Индийского социолога» и, во всяком случае, принадлежал к одному и тому же политическому лагерю²².

Что касается «Индийского социолога», то он был основан еще в январе 1905 г. и печатался в Лондоне; но его издатель и редактор Кришнаварма в 1908 г. переселился в Париж, опасаясь преследований со стороны английских властей.

Шьямаджи Кришнаварма был сыном малосостоятельных родителей, родом из Катча. С помощью богатого гуджаратского торговца он получил образование в лучшей английской школе Бомбея и параллельно отлично изучил санскрит. Женясь на дочери компрадора-миллионера Шетха Чхабилдаса Лаллубхайя, он породнился с одной из богатейших бомбейских семей. В 1879 г., в возрасте 22 лет, талантливый юноша был приглашен ассистентом к известному санскритологу Моньеру Вильямсу в Оксфорд. Не прекращая занятий по санскриту, он изучил юриспруденцию, а с 1883 г. стал преподавать в Оксфорде санскрит, марати и гуджарати. В 1885 г. Кришнаварма вернулся в родные края и первоначально занялся адвокатурой в Бомбее. Вскоре он добился высокооплачиваемого поста первого министра (дивана) в княжестве Ратлам. Через три года он построил на сколоченный капитал близ Аджира три хлопкомаслобойных завода, которые обеспечили ему до конца жизни значительный доход. В 1896 г. он стал жертвой типичной для колониальной Индии интриги со стороны английского чиновника. Борясь за свою реабилитацию, Кришнаварма, по предложению Тилака, передал ему документы о своей тяжбе с властями для опубликования

¹⁸ «Free Hindustan», т. I, 1908, апрель, № 1.

¹⁹ «Free Hindustan». Bande Mataram—editor, Taraknath Das — manager. «Банде Матарам» (Привет тебе [родина] мать) — начальные слова патристического гимна, написанного выдающимся бенгальским писателем Бонким Чондро Чоттопадхья.

²⁰ Текст декларативной части «Индийского социолога» (он идентичен тексту декларативной части «Свободного Хиндустана») не оставляет никакого сомнения в том, что эта декларативная часть послужила своего рода образцом для «Свободного Хиндустана».

²¹ Будучи реакционным социологом, Спенсер вместе с тем критически относился к политике британского правительства в Индии. Индийские националисты тем охотнее воспроизводили некоторые высказывания Спенсера, что последние являлись перепечатками уже опубликованных в Англии произведений, не могущих, следовательно, дать повод к репрессиям со стороны английской администрации.

²² Таракнатх Дас писал о Кришнаварме как о единомышленнике. В июньском, 3-м номере за 1908 г. он даже поместил заметку под следующим пышным заголовком: «Пророк наших национальных стремлений смело заявляет о своем кредо».

в печати. По словам биографа Кришнавармы Н. Яджника²³, арест Тилака в 1897 г. побудил Кришнаварму покинуть Индию и обосноваться в Европе, чтобы использовать существовавшие в то время легальные возможности и создать печатный орган для защиты поправных прав угнетенной Индии. Таким органом и должен был стать «Индийский социолог».

Изложенные здесь факты биографии Кришнавармы не могут, разумеется, вызвать в нашем представлении образ борца за независимость. Но из биографии Кришнавармы известно и многое другое, характеризующее его как своеобразного и достаточно заметного представителя радикальной части индийской эмиграции. Известно, например, что он был связан с лучшими людьми своей родины, начиная от Свами Даянанда Сарасвати и кончая Б. Г. Тилаком; известно, что он поддерживал контакт с ирландскими синфайнерами и с некоторыми деятелями международного рабочего движения. Он сблизился, например, с Гайдманом, когда тот еще не повернул к шовинизму, и разоблачал колониальную политику Англии в Индии.

Политические взгляды Кришнавармы далеко не отличались последовательностью и устойчивостью. Но в интересующий нас период он стоял на позиции «крайних» и следующими словами определял свои политические убеждения: «Обладание Индией... по праву принадлежит народу Индии. Лишь он, и никто кроме него, является владельцем земли и законодателем этой страны. Все законы, не изданные им, подлежат отмене, и все права на землю, не дарованные или не подтвержденные им, являются недействительными. И это полное право на обладание может и должно быть утверждено и осуществлено любыми средствами, которые божественная воля предоставила во власть человека»²⁴.

Индийской освободительной борьбе Кришнаварма отдал солидную часть своих весьма значительных материальных средств. Основав ежемесячник «Индийский социолог», он в том же, 1905 г. открыл в Лондоне «Дом Индии» (India House), который около четырех лет служил местом встречи и объединения индийцев, главным образом молодежи, проживавшей или обучавшейся в Англии или в других странах Западной Европы. По воспоминаниям М. П. Павловича и по биографии Кришнавармы, написанной Н. Яджником, можно также установить, что Кришнаварма знал русских революционеров-эмигрантов в Париже²⁵ и что он обменивался письмами с А. М. Горьким.

И все же Кришнаварма, как и подавляющее большинство индийских мелкобуржуазных националистов, оставался чужд пролетарскому мировоззрению, хотя соприкасался с его посетителями. Взгляды мелкобуржуазного национализма отгораживали Кришнаварму, как глухой стеной, от марксизма, а международное рабочее движение интересовало его лишь постольку, поскольку оно могло способствовать достижению политических целей индийских «экстремистов»²⁶. Однако тот факт, что индийская радикальная эмиграция вплоть до первой мировой войны даже не подозревала о значении и роли рабочего класса в индийской и мировой политической жизни, объясняется не только субъективными, но и объективными причинами. Индийский пролетариат выступил на арену политической борьбы впервые только в июле 1908 г.; при этом даже бомбейские сторонники Тилака, непосредственные участники и руководители июльской забастовки, не могли понять классового характера этого

²³ Биографические данные, относящиеся к Кришнаварме, взяты из книги Индулала Яджника Shyamaji Krishnavarma. Life and times of an Indian revolutionary. By Indulal Yajnik. With a foreword by Sarat Chandra Bose. Bombay, 1950, XV, 385 p.

²⁴ «Indian Sociologist», 1908, июнь, № 6.

²⁵ М. П. Павлович. Революционные силуэты (индусская эмиграция в Париже, 1909—1914). «Новый Восток», 1925, т. VII.

²⁶ Другим примером «утилитарного подхода» служит спенсеризм Кришнавармы. Поклонником Спенсера он выступал в первую очередь потому, что находил в некоторых работах этого позитивиста немало критических высказываний по адресу английской политики в Индии.

знаменательного события. Для них рабочие представляли просто территориально хорошо организованную часть городского населения.

Уже указывалось, что «Индийский социолог» послужил своего рода образцом для «Свободного Хиндустана». Вместе с тем этот последний являлся (как значилось в первом номере) изданием под редакцией «Банде Матарам» — одного из ведущих органов бенгальских «экстремистов», выходившего в Калькутте. Сомнительно, чтобы редактор «Банде Матарам» мог оказывать какое-то влияние на текущую работу ежемесячника Таракватх Даса, но для нас важен самый факт идейной и политической взаимосвязи между эмигрантским ежемесячником и калькуттским органом бенгальских мелкобуржуазных националистов. Следует добавить, что «Банде Матарам», запрещенный английскими властями в Индии, также превратился с сентября 1909 г. в орган индийской эмиграции и начал выходить на английском языке в Париже (формально это издание считалось женевающим)²⁷. Политическое кредо этого ежемесячника следующим образом изложено в его первом номере от 10 сентября:

«Мы полагаем, что поработенный народ должен пройти через три этапа; прежде чем он сможет включиться в круг равноправных наций (establish himself a member of the comity of nations)...

1. Моральная и интеллектуальная подготовка. В этот период работники должны возвысить характер народа и разъяснить ему принципы, управляющие безотказно действующим социальным организмом. Сердца трусливых должны быть очищены, инстинкты эгоизма и жадность — истреблены, равнодушные к возвышенным интересам — уничтожены в корне. Рабский дух должен исчезнуть до того, как можно будет покончить с самим рабством...

2. Вторым этапом явится война. Надо расчистить путь для установления свободного и суверенного государства, которым правит народ. Обломки старого режима должны быть убраны, и единственная сила, способная выполнить это дело, есть меч. Ни один подвластный народ не добывал свободу без войны, без войны не на жизнь, а на смерть с иноземными властителями. Тот, кто говорит народу, что этот принцип ошибочен, есть либо глупец, либо обманщик.

3. После войны начнется работа по реконструкции и консолидации...

За Мадзини — Гарибальди, за Гарибальди — Кавур. Так же должно произойти и у нас. Сперва — добродетель и мудрость; затем — война; и наконец, — независимость²⁸.

Свою связь с «Банде Матарам» «Свободный Хиндустан» подчеркивал неоднократно. В октябрьском номере за 1908 г. «Свободный Хиндустан» дал характеристику экстремистского движения, цитируя именно калькуттский орган. «Сила нового движения в Индии, — писал «Банде Матарам», — заключается в его высшем идеализме. Это не просто экономическое движение, хотя оно открыто стремится к экономической реконструкции страны. Это не просто политическое движение, хотя оно смело высказалось за абсолютную политическую независимость. Это глубоко духовное движение, целью которого является не только развитие экономики и достижение политической свободы, но эмансипация, во всех смыслах этого понятия, мужчин и женщин Индии».

Таким образом, мы отметили здесь три печатных издания, отражавшие взгляды

²⁷ Запрещение было издано в конце 1908 или в начале 1909 г. Еще в октябре 1908 г. «Свободный Хиндустан», цитируя «Банде Матарам», указывал, что речь идет о калькуттском издании.

²⁸ Цит. по *I. Yajnik*. Указ соч., стр. 274. К сожалению, автор не привел полный текст декларации и ограничился только вышеприведенными выдержками. — В этом тексте Мадзини, Гарибальди и Кавур не представляют собой реальных деятелей, отставивших политические интересы различных общественных группировок. Здесь они — символы, характеризующие этапы абстрактно понятого движения, отличавшегося якобы полным внутренним единством и «естественно» завершившегося установлением независимости Италии.

индийских мелкобуржуазных националистов и идейно связанные между собой. Более подробно мы остановимся теперь на анализе ежемесячника «Свободный Хиндустан», поскольку он достаточно полно представлен в Яснополянской библиотеке.

В первом номере «Свободного Хиндустана» помещено обращение «к последователям Банде Матарам», т. е. в более широком смысле к сторонникам освобождения Индии, а в более узком — к непосредственным читателям калькуттского (в то время) ежемесячника. В обращении, в частности, говорилось, что главная задача нового печатного органа — служить посредником для обмена мнениями и «показать цивилизованному миру подлинное положение в Индии». Обращение заканчивалось призывом сотрудничать в журнале и оказывать ему материальную помощь²⁹. В дальнейшем, в конце едва ли не каждого номера, печатался список пожертвователей и расходов по выпуску ежемесячника. По понятным причинам имена жертвователей объявлялись редко; кроме того, многие взносы были, как это видно из отчета, коллективными. Но по месту происхождения полученных денег (США, Англия, Наталь, Трансвааль и т. п.), по общим собранным по крупницам суммам (20—30 ф. ст. в месяц) можно установить, что «Свободный Хиндустан» пользовался известностью и популярностью среди индийских эмигрантов, притом среди их малоимущей, демократической части.

На страницах «Свободного Хиндустана» сформулированы политические установки «крайних» в период революционного подъема и непосредственно после него в первые годы реакции (1909—1910 гг.). Прежде всего следует подчеркнуть, что для «Свободного Хиндустана» Тилак был великим национальным вождем³⁰. Это отношение к выдающемуся руководителю национально-освободительного движения Индии разделяли все вышеупомянутые органы мелкобуржуазных националистов. Но по ряду вопросов (о будущем устройстве Индии, о революционном напильнике и роли «народных масс») они высказывались более определенно и более решительно, чем их признанный идейный вождь. Вообще следовало бы подчеркнуть, вопреки существующим в советской литературе мнениям, что «крайние» имели конкретную политическую программу³¹. Она, в частности, изложена в первых номерах «Свободного Хиндустана».

Мелкобуржуазные националисты-эмигранты стремились к достижению буржуазно-демократического идеала государства — к буржуазной федеративной республике. В третьем номере «Свободного Хиндустана» помещена «Священная декларация прав», начинающаяся пространной выдержкой из «Декларации прав человека и гражданина». Указав далее, что «природа сотворила всех людей свободными и равными, а различия, необходимые для социального порядка, основаны исключительно на общественном благе», «Свободный Хиндустан» излагал ту часть программного документа французской буржуазной революции, которая провозглашает равенство всех людей перед законом, устанавливает идею народного суверенитета и определяет назначение верховной власти как блюстителя общественного блага. Далее «декларация» указывала на необходимость разделения законодательной и исполнительной власти, пропорционального налогового обложения и на право нации пересмотреть конституцию, в случае необходимости. «Декларация» заканчивалась следующими словами: «Индийские братья, воспряньте ото сна и мужественно боритесь за священные права человека, но помните твердо, что мы их не добудем, если не добьемся предварительно свараджа, т. е. абсолютного самоуправления»³².

²⁹ «Free Hindustan», 1908, апрель, № 1.

³⁰ «Free Hindustan», 1908, август, № 5.

³¹ В советской литературе высказывалась другая точка зрения. Она отрицает наличие у «крайних» определенной политической программы. См., например, «Новую историю стран зарубежного Востока». М., 1952 (в редактировании которой автор этих строк принимал участие), стр. 289. — См. также *Т. Ф. Девяткина*. Образование и деятельность организации Гадр в годы первой мировой войны. «Краткие сообщения Института востоковедения АН СССР», вып. 15, М., 1955, стр. 52.

³² «Free Hindustan», 1908, июнь, № 3, статья «Священная декларация прав».

«Свободный Хиндустан» выступал также за бесплатное обязательное и всеобщее обучение»³³, за «физическое, умственное и нравственное возрождение, проникнутое идеей абсолютной национальной независимости»³⁴.

Выше указывалось, что государственное устройство будущей Индии представлялось «Свободному Хиндустану» в виде республики. Естественно, что ее первым главой «Свободный Хиндустан» мечтал увидеть Тилака. В статье «Как проявить сочувствие нашим патриотам-мученикам», сообщавшей об осуждении Тилака на каторгу, ежемесячник писал: «Тилак, этот герой, достойный быть президентом великой республики Соединенных штатов Индии, подлежит изгнанию. Но будут ли вместе с ним изгнаны его мысли и действия? Так скажем же: нет, пока мы живы, они не умрут!»³⁵

То, что эмигрантские группы «крайних» располагали собственной программой политических и культурных преобразований, вытекает также из их отношения к реформе Морли-Минто. Эта «Конституционная» реформа, по существу рассчитанная на подрыв национально-освободительного движения путем противопоставления друг другу главных религиозных общин Индии — индуистов и мусульман (создание особой мусульманской избирательной курии) была покорно принята «умеренными». «Крайние» же отвергли это очередное мероприятие английских колонизаторов с чувством глубокого негодования. В статье, озаглавленной «Подлинный дух реформы лорда Морли», «Свободный Хиндустан» возвысил свой голос против «умеренных» и правильно раскрыл реакционный смысл реформы: «Молодая Индия, — писал он, — мы торжественно заявляем, что те люди, которые хотят убедить Вас, что реформа лорда Морли приведет нас к свободе, являются либо глупцами, либо обманщиками. Не следуйте же за глупцами, и не верьте предателям-обманщикам!»³⁶

Известно, что позднее многие из «крайних» проявили в этом и других политических вопросах индийского революционного движения серьезные колебания или перешли в лагерь «умеренных»; в 1914 г. даже Тилак выразил готовность признать, что реформа Морли-Минто означает «заметное повышение доверия между управляемыми и управляемыми»³⁷. Но в рассматриваемый нами период «крайние» (и в их числе — издатель «Свободного Хиндустана») еще не утратили веры в свои достаточно определенные и несомненно прогрессивные политические идеалы.

Возникает, однако, вопрос: каковы по мнению мелкобуржуазных националистов должны были быть средства, при помощи которых они собирались воплотить свои идеалы в жизнь. Вопрос о взглядах «крайних» на применение революционного насилия и на роль масс в будущей революции остается, вероятно, наиболее неясным. Здесь делается попытка отметить то новое, что удалось найти в индийской эмигрантской печати по этому важнейшему вопросу.

Мы не беремся судить, хотел ли вождь мелкобуржуазных националистов Тилак ограничиться тактикой бойкота или пойти в определенных обстоятельствах дальше, держа куре на антианглийское вооруженное восстание. Во всяком случае мы знаем, что в особых условиях колониальной Индии Тилак был вынужден выражать свои наиболее сокровенные мысли языком иносказаний или прибегать к параллелям из истории средневековой Индии, косвенным ссылок на 1857 г. и т. п., воздерживаясь от прямого изложения своей позиции в этом важнейшем вопросе. Так, например, в своей программной декларации от 2 января 1907 г., излагавшей принципы или догматы новой, созданной им экстремистской партии, Тилак заявил, что прошениями к правительству и апелляциями к британскому парламенту Индия ничего не добьется. Историческим

³³ «Free Hindustan», 1908, август, № 5, статья «Цель британской политики в области просвещения — держать народ Индии в темноте».

³⁴ «Free Hindustan», 1908, август, № 5, статья «Британское управление в Хиндустане — причина нашей моральной деградации».

³⁵ «Free Hindustan», 1908, сентябрь, № 6.

³⁶ «Free Hindustan», 1909, ноябрь — декабрь, № 9—10.

³⁷ B. G. Tilak. Указ. соч., стр. 391.

доказательством этого может служить прокламация королевы от 1 ноября 1858 г., продиктованная «необходимостью умиротворения» восставшей страны, но не осуществленная, ибо «исчезли условия, в которых она была издана»³⁸.

За границей «крайние» излагали свои политические воззрения более свободно, чем в Индии. В 1908 г. в лондонском «Доме Индии» состоялось собрание индийских студентов, посвященное 51-й годовщине событий 1857—1859 гг.³⁹ В тексте приглашения билетов речь шла без обиняков о годовщине «Индийского национального восстания», а в порядок дня собрания были включены «Национальная молитва» и поминовение императора Бахадур-шаха, Пана Сахиба, Лакшми Бан, Маульви Ахмада «и других мучеников»⁴⁰. На собрании раздавалась листовка, прославлявшая восстание 1857 г. В ней, в частности, говорилось: «Война, начатая 10 мая 1857 г., не закончена 10 мая 1908 г., и не будет закончена до тех пор, пока в новое 10-е мая не свершится судьба, и прекрасная Индия не будет увенчана либо сиянием славы, либо венком мученичества...» «То что Доаб и Айодхья (т. е. население междуречья Ганга и Джамны и Ауда. — Н. Г.) смогли сделать в месячный срок, одновременное, внезапное и решительное восстание всего Хиндустана сможет выполнить в один день. Эта надежда светится в наших сердцах и обеспечивает нам успех...»⁴¹.

Повестка дня собрания, отмеченная религиозной мистикой и наивным желанием объединить во имя «общих» национально-освободительных целей такие взаимоисключающие фигуры, как вдохновитель народного восстания в Ауде Маульви Ахмад и безвольный последыш Великих моголов Бахадур-шах; патриотическая листовка, проникнутая страстной, чисто бунтарской верой в возможность молниеносного и провержения колониального режима — все это, во всяком случае, написано искренними сторонниками революционного действия.

Таковыми же сторонниками насильственного сокрушения английской власти в Индии выступали «Банде Матарам» и «Свободный Хиндустан». Однако, в отличие от «экстремистов „Дома Индии“», «Свободный Хиндустан» считал вопрос об антианглийском восстании делом долгой, мучительной, но неизбежной борьбы. В статье «Народные права могут быть добыты лишь в непрерывной борьбе, а не петициями»⁴², «Свободный Хиндустан» доказывал, ссылаясь на исторический опыт человечества, что «никогда народные права не предоставлялись народу до тех пор, пока он в своей массе не восставал против произвола бюрократии и не заставлял ее признать верховную власть народа». Подчеркнув, что такой путь исторического развития до сих пор всегда требовал громадных усилий и не менее тяжелых жертв, и сославшись в качестве доказательства на революции в Англии, Америке и Франции, на восстание 1775—1785 гг. в Бенгалии и на индийское народное восстание 1857—1859 гг., «Свободный Хиндустан» задавал вопрос: не примет ли борьба Индии за независимость менее насильственный характер, ибо она происходит не в средние века, а в XX в. И в ответ на это «Свободный Хиндустан» заявлял: «Глядя на борющиеся массы современной России, Персии, Турции, Египта и Китая, мы все же порой возвращаемся к мысли о неизбежности тяжелой борьбы. Иногда мы склонны думать, что если народы России, Персии и других стран вынуждены вести такую борьбу, хотя ими управляют соотечественники, то наша борьба должна быть еще более суровой, ибо нами управляют иностранцы...»

Таким образом, «Свободный Хиндустан», выражая взгляды индийских мелко-

³⁸ Прокламация обещала всем индийцам свободный доступ к государственным должностям; но в первую очередь она являлась гарантией, выданной феодальному классу Индии на сохранение его прав и привилегий. Тилак имел прежде всего в виду обещание королевы, данное индийцам и оставшееся мертвой буквой. См. B. G. Tilak. Указ. соч., стр. 61—62.

³⁹ «Indian Sociologist», 1908, июль, № 7.

⁴⁰ Цит. по I. Yajnik. Указ. соч., стр. 251.

⁴¹ Там же, стр. 253—254.

⁴² «Free Hindustan», 1908, октябрь, № 7.

буржуазных националистов, открыто выступал сторонником революционного действия как решающего средства для уничтожения колониального режима. В подтверждение своей правоты «Свободный Хиндустан» ссылался на уроки великих событий в России и в странах пробудившейся Азии.

Мысль о необходимости насильственного низвержения иноземной власти свдывалась в умах индийских мелкобуржуазных националистов с идеей всенародного восстания. На страницах «Свободного Хиндустана» (так же как и на страницах «Банде Матарам») речь шла о предварительной подготовке народных масс к сознательной борьбе во имя освобождения родины. Как мы видели из приведенных выше высказываний, идея всенародной борьбы с колонизаторами в той или иной форме была присуща индийскому мелкобуржуазному национализму, и ею, несомненно, руководствовалась значительная часть индийской эмиграции. В самой Индии эта идея в отдельных случаях стала, как уже указывалось, осуществляться на практике. Наглядной иллюстрацией такого эпизодического соединения борьбы, которую вели «крайние», с движением народных масс может служить изложенная в «Свободном Хиндустане» история создания «пароходной компании свадеши» в южноиндийском порту Туттикорин. Рассказ этот поучителен и в другом отношении. Он говорит об эпизоде национально-освободительного движения на крайнем юге Индии.

Один из активных тилакистов Туттикорина адвокат Чидамбарам Пиллаи и два других мелких предпринимателя организовали пароходную компанию, пожелавшую вступить под лозунгом «свадеши» в единоборство с английским пароходством, обслуживавшим южноиндийские порты. Власти арестовали Чидамбарам Пиллаи и его товарищей и отправили их в окружной центр Тиневелли, где заключили в тюрьму. Этот акт произвола дал толчок целому ряду событий: в знак протеста торговцы Туттикорина закрыли свои лавки и отправились в Тиневелли в сопровождении толпы в четыре тысячи человек. Толпа напала на муниципалитет, уничтожила его делопроизводство, разнесла базар, разгромила полицейский участок, освободила заключенных, сожгла судебные дела. Полиция открыла огонь по толпе, убив четырех. В город были вызваны войска⁴³.

К мысли о непосредственном обращении к широким народным массам отдельные группы мелкобуржуазных националистов пришли еще в 1906—1907 гг., но наиболее важным практическим шагом в этом направлении была уже упоминавшаяся выше забастовка 1908 г. в Бомбее. Бомбейский рабочий класс был той силой, которая привела к единству действий мелкобуржуазных националистов Бомбея с народными массами города⁴⁴. Но этот союз не был продолжительным и прочным, ибо политическое руководство движением находилось в руках мелкой буржуазии, а не рабочего класса Индии.

В 1909 г. в стране восторжествовала реакция. «Умеренные» пошли на поклон к английскому империализму. «Крайние» же продолжали борьбу в одиночку, сосредоточив главные усилия на заговорщической и террористической деятельности. Они утратили тот контакт с массами, который, несмотря на свой временный и местный характер, вызвал в 1908 г. подъем национально-освободительного движения на принципиально новую, более высокую ступень, невиданную до тех пор в Индии.

Практическая боевая связь с массами была потеряна; однако сама идея революционного насилия продолжала жить, продолжала существовать и вера в возможность поднять народ против векового врага. Более того, некоторые лидеры «крайних» стали приходить к мысли о необходимости широкой постоянной организации массового движения именно в период реакции. Что касается «Свободного Хиндустана», то он продолжал настойчиво указывать на важное значение народных

⁴³ «Free Hindustan», 1908, май, № 2. Статья «Воздадим почести мученикам». Месть английского правительства обрушилась прежде всего на Чидамбарам Пиллаи. Он был осужден на бессрочную ссылку. См. «Free Hindustan», 1908, август, № 5.

⁴⁴ Это хорошо показано в вышеупомянутой статье А. И. Чичерова.

масс в борьбе против колониального режима. Цитируя Мадзини, «Свободный Хиндустан» подчеркивал, что «все движения за освобождение человечества должны считать своей главной опорой трудящиеся массы, а их благо — своей общей целью»⁴⁵.

Но в представлении мелкобуржуазных националистов народ был и оставался лишенной «национального сознания» немой и безликой, страдающей человеческой массой, которую «образованным людям» предстояло разбудить, просветить в духе крайнего национализма и поднять на бой с иностранными поработителями. Показательна в этом отношении вышеприведенная декларация «Банде Матарам». В известной мере с ней перекликается и статья «Новогоднее обращение к нашим соотечественникам», помещенная в «Свободном Хиндустане»⁴⁶. Необычно оформление статьи: над ее заголовком воспроизведена известная картина «Английская казнь в Индии» с подписью, указывающей, что тема картины относится к 1857 г. и что она принадлежит кисти «великого русского художника Верещагина». Далее «Свободный Хиндустан» писал: «Эти люди любили независимость не менее других. Они сражались за свободу Индии и не убоялись смерти. Им — мученикам нашего народа — воздаем мы почести». Под этим текстом следовала статья, посвященная вопросу о том, какие силы можно противопоставить политической реакции, воцарившейся в Индии. Отметив увеличение численности британских войск и фактическое введение в стране военного положения, журнал подчеркивал, что позиции англичан окажутся очень непрочными, «если наш народ перестанет сотрудничать с ними в ограблении страны». Однако, по мнению «Свободного Хиндустана», «индийские солдаты и простой народ по-настоящему не понимают пагубные последствия помощи, оказанной ими британскому правительству против индийских националистов. Так, для того чтобы напомнить об этом нашим братьям на родине и за границей, мы воспроизводим картину, на которой изображен расстрел наших праотцов из пушек. Просвещенные молодые хиндустанцы, храбрые сикхи, преданные раджпуты, воинственные мусульмане и свободолюбивые мараты, неужели вы снова поможете британской власти и сыграете роль предателей?» В заключение «Свободный Хиндустан» обращался к «образованным братьям, находящимся в Индии», напоминая им призыв Мадзини идти в народ и рассказать трудящимся о их законных правах, «о тысяче видов угнетения, о которых они находятся в неведении, потому что никто им на них не указывает...».

Читая потускневшие страницы «Свободного Хиндустана», можно без труда убедиться, что после разгрома революционного движения в Индии, после компромисса, заключенного либеральной буржуазией и помещиками с английским империализмом, эмигрантские группы «крайних» продолжали верить в возможность победы над колониальным режимом. Идея всенародного восстания попрежнему жила в умах и сердцах индийских изгнанников и их единомышленников в Индии.

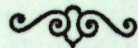
В отличие от Европы второй половины XIX в., где, как указывал Ленин, иллюзии буржуазных республиканцев тормозили насущное дело продолжения революционной работы при новых, изменившихся условиях, — в Индии начала XX в., в наступившие годы реакции иллюзии о скором торжестве объединенных национальных сил, не утратили своего прогрессивного характера. Вместе с тем именно в этих иллюзиях нашла свое законченное выражение самая слабая сторона учения Тилака — игнорирование того, что как бы колониальный режим ни угнетал народ, в нем, в народе, существует классовая рознь. Мелкобуржуазные националисты выдвинули политическую программу, отличавшуюся полным пониманием значения политической свободы и отмеченную демократизмом и революционностью. Но борьба с феодально-помещичьим классом, с феодальной эксплуатацией, главным в Индии видом угнетения народных масс, лишь эпизодически становилась предметом внимания «крайних», и их экономическая программа (как она выражена в известных нам речах и статьях Тилака и эмигрантской прессе) мало чем отличалась от установок «умеренных».

⁴⁵ «Free Hindustan», 1909, январь-февраль, № 9.

⁴⁶ Там же.

Тем не менее было бы ошибкой не видеть огромной принципиальной разницы, которая имела место между «умеренными», сторонниками соглашательской политики, и «крайними», поставившими себе целью освобождение Индии путем революционного действия и с помощью народных масс. Правда, лозунг решительной борьбы с колониальным режимом и за установление буржуазной республики не стал одновременно лозунгом борьбы за демократическое разрешение аграрного вопроса. В этом заключалась двойственность идеологии «крайних», в этом они резко отличались от русских буржуазных демократов XIX в. и китайских — начала XX в. Увидеть это, особенно в историческом аспекте истекшего полувека, дело не трудное. Гораздо сложнее, однако, объяснить отмеченную здесь двойственность идеологии индийского мелкобуржуазного национализма. Сделать это можно будет лишь путем тщательного и всестороннего изучения революционного подъема 1905—1908 гг. и его социально-экономических предпосылок, лишь выяснив применительно к Индии вопрос «о соотношении демократизма и народничества в современных буржуазных революциях Азии»⁴⁷.

Таковы выводы, которые позволительно сделать после ознакомления с индийской бесцензурной прессой, хранящейся в библиотеке яснополянского дома-музея Льва Николаевича Толстого.

К ПОЛОЖЕНИЮ РЕМЕСЛЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА В СОВРЕМЕННОМ АФГАНИСТАНЕ

Р. Т. АХРАМОВИЧ

Фабрично-заводская промышленность Афганистана развита слабо. Она лишь на 10—15% удовлетворяет потребности населения в промышленных товарах первой необходимости. Подавляющая часть нужных стране промышленных товаров импортируется, в основном, из капиталистических стран.

Наводнение Афганистана иностранными потребительскими товарами крупной капиталистической промышленности оказывает разрушительное воздействие на афганское кустарно-ремесленное производство, в котором занята значительная часть населения страны (до 150 тыс. семей). «Производительная сила нашей кустарной промышленности... под влиянием сбыта иностранных товаров чрезвычайно уменьшилась», — отмечает газета «Ислях». «До 1921—1922 гг. 60% населения Афганистана изготовляло себе одежду из местных товаров ручного ремесленного производства... Сейчас стало обычным, что 90% населения использует для изготовления одежды импортные ткани». Отмечая, что ручная промышленность, игравшая в XIX в. важнейшую роль в производстве страны, в настоящее время на 90% разрушена, бывший министр национальной экономики Афганистана Абдул Маджид-хан в статье «Наши экономические трудности и борьба с ними» признал, что разорение ремесленников вызвано наплывом импортных товаров¹.

Уцелевшее в стране кустарное производство повсеместно (за исключением отдаленных районов) полностью утратило свой средневековый облик. Ремесленное производство из простого товарного хозяйства превратилось в значительной части в капиталистически организованное производство.

Скудные данные об афганском кустарном производстве все же позволяют установить, в частности, одну из наиболее характерных особенностей мануфактуры. Эта особенность состоит в самой тесной и неразрывной связи между торговым и промышленным капиталом. Большинство «кустарей» — капиталистически эксплуатируемые рабочие, однако зависимость производителя от капиталиста принимает разнообразные формы.

По данным «Краткого доклада о состоянии ручной промышленности», в таких крупных центрах афганского ковроткачества, как Ахча, Доулятабад и Гиссар, самостоятельно заготавливают сырье и работают на свои средства лишь «некоторые ткачи»². Как видно из «Доклада», в большинстве случаев сырье заготавливают купцы-заказчики, владельцы мастерских или старшины ткачей. Когда ковер выткан, плату устанавливают следующим образом: назначается «беспристрастная» комиссия, которая и оцени-

¹ См. «Ислях», 15—17 ноября 1947 г., 22 мая, 1 и 2 июня 1949 г.

² См. «Ислях», 1—9 октября 1953 г. Автор «Доклада» — чиновник министерства национальной экономики М. Ареф Гуси в 1952 г. сопровождал приглашенного министерством «специалиста ООН», посетившего «в целях обследования» все важные районы ручного производства Афганистана.

вает ковер, после чего половина суммы, в которую оценен ковер, выдается ткачу в качестве платы. Автор «Доклада» констатирует далее, что хотя этот способ оплаты представляется справедливым, все же, как выясняется в результате подсчета, ткачи не получают никакой выгоды. Вся прибыль идет в карман артельщиков и купцов. Только на изготовление одного двухметрового ковра у двух-трех человек уходит более двух месяцев и, кроме того, почти полтора месяца тратится на промывку и придание шерсти. Поэтому, как показывают расчеты, заработок ковроделов не превышает четырех афгани в день. Между тем, отмечается в «Докладе», в большинстве районов коврового производства ткачи работают с утра до вечера.

Подобные отношения наблюдаются и в ткацком ремесле. В Фаррахе, который именуется в «Докладе» главным районом ткачества, действует свыше тысячи станков. Многие жители Фарраха заняты в ткацком ремесле. Однако не все они имеют собственные станки. Ткачи в большинстве работают за плату³. Себестоимость одного куска — 13 афгани, а продажная цена его — 20 афгани. Поскольку стоимость пряжи равна 10 афгани, а заработок рабочего — 3 афгани, доля купца более чем в два раза превышает долю производителя. Об условиях труда ткачей «Доклад» сообщает: «Комнаты и помещения, где находятся люди, совершенно не отвечают санитарным требованиям в отношении как постройки, так и чистоты. Рабочие помещения ткачей очень темные и грязные».

Операции купцов-посредников по снабжению сырьем и скупке изделий совмещаются с кабалой и ростовщичеством. Производитель берет материал в долг и расплачивается изделиями. В результате крупный скупщик-мануфактурист получает такую высокую прибыль на свой капитал, которую он не мог бы получить при эксплуатации наемных рабочих. «Организация рынка ручной промышленности в Афганистане такова, — гласит «Доклад», — что преобладающая часть барыша идет в карманы посредников и торговцев, а бедные производители получают только небольшую часть прибыли».

В Афганистане распространен и такой вид капиталистической работы на дому, как переработка за сделанную плату фабричной пряжи. В «Докладе» отмечается, что текстильные фабрики в Джабаль-ус-Сирадже и Пуль-и-Хумри имеют коммерческие связи с индивидуальными ткачами и предоставляют им пряжу. При этом фактическая монополизация крупнейшей акционерной компанией «Насаджи» переработки хлопка в стране привела к тому, что «в настоящее время все ткачи Афганистана в снабжении пряжей находятся в исключительной зависимости от фабрик в Пуль-и-Хумри и Джабаль-ус-Сирадже, имеющих, повидному, в этом отношении монополию».

Из материалов отчета явствует, что в районах, прилегающих к фабрикам, владельцы последних сами действуют в качестве скупщиков, непосредственно снабжая ткачей пряжей и забирая у них готовые ткани. Использование труда ткачей-падомников открывает для компании «Насаджи» возможности увеличивать продукцию без значительных капитальных затрат, которых требует строительство предприятий, позволяет расширить сферу эксплуатации трудящихся крупным капиталом. В этих целях компания пошла даже на создание при фабриках специальных «цехов ручного ткачества», где ремесленник выступает уже как наемный рабочий, перерабатывающий фабричную пряжу на принадлежащем фабрике ручном станке. В «Докладе» сообщается, что компания «Насаджи» намерена расширить уже существующие при текстильных фабриках в Пуль-и-Хумри и Джабаль-ус-Сирадже «цехи ручного ткачества».

Снабжение фабричной пряжей ткачей в удаленных от предприятий районах осуществляется посредниками, которые берут пряжу оптом, раздают ее по частям и скупают готовую продукцию. В «Докладе» прямо, хотя и в общих словах, сообщается о деятельности этих «посредников-купцов», которая крайне ухудшает положение ремесленников. Педаром автор «Доклада» находит необходимым заявить в своих выводах, что для поднятия жизненного уровня ремесленников всех отраслей ручного

³ Пряжа через многочисленных посредников поступает с текстильной фабрики в Пуль-и-Хумри.

производства надо, «чтобы производители отстрашили руки посредников и сами доставляли на рынок соответствующую продукцию», а также заготавливали сырье.

Крайне скудные данные о кустарном производстве в современном Афганистане говорят все же о том, что в этом производстве занята значительная масса капиталистически эксплуатируемых рабочих. Однако в условиях общей экономической отсталости Афганистана, в результате распыленности рабочих на дому и деятельности «купцов-посредников» в кустарном производстве процветают кабала, разнообразные формы личной кабальной зависимости.

Фактически монополично действующий в стране крупный торговый, отчасти промышленный, капитал прибирает к рукам те отрасли афганского ремесла, которые открывают ему дополнительные источники обогащения. Осуществляемый местными компаниями (ширкетами) ввоз продукции иностранной промышленности, губительно отражающийся на ремесленном производстве страны, облегчает эту деятельность крупного капитала. Наплыв импортных товаров ведет к тому, что ремесленник встречается с растущими трудностями при реализации своих изделий; а следовательно, и при закупке необходимого ему сырья. Так, газета «Ислях» отмечала, что «работники домашних промыслов», «ввиду отсутствия денег для покупки и заготовки сырья и материалов, постоянно волнуются из-за финансовых затруднений»⁴. Однако крупный капитал, действующий главным образом в области внешне-торговых операций, интересуется прежде всего теми отраслями ремесла, которые открывают возможности расширения экспортной торговли. Важнейшей из этих отраслей в Афганистане является ковроткачество, до 60% продукции которого экспортируется. Об ориентации производства ковров на внешний рынок имеются прямые указания. Сообщая, что «ковроделы Шибиргана в последние годы изменили краски и рисунки на афганских коврах, подражая иностранным коврам», автор «Доклада» предлагает пригласить иностранных специалистов, которые помогли бы «удовлетворить вкусы иностранных покупателей и придать нашим коврам большее соответствие существующей в Европе и Америке моде, в результате чего расширился бы сбыт ковров».

Подчинение коврового производства Афганистана крупному капиталу происходит в форме создания мануфактур — так называемых «кооперативов ручной промышленности», в которых владельцы капитала скупают собственников мелких мастерских не только деньгами, но и сырьем, красками и т. п. и монополично скупают готовую продукцию. Интерес крупного капитала к созданию подобных «кооперативов» проявился в одном из выступлений бывшего министра экономики, призванного в 1949 г. к организации «кредитования ремесленников», к созданию «кооператива ручной промышленности и одновременно — учреждения по экспорту изделий ремесла, таких как ковры, шелк, вышивки, резьба по камню»⁵. В 1950 г. «Ислях» опубликовала статью, в которой говорилось о необходимости создания «ковроткацкого промышленного учреждения»⁶. Отметив, что производство ковров, которое является одной из важнейших отраслей ремесла, поставляющей важную экспортную продукцию страны, осуществляется исключительно индивидуальными методами, автор статьи выступил за изменение этих методов и создание на средства крупных торговых обществ ковроткацких компаний. Согласно «Предложению» автора, «ковроткацкие компании должны давать под небольшой процент денежные ссуды лицам, знающим ковровое ремесло, но не могущим преуспевать в нем из-за отсутствия средств. Лица, получившие ссуду, будут приобретать шерсть, краски и другие необходимые им материалы». Таким образом, указывается далее, «можно будет ежедневно или ежемесячно забирать изделия у известного числа немущих и других лиц и развивать дело...». Как предполагает

⁴ «Ислях», 12 мая 1954 г.

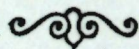
⁵ «Ислях», 2 июня 1949 г.

⁶ М. Шир-Назар-Бахтияр. Предложение о создании ковроткацкого промышленного учреждения. «Ислях», 1 июля 1950 г.

автор статьи, компании и сами смогут по низкой цене закупать шерсть внутри страны и краску за границей, что удешевит производство ковров. Однако создание компаний не ведет к изменению производственной базы афганского ковроткачества, попрежнему основывающегося на ручной технике, характерной для мануфактуры. «Для расширения этого ручного производства (коврового. — Р. А.) мы не имеем надобности в каких-либо иностранных машинах», — подчеркивается в «Предложении». В настоящее время акционерные «компании ручной промышленности» на указанных выше началах существуют, в частности, в Меймене и Анджое⁷.

Таким образом, несмотря на разрушительное воздействие иностранного импорта, в целевых отраслях афганского кустарного производства складываются и развиваются капиталистические отношения. Развитие капитализма в кустарном производстве происходит под все большим контролем и воздействием крупного торгово-промышленного капитала и его фактически монопольных акционерных объединений.

Развитие на капиталистических началах кустарного производства происходит по двум направлениям. Развитие некоторых отраслей ремесла, к которым относится, например, ковроткачество, связано, в первую очередь, с работой на экспорт. В результате увеличивается экономическая зависимость страны от империализма, а целые отрасли афганского ремесла становятся беззащитными перед колебаниями цен на его продукцию на внешних рынках. Другие отрасли ремесла (прежде всего ткачество) превращаются в капиталистические предприятия мануфактурного типа, работающие в тесном взаимодействии с создаваемым крупным капиталом немногочисленными фабричными предприятиями. Капиталистическая организация отраслей кустарного производства, ориентированных на внутренний рынок, представляет собой в современных афганских условиях объективно прогрессивное явление. Характерно, что этот процесс тесно связан именно с промышленной деятельностью акционерных компаний (ширкетов). Вместе с тем, поскольку главным видом деятельности ширкетов остается торговля с капиталистическими странами, использование капиталов этих компаний как в фабричном строительстве, так и в мануфактурном производстве весьма ограничено. Подчинение ремесла капиталу происходит в условиях сохранения зависимости афганской экономики от империализма, что затрудняет перевод накопленных афганских имущих классов в капиталистическое производство — как в мануфактурное, так и фабрично-заводское. Разрушаемое иностранным импортом ремесленное производство Афганистана находится в тяжелых условиях и сохраняется, в конечном итоге, за счет усиленной эксплуатации ремесленников.

ВЫСТАВКА «КУЛЬТУРА И ИСКУССТВО ИНДИИ»

Л. С. ГАМАЮНОВ

С 1 июня по 1 августа 1955 г. в Академии художеств была открыта выставка, посвященная культуре и искусству Индии.

В первом отделе выставки были представлены собственно памятники культуры и искусства Индии. Второй отдел посвящен художественному отображению Индии в произведениях русских дореволюционных и советских художников. Материалы третьего отдела относятся к истории русского индологического искусства.

Многогранность и комплексность нынешней выставки отличали ее от предшествующих выставок, посвященных Индии. Известно, что русские художники, в частности В. В. Верещагин, написали немало талантливых картин, отображавших историю и быт народов Индии. Картины этого выдающегося художника-реалиста, а также других художников конца XIX и начала XX в. являются своеобразным дополнением к описаниям путешествий в Индию русских ученых того времени. Наряду с картинами дореволюционных художников, посетитель мог ознакомиться также с произведениями советских художников, побывавших в Индии. Все эти картины помогают лучше узнать Индию и ее народ.

Исключительный интерес представляют древние и средневековые рукописи Индии, хранящиеся в институтах востоковедения Академии наук СССР и Академии наук Узбекской ССР, в библиотеках. Была экспонирована, конечно, небольшая часть рукописного фонда. Но и эти памятники свидетельствуют о большой собирательской работе, проделанной отечественными учеными, и о внимании наших исследователей к первоисточникам по индийской истории, литературе, философии.

Большое познавательное значение имел третий отдел выставки, в котором отражена история изучения Индии в России и в Советском Союзе. Экспонаты были размещены в строго хронологическом порядке, что дало посетителям возможность получить довольно полное представление о развитии связей между нашей страной и Индией, о развитии индологии в дореволюционное время и в новейший период истории.

На выставке была представлена карта с маршрутами русских путешественников в Индию — тверского купца Афанасия Никитина, совершившего свою поездку в Индию в 1466—1472 гг., Филиппа Ефремова, невольное странствование которого приходится на 1774—1782 гг., грузинского дворянина Рафаила Данибегова, отправившегося в путь 15 марта 1795 г. и в 1815 г. издавшего на русском языке описание своего путешествия, армянских купцов братьев Атанасовых, как и Данибегова, повторивших в общих чертах маршрут Филиппа Ефремова, наконец, маршрут Герасима Лебедева, который жил в Индии с 1785 по 1797 г.

На выставке были также экспонированы произведения этих путешественников. Никитин оставил нам произведение «Хождение за три моря», которое прочно вошло в науку как источник по истории средневековой Руси и по истории Индии. Кроме рукописи «Хождение за три моря», посетители могли ознакомиться с много-

⁷ «Ислах», 26 апреля 1954 г.

численными исследованиями, которым подвергалось это произведение. Для своего времени «Хождение» было выдающимся политико-географическим сочинением вдумчивого и наблюдательного путешественника.

Были выставлены также три издания «Девятилетнего странствования» Ф. Ефремова — свидетельство огромного внимания его современников к Индии — и четвертое издание, выпущенное к 200-летию со дня рождения Ефремова, — знак уважения наших современников к научному подвигу путешественника.

На выставке можно было видеть документы, относящиеся к периоду неоднократных и настойчивых попыток русского правительства установить дружественные связи с Индией, развивать торговые отношения с этой страной, привлекать в Россию искусных индийских ремесленников для организации ряда отраслей производства, в частности, ткацкого, красильного и градостроительного.

Материалы, относящиеся к предистории русской науки, показывают: 1) что, начиная с путешествия Никитина, возникает гуманистическая традиция в развитии связей между Индией и Россией; 2) что в развитии дружественных отношений и взаимовыгодной торговли были заинтересованы как русские, так и индийцы; 3) наконец, что к XVIII в. была проделана значительная работа по собиранию сведений об Индии. Все это обеспечило возможность успешного развития русской индологии.

В XVIII в. начинается изучение Индии в научных учреждениях России, прежде всего в Академии наук.

Посетитель выставки мог видеть работы акад. Т. З. Байера (30-е годы XVIII в.), который был знаком с индийскими языками. В частности, санскриту он обучался у индийца, проживавшего в Петербурге.

Огромное внимание привлекли архивные материалы и печатные работы основоположника русской индологии Герасима Степановича Лебедева (1749—1817). Экспонировалась его книга «Беспристрастное созерцание систем Восточной Индии брамменов, священных обрядов их и народных обычаев». Книга эта была напечатана в 1805 г. в организованной Лебедевым типографии. Впервые в Европе им был употреблен подвижной бенгальский шрифт. Представлена «Грамматика смешанных и чистых восточноиндийских диалектов», изданная Лебедевым в Лондоне в 1801 г. «Грамматика» эта до сих пор представляет собой большой научный интерес для историков языка хиндустани (точнее его калкуттской модификации с весьма заметным влиянием бенгальского разговорного языка). Обе работы занимают особое место в истории русской индологии как первые оригинальные, основанные на непосредственном изучении Индии. Кроме того, привлекала внимание рукописная книга Г. С. Лебедева с записями лингвистического и исторического характера, которая позволяет проследить, какой огромный труд вложил этот отважный путешественник в сложное дело изучения Индии того времени. Афиша, объявляющая о постановке переведенной Лебедевым драмы Джодрелла «Притворство» в организованном Лебедевым первом бенгальском театре европейского типа, напоминает нам о выдающейся просветительской деятельности замечательного русского гуманиста.

Экспонаты, характеризующие успешное развитие русской индологии XIX и начала XX в., дают яркое представление о многообразной деятельности отечественных индологов и о большом их вкладе как в науку, так и в развитие и укрепление связей между Индией и Россией.

Следует отметить работы первых русских санскритологов, поставивших преподавание санскрита в петербургском, казанском и московском университетах (К. А. Косович, П. Я. Петров). Большое место было отведено исследованиям выдающегося русского индолога проф. И. П. Минаева (1840—1890), который совершил три научных путешествия в Индию. Его перу принадлежит свыше ста тридцати опубликованных и неопубликованных работ по Индии. Благодаря его научной деятельности значительно обогатились собрания индийских рукописей в русских хранилищах. В его творчестве соединились две тенденции — изучение индийских древностей, с одной стороны, и изучение живых индийских языков и современности — с другой.

Труды последующих ученых, в том числе учеников Минаева — профессоров

М. Д. Миронова и Д. Н. Кудрявского, а также академиков С. Ф. Ольденбурга и Ф. И. Щербатского, свидетельствуют о том, что в индологии получила преимущественное развитие первая традиция Минаева, т. е. изучение буддизма, религий, древних языков, логики и философии древних индийцев. Наряду с этим русские индологи развивали, хотя и в значительно меньшей степени, вторую традицию, что выразилось в изучении фольклора, живых языков современности и т. д.

Большие заслуги в области изучения Индии принадлежат русским университетам и особенно Академии наук. На выставке были представлены многочисленные издания, среди которых мы видим такие, как «Библиотека буддизма», санскритские словари (большой и малый) — так называемые петербургские словари — и многие другие работы, вошедшие в русскую науку и вместе с тем получившие мировое признание.

Стенды, посвященные советской индологии, — убедительное свидетельство о богатстве и многоплановости исследований современных индологов, унаследовавших прогрессивные, гуманистические традиции дореволюционной индологии и развивших их на основе марксистско-ленинской теории. О принципиально новом содержании советской индологии, о неразрывной связи ее с жизнью современной Индии и борьбой ее народов против иноземного господства, за самостоятельное развитие говорит тематика исследований советских индологов. Прежде всего надо назвать работу д-ра ист. наук И. М. Рейснера «Очерки классовой борьбы в Индии», книгу д-ра ист. наук А. М. Дьякова «Национальный вопрос и английский империализм в Индии», работы Л. Р. Гордон «Аграрные отношения в Северо-западной пограничной провинции Индии (1914—1947)» и С. М. Мельман «Экономика Индии и политика английского империализма».

Вопросам социально-экономического развития Индии, ее экономике, в частности, анализу аграрных отношений, процессу формирования классов современного общества, рабочему движению и другим вопросам посвящено немало статей в индоведческих сборниках. На выставке были представлены экономические, исторические и другие статьи молодых индоведов — Г. Г. Котовского, А. И. Левковского, В. И. Павлова, Э. Н. Комарова, А. М. Мельникова, В. С. Воробьева-Десятовского и других.

После Великой Октябрьской социалистической революции получила большое развитие современная индийская филология. Многочисленные экспонаты выставки свидетельствовали о большом внимании к изучению живых индийских языков, к переводам на русский язык произведений индийских писателей. Экспонированные двуязычные словари — урду-русский и хинди-русский говорят о некоторых успехах в изучении современных индийских языков. Большие заслуги в области индийского языкознания и в развитии современной индийской филологии принадлежат акад. А. П. Баранникову, труды которого были широко представлены на выставке.

В послереволюционный период в советской индологии продолжалась работа и по прежним, традиционным линиям исследования. Об этом можно судить по работам Ф. И. Щербатского и С. Ф. Ольденбурга, переводам произведений древней индийской классики, опубликованным на русском языке «Рамаяны» в переводе А. П. Бараникова, «Махабхараты» в переводе В. И. Кальянова и т. д. Внимание историков привлекала как древняя, так и средневековая история Индии. В числе этих работ — «Краткий очерк истории Индии до X в.» А. М. Осипова и «Очерки общественных отношений и политического строя могольской Индии времен Акбара (1556—1605)» К. А. Антоновой.

Выставка вызвала живой интерес советской общественности. Она помогла более глубокому пониманию исключительно одаренного и трудолюбивого индийского народа и способствовала дальнейшему укреплению и развитию дружбы народов Советского Союза и Индии.

ДИСКУССИЯ ОБ ЭКОНОМИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ КОЛОНИАЛЬНЫХ И ЗАВИСИМЫХ СТРАН В ЭПОХУ ИМПЕРИАЛИЗМА

В феврале—апреле 1955 г. в Институте востоковедения АН СССР состоялись четыре заседания экономической секции Ученого Совета Института, на которых обсуждались особенности экономического развития колониальных и зависимых стран в эпоху империализма. В работе заседаний приняли участие востоковеды-экономисты Москвы.

Основой для обсуждения послужил доклад на указанную тему, который прочитал д-р эконом. наук В. А. Масленников. Кратко охарактеризовав методы и результаты колониальной эксплуатации в доимпериалистическую эпоху, докладчик сделал вывод, что основным экономическим законом, действовавшим в ту эпоху в колониях и зависимых странах, был закон феодализма.

Развитие товарного производства и денежного обращения в колониальных и зависимых странах означало расширение сферы действия закона стоимости в условиях феодализма, что разрушало устои феодального способа производства. Эти процессы способствовали дифференциации крестьянских хозяйств, укреплению капиталистических отношений в городе и образованию капиталистического уклада. Но в целом расширение товарно-денежных отношений не только не снимало действия основного экономического закона феодализма, но даже использовалось феодальными землевладельцами в целях увеличения арендной платы. Докладчик выступает против попыток рассматривать происходивший во второй половине XIX в. в ряде стран Востока переход к денежной ренте как победу капиталистических отношений. Развитие денежной ренты характерно для периода разложения феодализма и возникновения капиталистических отношений в деревне и связано с огромным усилением феодальной эксплуатации.

В связи с возникновением капиталистического уклада несоответствие феодальных производственных отношений характеру производительных сил становится все большим, классовые противоречия все более острыми. Последняя треть XIX в. ознаменовалась в колониях и зависимых странах крестьянскими восстаниями, усилением недовольства ремесленных слоев города, первыми вспышками забастовочного движения нарождавшегося на Востоке рабочего класса.

Эпоха империализма внесла глубокие качественные изменения в экономические условия развития колониальных и зависимых стран. К старым методам колониальной эксплуатации — извлечение торговых прибылей путем неэквивалентного обмена и прямого грабежа — присоединяются новые методы, резко изменяющие характер экономики отсталых стран. Эти методы связаны с вывозом капитала и разделом мира на сферы влияния, с еще большим подчинением народного хозяйства отсталой страны империализму. Формы этого подчинения разнообразны и зависят прежде всего от характера экономического развития эксплуатируемой страны. Основной экономический

закон современного капитализма становится главной и решающей силой экономического развития всех колониальных и зависимых стран.

Действие этого закона обеспечивается как политическим и военным господством империализма в эксплуатируемых странах, так и экономическим господством иностранных монополий, захвативших командные высоты в народном хозяйстве этих стран. Вовлечение всех колониальных и зависимых стран в сферу действия основного экономического закона современного капитализма отнюдь не лишает, подчеркивает докладчик, экономику каждой из этих стран специфических черт ее развития. Однако в капиталистическом мире нет стран, находящихся вне господства империализма, и поэтому методология исследования требует начинать анализ экономики с характеристики позиций империализма в исследуемой колониальной или зависимой стране. Господство империализма в колониальных и зависимых странах создает условия, при которых иностранные монополии могут использовать для своего обогащения действие экономических законов многоукладного экономического строя колониальных и зависимых стран. Действие законов феодализма, а также законов стоимости и прибавочной стоимости соотнобразуется с требованиями основного экономического закона современного капитализма. В эпоху империализма феодальная экономика колониальных и зависимых стран превращается в полуфеодальную экономику, а пережитки феодализма используются империалистическими монополиями в своих интересах.

Неверно полагать, отметил В. А. Масленников, что империализм, консервируя феодальные пережитки, тем самым отбрасывает колониальные и зависимые страны назад, к феодализму. Докладчик, в частности, не соглашается с некоторыми востоковедами-аграрниками, которые считают, что натуральные формы и издольная система взимания арендной платы являются возвратом к натуральному хозяйству. Докладчик напоминает, что К. Маркс рассматривал систему издольного хозяйства как форму, переходную от первоначальной формы ренты к капиталистической. Благоприятным для сохранения издольщины условием является существование в деревне огромной скрытой резервной армии безработных.

Господство феодальных пережитков в деревне оказывает влияние на промышленность колониальных и зависимых стран. В условиях полуфеодальной экономики, при наличии огромных резервов безработных, иностранные капиталисты, используя систему контрактов, имеют возможность до максимума увеличить норму эксплуатации рабочих.

Империализм мешает развитию в колониальных и зависимых странах национальной промышленности. Национальная буржуазия этих стран находится в зависимости от иностранного капитала как в получении кредитов, так и в приобретении оборудования и промышленного сырья. Она испытывает давление иностранного капитала на рынке сбыта и при установлении фрахта.

Господство основного экономического закона современного капитализма усугубляет огромное несоответствие производственных отношений характеру производительных сил, чрезвычайно обостряя противоречия между широкими массами населения колониальных и зависимых стран и империализмом и его местной агентурой. Крестьяне требуют отмены помещичьего землевладения и наделения их землей; ремесленники требуют возможности свободно развивать мелкое производство; национальная буржуазия требует защиты от конкуренции иностранных промышленных товаров и устранения препятствий в импорте оборудования и нужного для промышленности сырья. Развитие капитализма способствует росту и сплочению в колониальных и зависимых странах рабочего класса, который становится руководящей силой в борьбе народа против империализма и феодализма.

В заключение В. А. Масленников подчеркнул, что его доклад был ограничен темой «Особенности экономического развития колониальных и зависимых стран в эпоху империализма»; что же касается вопроса о тех общественных силах, которые ведут борьбу против империализма и феодализма, то он должен явиться предметом особого обсуждения.

Доклад В. А. Масленникова вызвал оживленные прения, в которых приняли участие научные сотрудники Института востоковедения АН СССР и других научно-исследовательских, а также высших учебных заведений Москвы.

Канд. эконом. наук А. А. Поляк подчеркнул, что невозможно изучать современную экономику колониальных и зависимых стран, не учитывая, что они различаются между собой по уровню экономического развития и по силе пролетариата. По мнению А. А. Поляка, докладчик инвентаризирует экономику колониальных и зависимых стран, подводя их под одну категорию «полуфеодальных» стран. Слишком легко и просто докладчик подчиняет внутренние законы развития, в частности, законы феодального способа производства основному экономическому закону современного капитализма.

А. А. Поляк отмечает важнейшую роль классовой борьбы, в особенности крестьянских движений, в смене феодального способа производства полуфеодальными или капиталистическими отношениями. Он считает, что на Востоке есть страны с господством как капиталистических, так и феодальных производственных отношений, не говоря уже о различных переходных стадиях, в том числе и о полуфеодальной экономике. Влияние основного экономического закона современного капитализма на разные страны неодинаково, так же как различна степень закабаления империализмом отдельных стран.

Далее А. А. Поляк, полемизируя с докладчиком, утверждает, что Афганистан в своем экономическом развитии не пережил стадии капиталистической мануфактуры, хотя в стране и есть элементы мануфактурной промышленности.

Д-р филол. наук И. С. Брагинский присоединяется к положению доклада В. А. Масленникова о господстве империализма в экономике колониальных и зависимых стран. Но, по мнению И. С. Брагинского, в докладе не хватало историзма в характеристике каждого положения. Необходимо более глубоко изучать общественно-экономические отношения в государствах Востока, существовавшие до их превращения в колониальные и зависимые страны, изучать условия, в которых складывалась колониальная экономика. При всем своеобразии положения в странах Востока в большинстве из них к моменту вторжения колонизаторов происходил упадок феодализма, уже сыгравшего свою относительно прогрессивную роль. Росло прогрессивное значение городских элементов, связанных с развитием товарно-денежных, а впоследствии и капиталистических отношений. Эти общие для стран Востока черты не исключают неравномерности в их развитии. Вторжение колониальных держав в целом затормозило прогрессивные процессы в сфере производственных отношений на Востоке.

И. С. Брагинский подчеркивает непосредственную связь преобладания феодальных пережитков с господством империализма, связь феодалов с колонизаторами. Далее он обращает внимание на образование мирового демократического рынка как на серьезный фактор ослабления позиций империализма в колониальных странах. Поэтому всякие формулировки о «всесилии империализма» требуют ограничения. И. С. Брагинский отмечает, что при характеристике издольщины необходимо учитывать, какие производственные отношения господствуют в обществе. Поэтому нельзя согласиться с докладчиком, что издольщина всегда является переходной к капитализму формой.

Младший научный сотрудник В. П. Курбатов выражает сожаление, что в выступлениях А. А. Поляка и И. С. Брагинского не было фактов, которые подкрепили бы их положения. Доклад В. А. Масленникова также значительно выиграл бы, если бы был лучше отредактирован, особенно в отношении формулировок.

Основной экономический закон современного капитализма, по мнению В. П. Курбатова, действует во всех колониальных и зависимых странах, но формы его проявления и сфера действия в различных странах различны. Этот закон подчиняет себе все остальные экономические законы, действующие в странах капиталистического лагеря, и определяет развитие этих стран. Это не означает, что господство основного экономического закона современного капитализма не встречает противодействия со стороны других экономических законов (например, экономических законов феодализма, продолжающих действовать в ряде стран Азии, Африки и Южной Америки).

Далее, В. П. Курбатов говорит, что А. А. Поляк не прав, упрекая докладчика в том, что он якобы не делает различия между колониальными и зависимыми странами, подводя все эти страны под действие основного экономического закона современного капитализма. Различие в уровне экономического развития отдельных колониальных и зависимых стран еще не позволяет сделать вывод, что какая-то из этих стран не подпадает под действие основного экономического закона современного капитализма или что ее развитие не определяется этим законом. Наоборот, экономическое развитие всех капиталистических стран определяется этим основным законом, который охватывает не какую-то одну сторону процесса их развития, а весь процесс развития в целом, определяя и направляя его.

Канд. ист. наук В. П. Леонтьев присоединяется к мнению, что основной экономический закон современного капитализма действует во всех колониальных и зависимых странах. Он считает, что докладчик правильно поставил вопросы о внешней торговле как важнейшем средстве колониальной эксплуатации, но не имел возможности достаточно полно их развить. Опираясь на статистические данные, В. П. Леонтьев показывает значение внешнеторговой экспансии английского капитала в Тибет, которая, опираясь на вооруженную интервенцию, способствовала изоляции Тибета от остального Китая. Захватив в свои руки внешнюю торговлю Тибета, английский финансовый капитал поставил под свой контроль народное хозяйство этого района Китая. Вторжение иностранного капитала привело к усилению в Тибете феодального гнета, задержало экономическое развитие страны. Обосновавшись в Тибете, английские монополии развернули наступление на китайские провинции Цинхай, Сикан и Сычуань. С 30-х годов внешнюю торговлю Тибета начинают подчинять американские монополии.

С господством империализма в Тибете было покончено после мирного освобождения этой части Китая. Однако иностранные монополии пытались использовать искусственно сложившееся одностороннее направление внешней торговли Тибета. После подписания в апреле 1954 г. индийско-китайского соглашения о торговле и связях между Тибетским районом КНР и Индией произошло разумное урегулирование вопросов торговли в этом районе Азии.

Канд. ист. наук Р. Т. Ахрамович считает, что при оценке известных достижений тех стран Востока, которые встали на путь самостоятельного развития, нельзя забывать, что они еще не покончили полностью с господством иностранных монополий. По мнению Р. Т. Ахрамовича, изучение условий, в которых развивался местный капитализм, изучение его связей и противоречий с империализмом должно показать отношение сил капитализма этих стран к империализму. Изучение генезиса капитализма на Востоке обязывает исследовать проблемы торгового капитала и его исторической роли, первоначального накопления в разных странах, мануфактурного периода в развитии капитализма и т. п. Нельзя смешивать процессы накопления торгового капитала с процессом первоначального накопления, который развернулся в странах Востока в эпоху общего кризиса капитализма, в условиях непосредственного воздействия на экономику этих стран финансового капитала, деятельность которого определяется основным законом современного капитализма.

Р. Т. Ахрамович говорит, что включение Афганистана в систему мирового капиталистического хозяйства ускорило в этой стране процессы типа первоначального накопления. Однако систематически увеличивающийся импорт промышленных товаров из капиталистических стран ограничивал возможности становления в Афганистане не только сельскохозяйственного, но и промышленного производства на капиталистических началах.

Далее Р. Т. Ахрамович останавливается на деятельности «ширкето» — афганских акционерных компаний, пытающихся выступать в качестве монопольных посредников между афганским и мировым капиталистическим рынком. Однако империализм не ограничивается эксплуатацией страны посредством неэквивалентного обмена, а стремится превратить ее в сферу приложения своего капитала.

Канд. ист. наук Г. Ф. Ким, полемизируя с А. А. Поляком, утверждает, что

отличия в уровне экономического развития отдельных колониальных и зависимых стран не означают, что феодальная экономика во всех этих странах в эпоху империализма не превращается в полуфеодальную экономику. Даже в капиталистически наиболее развитых колониях и зависимых странах капиталистические отношения, по мнению Г. Ф. Кима, не были господствующими. Г. Ф. Ким считает, что А. А. Поляк не прав, обвиняя докладчика в недооценке значения классовой борьбы, в превращении феодальных стран Востока в полуфеодальные. Главный недостаток доклада, как считает Г. Ф. Ким, заключается в том, что проблема классовой борьбы не рассматривается в нем в общем комплексе борьбы между двумя системами. Между тем совершенно необходима характеристика влияния двух противоположных систем на экономическое и политическое развитие стран Востока.

Г. Ф. Ким отмечает губительные последствия для всех колониальных и зависимых стран действия основного экономического закона современного капитализма. В частности, постоянное недоедание трудового населения колониальных и зависимых стран вызвано господством в их сельском хозяйстве феодальных пережитков, которые всеми способами пытаются сохранить империализм.

Всеобщей тенденцией империализма, говорит Г. Ф. Ким, является подчинение всех внутренних законов развития эксплуатируемых стран задаче извлечения максимальных прибылей. Однако в какой степени это удалось монополиям осуществить, покажет лишь конкретный анализ экономики каждой страны. Очевидно, есть внутренние законы, которые вступают в противоречия с основным законом современного капитализма и с империалистическими тенденциями иностранных монополий. Поэтому докладчик, по мнению Г. Ф. Кима, не прав, когда категорически утверждает, что внутренние законы колониальных и зависимых стран полностью подчинены основному экономическому закону современного капитализма.

Канд. эконом. наук А. С. Перевертало считает, что доклад охватил лишь часть поставленной темы. Соглашаясь с рядом основных положений доклада, А. С. Перевертало утверждает, что господство монополистического капитала не устраняет даже в самостоятельных странах тех форм капитала, которые ему предшествуют. В колониальных и зависимых странах есть социально-экономические уклады, которые развиваются отнюдь не по закону современного капитализма. В докладе по существу обойден вопрос о противоречиях между империализмом и колониями и этим объясняются многие недочеты доклада.

Второй недостаток доклада, по мнению А. С. Перевертало, заключается в том, что положение в колониальных и зависимых странах рассматривается в нем без необходимого учета кризиса колониальной системы и начавшегося ее распада. Мощное воздействие на колониальные и зависимые страны оказывает образование лагеря мира, демократии и социализма и мирового демократического рынка. Далее, А. С. Перевертало критикует отдельные неточные или неправильные, с его точки зрения, положения доклада.

Канд. ист. наук И. Я. Златкин говорит, что В. А. Масленников поступил правильно, поставив вопрос в общем методологическом плане, отвлекаясь от рассмотрения конкретных явлений экономического развития той или иной страны. И. Я. Златкин присоединяется к мнению докладчика о том, что в доимпериалистическую эпоху основной экономический закон феодализма господствовал в экономике стран Востока. По мнению И. Я. Златкина, различия в уровне социально-экономического развития колониальных и зависимых стран характерны и для нашего времени. Однако следует изучить изменения, происшедшие в этой области за последние тридцать лет.

И. Я. Златкин считает, что докладчик абсолютизирует действие основного экономического закона современного капитализма в колониальных и зависимых странах. Гигантская борьба этих стран с империализмом имеет в своей основе противоборствующие экономические законы. Поэтому действие основного экономического закона следует рассматривать как тенденцию, которой противостоят законы, свойственные экономике колониальных и зависимых стран.

Канд. эконом. наук Г. В. Астафьев, соглашаясь с положением доклада

о господстве основного экономического закона современного капитализма во всех колониальных и зависимых странах, выступает против утверждения докладчика, что этот закон подчиняет себе экономические законы, действующие в указанных странах. При анализе действия основного закона следует исходить из указания В. И. Ленина о различных формах зависимости колоний от империализма.

Г. В. Астафьев считает методологически неправильным положение доклада об использовании феодалами законов капиталистической формации. Вряд ли экономический закон более высокой формации может использоваться представителями исторически более низкой формации и быть подчиненным основному закону этой формации. Выступления феодала в двойственной роли — с одной стороны, помещика, а с другой — владельца товарных продуктов, есть признак разложения феодальных отношений.

В доимпериалистическую эпоху основным экономическим законом колоний и полуколоний оставался основной закон феодализма, так как закон прибавочной стоимости еще не вторгнулся в сферу производства этих стран. В эпоху империализма иностранный финансовый капитал подчиняет себе сферу производства как непосредственно, так и через посредство compradorского торгового и ростовщического капитала. Это выражается в создании иностранным капиталом крупной машинной промышленности и плантационного хозяйства, в подчинении ему (через compradorские каналы) мануфактурной и даже ремесленной промышленности и крестьянского хозяйства. Однако самостоятельное действие законов капитализма создает ограниченные возможности для появления национальной промышленности и формирования национальной буржуазии. Следовало бы показать внутренние экономические процессы, которые порождают политические силы, способные вести борьбу против империализма.

Канд. эконом. наук Б. М. Данциг, присоединившись к основным положениям доклада, утверждает, что в эпоху империализма некоторые страны Востока остаются феодальными. Далее Б. М. Данциг на примере Турции рассматривает новые формы экспорта капитала. За последние пять лет в Турцию экспортировано около 1,5 млрд. долл., но лишь 3—4% этой суммы составляют частные инвестиции. Однако ввоз государственного капитала открывает дорогу для широкого притока частного капитала в будущем. В настоящее время основная форма ограбления Турции империализмом — неэквивалентный обмен. По данным турецкой статистики, с 1913 по 1938 г. цены на импортные товары увеличились в 11 раз, а цены экспортных товаров — лишь в 7 раз. Существует тенденция к дальнейшему увеличению этого разрыва.

Б. М. Данциг считает необходимым изучение социально-экономических результатов тех аграрных мероприятий, которые проводятся в Турции и других ближневосточных странах.

Д-р эконом. наук А. Ю. Шпирт останавливается на некоторых специфических чертах эксплуатации колоний на втором этапе общего кризиса капитализма. Для этого этапа, по мнению А. Ю. Шпирта, характерно резкое увеличение вывоза капитала. Недостаточно изучается вопрос о вывозе английского и французского капитала.

Канд. эконом. наук Л. Н. Ватолина считает, что докладчик рассматривает экономическое развитие стран Востока в отрыве от углубления кризиса колониальной системы. Л. Н. Ватолина характеризует те разнообразные методы колониальной эксплуатации и подавления тенденций к самостоятельному экономическому развитию, к которым прибегал в Египте английский капитал. Во время второй мировой войны английские монополии широко использовали такой завуалированный способ ограбления египетского народа, как блокирование в банках Англии огромных сумм (около 500 млн. ф. ст.), которые Египет затратил на поставки для английских вооруженных сил.

Л. Н. Ватолина отметила, что, несмотря на сохранение империализмом докапиталистических форм эксплуатации, в странах Востока все же происходит развитие производительных сил. В этих условиях усиливается действие экономического закона

обязательного соответствия производственных отношений характеру производительных сил. Действие этого закона направлено к ликвидации поддерживаемых империализмом феодальных пережитков и замене их капиталистическими отношениями. Поэтому на современном этапе национально-освободительное движение тесно переплетается с антифеодальной борьбой.

Канд. эконом. наук А. И. Левковский считает, что база, на которой возник основной экономический закон современного капитализма, находится в метрополии. Поэтому лучше говорить, что этот закон не действует, а распространяет свое действие на колониальные и зависимые страны. Необходимо поставить вопрос об экономических и политических методах, рычагах и средствах порабощения и эксплуатации народов колониальных и зависимых стран. Из экономических рычагов порабощения следует указать на банки, колониальные филиалы империалистических монополий, торговые фирмы. Необходимо также поставить вопрос об источниках огромных прибылей финансового капитала. Империалистические монополии получают максимальные прибыли не только путем прямой эксплуатации крестьян, ремесленников и рабочих, но и путем изъятия части тех прибылей, которые получает местная национальная буржуазия.

В самом действии основного экономического закона современного капитализма заложено неразрешимое для империализма противоречие. Экспорт капитала, который характерен для империализма, ведет к развитию капитализма в колониальных и зависимых странах. Развитие капитализма, усиливая социально-экономические противоречия, вызывает рост национально-освободительного движения, следствием чего является кризис колониального господства.

Канд. эконом. наук Ю. Н. Розалин отмечает, что в некоторых экономических отсталых странах сложились местные монополистические объединения. Эти объединения являются своего рода посредниками при эксплуатации трудящихся отсталых стран империалистическими монополиями. Вместе с тем крупнейшие объединения местных капиталистов имеют и свои интересы, которые сталкиваются с интересами иностранных монополий.

В настоящее время в условиях отсталой экономики Турции возникли монополистические организации. Почти 80% всех банковских активов Турции (из 6 млрд. 300 млн. лир — более 5 млрд. лир) сосредоточены у 5 банков (всего в стране имеется 43 банка). Эти организации подчинили себе все остальные банки. Крупнейшие банки получают монопольно высокие прибыли (40—50%) и выплачивают на срочные вклады дивиденды в размере 10 процентов и более.

В последние годы в турецкой промышленности появились монополии, которые тесно связаны с ведущими банками страны. Образование этих монополий связано с усилением процессов концентрации в промышленности. По данным турецкой статистики, на крупнейших предприятиях, которые составляют 2,3% общего числа предприятий страны, занято 55% всех рабочих.

В результате сращивания банковского и промышленного капитала крупнейшие банки Турции установили контроль над важнейшими отраслями промышленности. Монополистические объединения в турецкой промышленности связаны через банки с монополиями США, Западной Германии, Англии, Франции и Голландии. Эта связь имеет вассальный для турецких монополий характер. Сотрудничество с иностранными монополиями ставит под угрозу прибыли местной буржуазии и неизбежно обостряет ее противоречия с иностранным капиталом. По мнению Ю. Н. Розалина, необходимо усилить изучение особенностей монополистических объединений в странах Востока.

Канд. ист. наук Г. Г. Котовский полемизирует с И. С. Брагинским, выступая против тезиса последнего о том, что страны Востока накануне колониального порабощения находились на стадии позднего феодализма. Г. Г. Котовский считает, что в XVII—XVIII вв. в этих странах, и в частности в Индии, еще не было таких характерных признаков позднего феодализма, как капиталистический уклад, начавшееся отделение непосредственного производителя от средств производства и абсолютная монархия,

которая складывается на основе равновесия между нарождающейся буржуазией и господствующим классом феодалов. В Индии в этот период происходил переход от развитого к позднему феодализму и возникали первые зачатки капиталистического способа производства.

Г. Г. Котовский считает, что в доимпериалистическую эпоху экономические процессы в колониях развивались под воздействием основного экономического закона промышленного капитализма.

По мнению Г. Г. Котовского, действие основного экономического закона современного капитализма в колониальных и зависимых странах предполагает как развитие капитализма в колониальных и зависимых странах, так и обострение противоречий между этими странами и империализмом.

Отметив множество форм издольной аренды, Г. Г. Котовский утверждает, что различные виды издольной аренды отражают различные ступени экспроприации крестьян-арендаторов от средств производства. Внутреннее развитие издольщины является ни чем иным, как экспроприацией крестьян и превращением их в сельскохозяйственных рабочих. Огромное аграрное перенаселение, наряду с феодальной собственностью на землю, является основой господства феодальных пережитков в сельском хозяйстве.

Д-р ист. наук Х. Т. Эйдуз не соглашается с положением доклада, что в эпоху империализма в колониальных и зависимых странах господствует основной экономический закон современного капитализма. По мнению Эйдуза, этот закон в известной степени влияет на колониальные и зависимые страны, но он не может быть основным в странах, где капитализм еще не достиг монополистической стадии и где до сих пор еще существуют и даже господствуют феодальные пережитки в экономике.

Д-р ист. наук А. А. Гальперин, отмечая в целом положительное значение доклада, указывает, что В. А. Масленников недостаточно глубоко проанализировал своеобразие положения в колониях, где господство империализма сочетается с господством полуфеодальных отношений. Между тем не только в колониях, но даже в европейских странах буржуазия вовсе не сразу подчинила себе феодалов (Англия, Франция), а в некоторых странах (царская Россия, Япония) монополии и в XX в., только опираясь на помещиков, могли извлекать максимальные прибыли. Изучение этого исторического процесса привело бы В. А. Масленникова к выводу, что в колониях монополии вынуждены сохранять феодалов не только потому, что они являются их политическими союзниками, но и потому, что без феодалов монополии экономически не в состоянии организовать эксплуатацию мелких крестьянских хозяйств и кустарных предприятий.

Канд. эконом. наук Н. А. Ваганов отмечает, что особенность империализма — это господство финансового капитала и его стремление к аннексиям. Он отмечает, что полуфеодальная экономика колониальных и полуколониальных стран отличается от полуфеодальной экономики самостоятельных стран периода становления в них капитализма. Говоря о полуфеодальной экономике рассматриваемых стран, нельзя упускать вторую сторону — ее колониальный или полуколониальный характер, в зависимости от того, что представляет из себя страна или ее отдельные части — колонию или полуколонию.

По мнению Н. А. Ваганова, докладчик преувеличивает развитие капитализма в колониях и полуколониях, рассматривая мелко-издольную аренду и обезземеливание крестьян, которое отождествляется с развитием капитализма. Кулак же определяется в докладе только как реакционный класс, чего не говорится даже о помещике, который считается уже наполовину капиталистом, а наполовину землевладельцем. Поэтому в какой-то мере утрачивается основание для того положения, что помещик — главная внутренняя реакционная сила, что против него направлено антифеодальное движение, неразрывно связанное с борьбой против империализма.

Конечно, натуральное хозяйство не может являться основой феодализма, как это говорится в докладе. Этой основой является феодальная собственность на землю. Несмотря на разрушение империализмом основ натурального хозяйства в этих стра-

нах, значительное сохранение натурального хозяйства обуславливается наличием мелкого землевладельца, зависимого от помещика. Но специфика земельных отношений в этих странах состоит в том, что у издольщика изымается большая доля продукции, которая превращается в товар в руках землевладельца-помещика. Неверно отделять арендатора-издольщика от всех социальных категорий крестьянства. Безземельный арендатор может быть и бедняком, и середняком, и даже кулаком. Н. А. Ваганов останавливается на специфических чертах издольщины в странах Востока, разложения крестьянства, относительного аграрного перенаселения.

Н. А. Ваганов считает, что дискуссия принесла определенную пользу.

В заключительном слове В. А. Масленников polemизирует с А. А. Поляком, отрицавшим безусловное распространение действия основного экономического закона современного капитализма на все экономически отсталые страны Востока. Докладчик возражает Х. Т. Эйдузу, который считает, что этот закон не может быть основным в странах, где капитализм еще не достиг монополистической стадии.

В докладе, признает В. А. Масленников, была недостаточно подчеркнута зависимость сферы действия основного экономического закона современного капитализма от уровня экономического развития каждой страны. По мнению докладчика, наиболее благоприятные условия для полного подчинения империализмом народного хозяйства существуют в тех странах, где местный капитализм не развит, пролетариат малочислен, а национальная буржуазия слаба.

Докладчик защищает и развивает положение, что в эпоху империализма экономика всех колониальных и зависимых стран превратилась из феодальной в полуфеодальную. Это положение, по его мнению, не снимает различий в уровне капиталистического развития стран Востока.

Далее В. А. Масленников уточняет свои взгляды на характер издольщины в эпоху империализма. Он присоединяется к точке зрения Г. Г. Котовского, что внутреннее развитие издольщины является ни чем иным, как экспроприацией крестьян.

Докладчик остановился также на ряде других вопросов, поднятых выступавшими. В заключение В. А. Масленников отметил важность проведенной дискуссии¹.

ЗАСЕДАНИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ СЕКЦИИ УЧЕНОГО СОВЕТА ИНСТИТУТА ВОСТОКОВЕДЕНИЯ СОВМЕСТНО С ЧИТАТЕЛЬСКИМ АКТИВОМ И ПРОПАГАНДИСТАМИ ЗАВОДА «СЕРП И МОЛОТ»

В мае текущего года на Московском металлургическом заводе «Серп и молот» состоялось совместное заседание исторической секции Ученого совета Института востоковедения Академии наук СССР с читательским активом и пропагандистами этого крупнейшего предприятия столицы. Заседание было посвящено обсуждению коллективного труда советских корейцев — сборника «Корейская Народно-Демократическая Республика», выпущенного Издательством Академии наук СССР в прошлом году².

На заводе «Серп и молот» имеется большой отряд пропагандистов, а металлургии этого коллектива связаны крепким товарищеским и творческим содружеством с металлургами Корейской Народно-Демократической Республики.

Совместное заседание открыла А. И. Клементьева, заместитель секретари партийного комитета завода «Серп и молот». Она отметила помощь, оказываемую Инсти-

¹ Основные положения доклада В. А. Масленникова вошли в его статью, публикуемую в настоящем номере журнала. См. стр. 31—42. *Ред.*

² «Корейская Народно-Демократическая Республика», М., Изд-во АН СССР, 1954, 456 стр.

тутом востоковедения коллективу завода в разъяснении вопросов международного положения и особенно в освещении событий, происходящих в странах Востока. А. И. Клементьева призвала работников завода высказать свои замечания о книге и свои пожелания. Затем выступил директор Института востоковедения А. А. Губер. Он сказал, что данное собрание является свидетельством огромного интереса, проявляемого советским народом к проблемам Востока и жизни его народов, а также показателем высокого культурного уровня советских читателей, у которых труды Академии наук становятся настольными книгами. А. А. Губер высказал пожелание, чтобы настоящая встреча содействовала дальнейшему сближению ученых-востоковедов с коллективом читателей завода. В заключение А. А. Губер обратился к работникам завода с призывом дать надлежащую оценку обсуждаемому сборнику и указать на имеющиеся в нем недостатки.

Затем выступили читатели: начальник учебного комбината завода внештатный консультант И. И. Зайцев, инженер Рубинштейн, руководитель семинара, заместитель председателя завкома Чихачев, канд. техн. наук О. И. Яцунская, инженер мартовского цеха Н. С. Бугров и другие.

Выступавшие говорили, что многотысячный коллектив завода, как и все советские люди, проявляет большой интерес к странам Востока вообще и к Корее, в частности. Однако литературы, призванной удовлетворить этот законный интерес к истории, экономике и культуре стран зарубежного Востока, к быту и языкам народов Востока, к их национально-освободительной борьбе и успехам в труде, до сих пор издавалось недостаточно. Большое количество брошюр и популярных книг, выпущенных за последние годы, уже не может удовлетворить возросшие запросы советского читателя и особенно большую армию партийно-комсомольского актива, пропагандистов, агитаторов. Они отметили также, что в последнее время Институт востоковедения начал выпускать интересные востоковедные книги, в том числе обсуждаемый сборник «Корейская Народно-Демократическая Республика».

Участники заседания благодарили коллектив авторов за полезную книгу, написанную на высоком научном уровне, со знанием дела и с любовью. «Прочитав эту книгу, — сказала О. И. Яцунская, — я поняла душу славного героического и свободолюбивого корейского народа, причину его непобедимости». «Сборник помогает нам, пропагандистам, нести в массы правду о Корее», — сказал И. И. Зайцев. Ценность и актуальность приведенных в нем сведений состоит в том, что они помогают правильно понимать современные события в этой стране. Сборник «Корейская Народно-Демократическая Республика» оказал пропагандистам завода «Серп и молот» большую помощь при подготовке лекций, докладов и бесед.

В выступлениях были разобраны структура, план сборника и конкретно каждая из его статей. Был дан ряд ценных и квалифицированных советов, имеющих целью оказать помощь советским корейцам и Издательству Академии наук в дальнейшей работе. В частности, И. А. Чихачев считает, что в книге неполно отражена борьба корейского народа за мир, мало сказано о деятельности корейских профсоюзных и молодежных организаций. Ему хотелось бы больше узнать о славных делах корейского рабочего класса и руководящей роли трудовой партии. Он полагает, что недостаточно освещен маньчжурский период истории страны.

Н. С. Бугров, недавно возвратившийся из Корейской Народно-Демократической Республики, высказал пожелание освежить сборник новыми материалами. Он привел ряд фактов и цифр, не отраженных в статьях сборника. Почти все советовали расширить разделы о культуре Кореи (встречающиеся в статьях упоминания о Корее, как о стране древней культуры, только вызывают интерес к этой культуре), ярче осветить быт, искусство, литературу корейского народа, показать лучших людей страны, героическую партизанскую борьбу против угнетателей и захватчиков, более рельефно раскрыть особенности этой прекрасной страны и национальный характер ее талантливого народа. Наибольшее количество замечаний было высказано по статьям об экономике Кореи и о демократических преобразованиях в Северной Корее. К недостаткам издания читатели отнесли также отсутствие фотографий и рисунков. Были высказаны пожелания, чтобы

сборник был дополнен и переиздан большим тиражом. Читатели просили коллектив Института востоковедения написать подобные обсуждаемому сборнику книги, посвященные Индии, Бирме и особенно Китаю.

Работники завода рассказали о том, какую помощь оказывает их коллектив корейскому народу в восстановлении народного хозяйства КНДР и в развитии ее металлургии. Они хотели бы, чтобы при переиздании сборника помощь советского народа Кореической Народно-Демократической Республике получила более детальное освещение.

От авторского коллектива выступили Г. Ф. Ким и В. В. Лезин, выразившие глубокое удовлетворение выступлениями представителей читательского актива, давших чрезвычайно ценные и квалифицированные советы, которые, несомненно, будут учтены советскими корейцами.

В. Л.

ВОСТОКОВЕДНЫЕ ФОНДЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПУБЛИЧНОЙ БИБЛИОТЕКИ ИМ. М. Е. САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА В ЛЕНИНГРАДЕ

В одной из крупнейших библиотек мира — в Государственной публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде хранятся несметные богатства человеческой мысли, запечатленные в различных письменных памятниках на каменных плитах, пальмовых листьях и слоновых клыках, на шелке, папирусе, пергаменте и бересте, на металлических пластинках, деревянных дощечках и на бумаге.

В Библиотеке представлены книги, журналы, газеты и рукописные материалы более чем на 30 восточных языках. Им широко пользуются студенты и преподаватели восточного факультета Ленинградского государственного университета им. А. А. Жданова, советские и зарубежные ученые, учащиеся из стран Востока.

Библиотека высылает фотокопии своих восточных рукописей во все уголки Советского Союза, в научные учреждения стран народной демократии и ученым других зарубежных стран. В отделе рукописей Библиотеки хранятся произведения ученых, писателей и поэтов республик советского Востока, Китая, Индии, Монголии, Египта, Сирии, Ирана, Турции и других стран зарубежного Востока.

Среди богатого собрания восточных рукописей имеются редкие списки произведений знаменитых поэтов средневековья: Алишера Навои, Фирдоуси, Фузули, Низами, Абул-Аля, произведения Ибн-Сины, ценные китайские медицинские и другие энциклопедии, редкая тибетская рукопись «Сказания о Гесере», архивы среднеазиатских ханов (XIX в.). Из персоязычных рукописей следует назвать «Шах-наме» Фирдоуси в списке 1333 г. с многочисленными миниатюрами, «Куллият» (собрание сочинений) Саади в списке 1385 г. — одним из лучших списков, наиболее близком к первоначальной авторской редакции. В собрании персидских и таджикских рукописей имеется большое число миниатюр, великолепных образцов каллиграфии и художественного оформления рукописной книги.

В собрании арабских рукописей Библиотеки — превосходное собрание куфических коранов, арабские сочинения по истории, географии, астрономии, медицине, грамматике и т. д.

Среди индийских рукописей имеются рукописи из Южной Индии на пальмовых листьях на языках пали, бирманском и санскрите, а также индийские рукописи XV—XVI вв. на бумаге, среди которых много ценных еще неизданных сочинений.

Среди других восточных рукописей хранятся четыре древнеегипетских папируса, относящиеся к X—IX вв. до н. э., сирийские рукописи, в числе которых рукопись «Церковной истории» Евсевия Кесарийского (462 г.), вторая по древности из датированных сирийских рукописей, коптские и эфиопские рукописи, древние еврейские рукописи на коже и пергаменте, в числе которых рукопись «Библии», написанная в Каире в 1010 г.

На материалах восточных рукописей Библиотеки были созданы десятки критических изданий текстов, большое число печатных трудов по истории, по истории науки, литературы и искусства народов Востока. На материалах восточных рукописей Библиотеки было написано большое число докторских и кандидатских диссертаций. Только за последние годы были написаны диссертации: Р. М. Алиев «Критический текст «Гулистана» Саади», О. И. Галеркина «Материальная культура Средней Азии и Хорасана XV—XVI вв. по данным ленинградских собраний». Сотрудница Библиотеки Г. И. Костыгова в 1954 г. защитила кандидатскую диссертацию на тему «Жизнь и творчество таджикского каллиграфа-художника Султан-Али Мешхеда (1432—1520)». В своей работе Г. И. Костыгова впервые в отечественном востоковедении исследовала вопросы развития художественного письма таджиков и персов в XV—XVI вв. Основой диссертации послужил автограф трактата о каллиграфии Султан-Али Мешхеда, а также рукописи и отдельные каллиграфические образцы работы выдающихся таджикских и персидских мастеров художественного письма, хранящиеся в Библиотеке.

Однако, к сожалению, не все восточные рукописные фонды Библиотеки описаны и доступны читателям. На ближайшие годы Библиотека ставит своей задачей закончить описание всех восточных рукописей, издать алфавитные списки и раскрыть свои фонды для читателей.

В настоящее время д-р ист. наук А. Л. Троицкая готовит к изданию книгу «Описание архива кокандских ханов». Архив кокандских ханов поступил в Библиотеку в 1876 г. Он содержит ценные материалы по социально-экономической истории кокандского ханства и относится к 60—70-м годам прошлого столетия, ко времени правления Худояр-хана. Сотрудник Библиотеки Е. И. Санкритияна работает над описанием тибетских и монгольских рукописей. Г. И. Костыгова готовит «Алфавитный список собрания персидских и таджикских рукописей».

Рукописные фонды Библиотеки раскрываются для читателей и путем публикации отдельных рукописей, обзоров, статей. В этой работе большую помощь оказывают нам наши читатели — научные сотрудники Института востоковедения Академии наук СССР, Ленинградского государственного университета им. А. А. Жданова, Академии наук Таджикской ССР. При их активном участии Библиотека готовит к печати свой очередной «Сборник», целиком посвященный восточным рукописям.

Сборник содержит статью канд. филол. наук П. Г. Булгакова (ЛГУ) «Академик В. В. Бартольд и его работа по описанию восточных рукописей Государственной публичной библиотеки», приуроченную к 25-летию со дня смерти крупнейшего востоковеда-историка. Статья арабиста А. Я. Борисова, погибшего в дни блокады Ленинграда, посвящена анализу «Китаб ал-джавахир» (Книги о субстанциях) философа IX в. Исаака Исаеи и вводит в науку совершенно новый материал.

Чл.-корр. АН Тадж. ССР А. М. Мирзоев (Институт языка и литературы) в работе, основанной на анализе содержания и стиля хранящейся в Библиотеке рукописи «Шахиншах-наме», опровергает распространенное в литературе мнение о Бинаи как авторе «Шахиншах-наме». Обзор архива кокандских ханов, написанный А. Л. Троицкой, вводит в научный оборот ценный материал по социально-экономической истории Кокандского ханства, чем в значительной мере восполняется пробел в источниках по истории народов Узбекистана периода позднего феодализма.

В исследовании д-ра филол. наук А. Н. Болдырева (ЛГУ) «Виды и Ал-вакаби» («Удивительные события») впервые дается полный обзор истории изучения творчества Васифи, характеристика его мемуаров, как исторического источника, и детальное описание рукописи, хранящейся в Библиотеке и имеющей большое значение для издания сводного критического текста мемуаров.

В статье канд. филол. наук Р. М. Алиева (Институт востоковедения АН СССР) дано описание ценнейших списков «Гулистана» Саади. Автор раскрывает первостепенную важность рукописей «Гулистана» из собрания Библиотеки для создания критического текста этого сочинения.

Статья канд. филол. наук В. И. Евгеновой «Древнеегипетские папирусы» вносит ряд поправок и уточнений к имеющемуся описанию известного египтолога Г. Брунша,

расшифровывает некоторые места текста, считавшиеся до сих пор «нечитаемыми», устанавливает историю этих папирусов, над которыми, по мнению автора, работал в свое время основатель египтологии Шамполлион.

Исследование чл.-корр. АН СССР Н. В. Пигулевской (Институт востоковедения АН СССР) «Сирийский сборник агиологических памятников и легенд» вводит в науку ценные источники по ближневосточной агиологии, содержащие исторические и бытовые материалы.

Две статьи сборника посвящены знаменитому «Ал-канун фи т-тибб» (Канону врачебной науки) Ибн-Сины. Канд. филол. наук К. В. Старкова (Институт востоковедения АН СССР) в статье «Рукопись „Канона по медицине“ Ибн-Сины (Авиценны) из собрания Государственной публичной библиотеки» прослеживает пути проникновения восточной медицины на Запад. П. Г. Булгаков в статье «Сокращения „Канона“ Авиценны в собраниях арабских рукописей Государственной публичной библиотеки» пишет о творческой разработке научного наследия Ибн-Сины ближневосточными учеными XIV в.

Канд. филол. наук М. Б. Руденко (Институт востоковедения АН СССР) дает описание курдских рукописей, содержащих материал по истории и литературе курдов.

Как уже говорилось выше, в Библиотеке хранятся рукописи на многих языках мира; научную обработку их могут осуществлять только специалисты, хорошо знающие язык. Естественно, что силами только научных сотрудников Библиотеки справиться с этой задачей нелегко. Наши читатели — научные сотрудники различных учреждений активно помогают Библиотеке в научном описании различных восточных рукописных собраний.

Так, канд. филол. наук В. М. Бескровный (ЛГУ) подготовил статью «Индийские рукописи, написанные в России (по коллекции П. И. Сантова)», в которой на основании санскритских рукописей и рукописей на хинди, написанных в Астрахани, освещаются давние русско-индийские взаимосвязи. Статья эта печатается в третьем номере «Сборника» Государственной публичной библиотеки. Канд. филол. наук В. С. Воробьев-Десятовский (Институт востоковедения АН СССР) заканчивает научный каталог индийских рукописей на языке пали из коллекции И. П. Минаева. Издание каталога намечено в 1957 г. В этом же году планируется издать алфавитный список рукописей на арабском языке, подготовляемый П. Г. Булгаковым и К. В. Старковой.

Библиотека ведет научную работу не только с рукописными, но и с книжными восточными фондами. Так, в этом году д-р ист. наук Я. В. Радуль-Затуловский заканчивает книгу «Философская литература на китайском языке в фондах ГПБ», им же написана статья «Китайские библиографы XVIII—XIX веков».

С 1956 г. под руководством Я. В. Радуль-Затуловского начнется работа над новым печатным каталогом китайских и японских ксилографов, хранящихся в Библиотеке. Сотрудница Библиотеки М. И. Демидова приступит к работе над «Библиографией китайской литературы по демократическому движению периода 1840—1918 гг.». С 1956 г. Библиотека намеревается также выпускать ежеквартально аннотированные обзоры новых поступлений на восточных языках.

Сотрудник Библиотеки В. И. Фоминцев работает над диссертацией «Библиотечно-библиографическое дело в Китайской Народной Республике». А. А. Артемьева к 1957 г. подготовит «Библиографию корейской художественной литературы XX в.».

К 1958 г. будут закончены «Библиография литературы на персидском языке» (П. И. Кирчин) и «Библиография литературы на сирийском языке» (Л. Х. Вильскер).

О. Д. Голубева

Народы Африки. Этнографические очерки. Под ред. Д. Ольдерогге и И. Потехина. М., Изд-во АН СССР, 1954, 740 стр.

Английский писатель Джойс Кери в своем романе из африканской жизни «Мистер Джонсон» передает любопытный разговор двух колониальных чиновников. Одного из них занимает вопрос о том, какое общество сменит старую, разрушающуюся племенную организацию в африканских колониях.

— Я полагаю, — осторожно замечает он, — не следует говорить о каком-либо плане.

— Нет, нет. Вас примут за большевика.

— Эврика, сэри! Я думаю, у некоторых людей есть идея о том, какой должна быть жизнь... Нечто такое, ради чего стоит работать.

— Что же это за идея?

— В этом весь вопрос!

— Да, в этом вопрос...

Нельзя не согласиться с мыслью, выраженной в этом не лишенном остроумия диалоге. По существу речь идет о моральном банкротстве колониализма. Апологеты и «теоретики» колониальной системы в наши дни уже не в силах выдвинуть убедительную «идею» о том, «какой должна быть жизнь народов колоний», или, проще говоря, как заставить их и дальше работать на капиталистические монополии.

Долгое время колониальные державы прикрывали свою многовековую деятельность в колониях «идеями» приобщения отсталых народов к цивилизации. В настоящее время миф о «цивилизаторской миссии» колонизаторов потерял в глазах угнетенных народов всякий моральный вес. Для народов колоний становится совершенно очевидной полная несостоятельность претензий на руководство их делами и судьбами со стороны иностранных государств. И уже решение вопроса о том, какой должна быть жизнь народов, больше не является прерогативой колонизаторов. Победоносное развитие национально-освободительного движения в колониальных и зависимых странах после второй мировой войны, образование в Азии ряда независимых государств, вступление на мировую арену в качестве великой державы Китайской Народной Республики, начавшей строительство социализма, ярко показывают, какими колоссальными творческими силами обладают народы, которым «цивилизаторы» отказывали и отказывают в праве на самостоятельное существование.

Большинство народов Африки живет еще в условиях колониального гнета. Однако и на этом материке, втором по величине после Азии, произошли большие сдвиги, расшатывающие основы господства финансового капитала. Жители Африки перестают быть покорными рабами. Они не желают больше жить по-старому. Они хотят устроить свою жизнь по собственному усмотрению, без вмешательства иностранных опекунов и покровителей. Пробуждение африканских народов к политической борьбе сопровождается ломкой старых, искаженных представлений об этом материке, которые из поколения в поколение внушались общественному мнению Европы и Америки колонизаторами, их реакционными учеными, печатью.

Понадобится поистине геркулесов труд, чтобы очистить авгиевы конюшни «науки»

об Африке от чудовищного нагромождения лжи, мешающего видеть прошлое и настоящее африканских народов такими, каковы они были и есть на самом деле, и открыть широкий путь к систематическому подлинно научному изучению этой части света.

Книга «Народы Африки» представляет собой первую попытку дать историю и этнографию африканских народов на основе марксистско-ленинской методологии.

Структура книги отличается ясностью и последовательностью. Содержание трех первых глав, написанных Д. Ольдерогге, включает следующие вопросы: древнейшая история коренного населения; антропологические типы; языки и письменность народов Африки. Эта часть книги служит как бы введением к дальнейшим главам, в которых дается характеристика областей материка, примерно по такой схеме: основные этапы истории, этнический состав населения, борьба за независимость и некоторые специфические для отдельных областей вопросы. Главы, посвященные областям континента, написаны: «Магриб» (Тунис, Алжир, Марокко) — Д. Ольдерогге, В. Луцким и И. Потехиным; «Египет» и «Восточный Судан» — С. Смирновым; «Западный Судан» — Д. Ольдерогге и И. Потехиным; «Эфиопия и страны красноморского побережья» — Д. Ольдерогге, И. Потехиным и М. Райт; «Восточная Тропическая Африка» — И. Потехиным; «Западная Тропическая Африка» — Д. Ольдерогге и И. Потехиным; «Южная Африка» — И. Потехиным; «Мадагаскар» — Д. Ольдерогге и А. Орловой. Автор «Введения» и «Заключения» является И. Потехин.

Как известно, раздел и передел Африки происходили в условиях ожесточенного соперничества между колониальными державами, каждая из которых старалась ухватить кусок побольше и пожирнее. В результате этого политическое и административное (территориальное) деление в Африке не совпадает с размещением народностей, которые, за редким исключением, еще не сложились в нации. Нередко искусственные границы разделяют одну и ту же народность между двумя-тремя колониями, принадлежащими различным империалистическим державам. Авторы книги нашли поэтому более разумным вести описание не по территориям колоний, а по географическим областям, более или менее соответствующим размещению этнических комплексов.

Сплодная по объему (740 стр.) рецензируемая работа выходит далеко за рамки «этнографических очерков», как значится на титульном листе книги. Она охватывает с разной степенью полноты весьма широкий круг вопросов. В предисловии отмечается, что авторский коллектив стремился дать читателю всестороннее представление об истории происхождения африканских народов, их языках, производстве, жилище, одежде, пище, духовной культуре, семейной, общественной и политической жизни. Можно добавить к этому, что в главах, посвященных отдельным районам, дан сжатый физико-географический очерк каждого района и довольно широко освещены вопросы империалистической эксплуатации колоний и национально-освободительного движения.

Тем самым книга «Народы Африки» может быть охарактеризована как своеобразная африканская энциклопедия, но без обычных, свойственных энциклопедиям качеств — разрозненности, неизбежной сухости и скатости изложения. Рецензируемая книга в состоянии удовлетворить интерес весьма обширного круга читателей.

В ряде глав книга носит полемический характер. И, пожалуй, это наиболее интересные и важные места работы, ибо в нынешних условиях подлинно научное изучение Африки необходимо начинать не с исследования белых пятен и не с элементарного накопления фактов и наблюдений, а преодоления дебрей буржуазной колониальной литературы, почти целиком выросшей из одного и того же ядовитого корня — расистской теории о «неполноценности» темнокожих. Марксистско-ленинская критика пропагандируемых реакционерами мнимых научных положений, имеющих скрытой целью оправдать колониализм, является отправной точкой при разработке методологических основ для изучения истории и этнографии африканских народов.

* *

Западноевропейские державы изолировали свои африканские колонии от внешнего мира и друг от друга. Каждая колония представляет собой заповедник управляющей державы, монопольно эксплуатирующей местное население и природные ресурсы.

Колонизаторы отняли у коренных жителей все: право управлять своей страной, их основные материальные ценности — землю и ископаемые богатства, внутренний и внешний рынки, право свободно распоряжаться своим трудом.

Реакционерам потребовалось как-то обосновать губительную деятельность финансового капитала и «доказать» общественному мнению капиталистических стран и самим африканцам необходимость и даже разумность колониального режима.

— Можешь бить своего соседа, — говорил один государственный деятель. — Всегда найдется профессор, который освятит это именем священного права.

Как известно, нашлось немало профессоров, которые и сотворили коллективно миф о природной отсталости людей с цветной кожей. Была придумана теория о тысячелетнем параличе, будто бы сковавшем тропическую Африку. Утверждалось, что африканцы остановились на первой ступени человеческого развития и живут ныне так же, как жили их предки, не стремясь к переменам. Мнимую естественную отсталость африканцев одни буржуазные ученые объясняли особенностями негроидной расы, связанными с формой черепа, цветом волос и т. п., другие — влиянием африканской природы, которая якобы «держит в оковах дух африканца и лишает его изобретательности, энергии и подвижности» (Купленд). Отсюда делался вывод о необходимости оказать помощь черному варварскому миру выйти на путь «цивилизации и прогресса». Что и требовалось доказать!

Но мало было придумать аргументы, нужно было и попытаться заранее отвести возможные возражения. Для этого потребовалось перечеркнуть все прошлое африканских народов и их культуру. Была пущена в ход версия, будто бы у народов Африки не было собственной истории и нет собственной культуры. Их история начинается лишь со времени появления на африканском континенте европейцев. Что касается культуры, то африканцам не остается ничего другого, как заимствовать ее у цивилизованных народов.

Конечно, было бы упрощением считать, что все буржуазные ученые, занимавшиеся изучением Африки, были подручными колонизаторов. Наоборот, многие исследователи дали науке ценнейшие сведения по географии, истории, этнографии материка и этим материалам в широкой мере воспользовались и авторы рецензируемой книги. Однако даже и самые добросовестные из многих буржуазных исследователей были не в состоянии подняться до последовательных научных обобщений накопленного материала.

Характерно, что в XX в. многие реакционные ученые уже не настаивают на отрицании истории и культуры у африканских народов негроидной расы, а пытаются доказать, будто африканцы не являются творцами этой культуры, будто они заимствовали ее у других, более развитых народов. Немецкий этнограф-африканист Фробениус, рассматривая культуру как некую надисторическую сущность, распространяющуюся путем миграций, утверждает, что не народ творит культуру, а напротив, культура формирует характер народа. Всю историю африканских народов Фробениус сводит к борьбе двух культур — хамитской и эфиопской. Первая отличается активностью; это — «мужская» культура народов, призванных господствовать. Вторая (африканская, т. е. негрская) — это пассивная «женская» культура, склонная к подчинению. Подобные лженаучные мистические построения долгое время были распространены в буржуазной литературе.

Другую разновидность теории заимствования представляет концепция «культурно-исторических кругов». Один из видных ее представителей географ Штульман уверял, что первоначальное население Африки составляли примитивные, некультурные народы негроидной расы — нигриты. На протяжении десятков тысяч лет они испытывали благотворное влияние нескольких потоков переселенцев с других материков, каждый раз приносивших с собой все более высокую культуру. Последними из этих пришлых «носителей культуры» являются европейские колонизаторы. Таким образом, колониальный режим изображается как завершение процесса распространения культуры в Африке. Это — неприкрытое оправдание колониальной системы.

В англо-саксонских странах успехом пользовалась более «практичная», так называемая функциональная школа, которая пыталась «научным» образом обосновать

колоннальную политику. Функционалисты считают, что каждая раса обладает своими психическими особенностями, в силу которых расы не могут считаться равноценными. Функционалисты доказывали необходимость сохранения в Африке племенного быта, указывали на опасность предоставления народам колоний образования.

После второй мировой войны, когда под ударами мощного национально-освободительного движения угнетенных народов начался процесс распада колониальной системы, защитники колониализма выдвинули новую циничную теорию, в силу которой негроидная раса не может считаться полноценной, так как она якобы отстала в своем развитии на два тысячелетия. Лишь вверив свою судьбу руководству колонизаторов, народы Африки смогут преодолеть свою отсталость и через какой-то промежуток времени получить желанную свободу.

«Все построения буржуазной исторической науки, отрицающие самостоятельную роль народов Африки в развитии мировой культуры, от начала до конца фальсифицированы», — пишет Д. Ольдерогге в книге «Народы Африки». — «Основа основ всех этих фальсификаций — человеконенавистническая расистская теория, вызванная к жизни империалистической политикой порабощения отсталых народов» (стр. 54).

Следует подчеркнуть, что наукообразные по форме измышления, вполне устраивающие колонизаторов, находят широкое применение в области политики.

В 1954 г. в Найроби (Кения) вышла книга К. Уилсона «Кения предупреждает»¹. Автор — чиновник английской колониальной администрации — воспользовался расистской теорией о «физической и интеллектуальной неполноценности» африканцев для оправдания колониального режима в Кении. Освободительную борьбу племени кикуйю он старается представить как проявление «отличительных качеств» африканских «дикарей» — их якобы лживости, лени и вероломства. С нескрываемым раздражением пишет К. Уилсон и о борьбе других колониальных народов за свою независимость.

Характерно также выступление Оливера Литтлтона в июле 1953 г. в Аптон-андер-Лайне (Ланкашир). Литтлтон утверждал: «Огромное число человеческих существ, населяющих Африку, пока еще не внесло такого вклада, о котором можно было бы с благодарностью вспоминать, ни в развитие цивилизации, ни в дело укрепления закона и порядка, ни в искусство, ни в здравоохранение, ни в борьбу за счастье человечества». Однако Оливер Литтлтон «запамятовал», как много Англия обязана своими индустриальными успехами народам колоний, в том числе и африканцам. С другой стороны, колониальная система, в создании которой Англии принадлежала главная роль, на ряд столетий задержала экономическое, политическое и культурное развитие колониальных стран.

Таким образом, у Литтлтона были все основания «с благодарностью вспоминать» о вкладе народов Африки в развитие цивилизации, зато у народов Африки нет никакого повода к тому, чтобы помянуть добрым словом Литтлтона и его предшественников.

* * *

В книге «Народы Африки» приведены убедительные материалы, разоблачающие измышления защитников колониализма относительно истории и культуры африканских народов и их способности к развитию.

Широко распространено как бы подсознательное представление о некоей однородности коренного населения Африки: африканцы-де — это негры, а все ненегры, живущие в Африке, — это не африканцы. Но нет никаких серьезных оснований исключать из понятия «коренное население Африки» жителей Северной и Северо-Восточной Африки, не являющихся неграми. А они составляют около трети населения материка и живут там с незапамятных времен.

¹ C. Wilson. Kenya's warning. Nairobi. English Press. 1954.

Данные палеантропологии, говорит Д. Ольдерогге, показывают, что основные расы Африки сложились на ее территории. Средиземноморская раса издревле населяла всю северную часть Африки и большую часть Сахары; к югу от нее, в пределах южной части Судана, складывалась негроидная раса; в Южной Африке происходил процесс формирования койсанской расы, а в Восточной и Северо-Восточной Африке — эфиопской расы.

Негроидная раса, преобладающая на материке (она составляет немногим меньше двух третей его населения), этнически отнюдь не является однородной. Даже при современной, весьма недостаточной изученности этнического состава этой группы, уже недопустимо рассматривать ее как аморфную массу, не поддающуюся различению. Авторы рецензируемой книги указывают, что она представляет собой сложный конгломерат племен и народностей. Классификация их пока возможна лишь в основном по языковому признаку.

Сопоставление африканских языков позволяет разделить коренное население Африки на три большие, приблизительно равные части: к первой относятся народы Северной и Северо-Восточной Африки, говорящие на языках семито-хамитской группы (египтяне, арабо-берберы, эфиопы и другие); ко второй — народы Западной Африки, говорящие на языках суданской группы (ашанти, йоруба, эве, дагомеицы и другие); к третьей — народы Центральной и Южной Африки, говорящие на языках банту (баконго, баганда, суахили, зулусы, машона и другие). При общей численности населения Африки в 200 млн. человек эти основные группы народов материка составляют около 190 млн.

Сравнительно небольшие группы образуют европейцы (3—4% всего населения) и индийцы. Особняком стоят жители острова Мадагаскар — мальгаша, имеющие больше общих черт с индонезийцами, чем с африканцами.

Нет необходимости доказывать, что народы семито-хамитской языковой группы играли выдающуюся роль в мировой истории. Долина Нила (Египет) — родина древнейшей цивилизации. Все средиземноморское побережье Африки теснейшим образом связано с историей Европы, начиная с античной эпохи. Невозможно отрицать существования самобытной и притом богатой культуры у египтян и у арабо-берберского населения стран Магриба (Тунис, Алжир, Марокко). История своеобразной культуры Эфиопии прослеживается на глубину двух тысячелетий.

Что касается народов негроидной расы, то пояса пустынь до XIV в. препятствовал общению их с народами других континентов. Это обстоятельство, с одной стороны, сдерживало их развитие, а с другой — послужило причиной полной неосведомленности европейцев о ранних периодах истории Африки южнее Сахары. В дальнейшем буржуазные ученые Европы в большинстве своем занимались лишь историей колониальных захватов в Африке и не проявляли никакого интереса к истории народов этого материка.

Авторы книги «Народы Африки» справедливо пишут, что нет народов неисторических. Исходя из этого бесспорного положения, они убедительно показывают, что исторических и археологических свидетельств, они убедительно показывают, что народы Африки прошли длинный и своеобразный путь исторического развития. У каждого народа есть своя история, хотя и неписаная, своя культура с неповторимыми качественными особенностями, проявляющимися в методах обработки земли и ухода за домашними животными, в ремеслах, в типах построек, в формах одежды, в способах приготовления пищи, в музыке и изобразительном искусстве, в устном народном творчестве и т. д.

Как и в других частях света, народы в Африке развивались неравномерно, но проходили те же стадии развития, что и другие народы. Почти все они издавна знали плавку железа и меди, добычу золота, кладку каменных зданий и т. п. Из группы негроидных наиболее высокой степени развития достигли народы Судана, где в средние века скотоводство отделилось уже от земледелия и происходило отделение ремесла от сельского хозяйства. В высокоразвитом текстильном производстве обособились прядение, ткачество, крашение и отделка. Развивалась торговля. Некоторые местные товары, например, текстильные изделия хауса, находили путь в Конго. Появились денежные отношения и кредит.

В средневековой Западной Африке сложились крупные рабовладельческие и феодальные государства — Гана, Мали, Сонгаи, Канем, Бенин и другие. Города Тимбукту и Гао были важными культурными центрами Судана. В мусульманском мире широкой известностью пользовался университет Тимбукту. От государства Бенин сохранились великолепные памятники художественного литья. Многие народности банту также были объединены в государства — Конго, Буганда, Мономотапа и другие. Эти государственные образования, как и на других материках в ту эпоху, возникали и распадались, уступая место другим.

«Народы Африки к XV в. отставали лишь от передовых народов Европы и Азии, но были впереди многих из неевропейских народов; да и далеко не все европейские народы обогнали, например, суданцев. Все это самым решительным образом опровергает расистские бредни о неспособности африканских народов к самостоятельному развитию» (стр. 18), — пишет один из авторов книги И. Потехин.

Естественный процесс исторического развития африканских народов был резко нарушен вторжением европейских колонизаторов. Нечислимые бедствия и опустошения причинила населению Африки работорговля, организованная купцами и королями Европы, использовавшими при этом верхушку племен в самой Африке, торговавшую своими соотечественниками. По расчетам негритянского историка проф. Дюбуа, общая масса людей, пострадавших от работорговли, составила около 100 млн. Это означало колоссальное сокращение населения в Африке и длительную задержку в развитии ее народов.

Работорговля прекратилась в XIX в. не потому, что работорговцы устыдились выгодного для них промысла, а потому, что расхищение природных богатств Африки потребовало наличия рабочей силы на месте. Рабы, прежде вывозившиеся в Америку, стали необходимы для производства сырья в самой Африке. С переходом капитализма в империалистическую стадию народы Африки стали объектом жесточайшей эксплуатации и тяжелого гнета со стороны монополий колониальных держав.

Но колониализм, веками паразитирующий на теле угнетенных народов, не был в состоянии убить живую душу народов Африки и искоренить их самобытную культуру. Колонизаторам так и не удалось привить африканским народам психологию рабов и убедить их в собственной неполноценности.

* * *

В западноевропейской колониальной литературе чрезвычайно много внимания уделяется обсуждению вопроса о двух «направлениях» в колониальной политике, характерных для Англии и Франции. Английские реакционеры обычно утверждают, что африканцы не способны воспринять европейскую культуру, якобы абсолютно чуждую им по духу и традициям. Насильственное навязывание им европейского образа жизни, по мнению этих колонизаторов, может привести африканское общество лишь к хаосу, поэтому необходимо-де сохранить «традиционные институты» африканцев, т. е. родо-племенную организацию, местную систему управления (через вождей), местные нравы и обычаи. В отличие от англичан, французские реакционеры утверждают, что остальные африканские «традиционные институты» не достойны сохранения; получив образование, приобщившись к французской культуре, африканцы могут стать настоящими европейцами во всех отношениях, кроме цвета кожи.

Обсуждение достоинств и недостатков обоих «направлений» составляет содержание многочисленных псевдоученых «трудов» и журнальных статей, публикуемых в Англии и Франции. Авторы этих «трудов» делают вид, что в обоих случаях колонизаторы озабочены судьбой африканцев, что та и другая политика имеет в виду исключительно интересы «опекаемых» ими народов.

Подобного рода дискуссия о целесообразности или нецелесообразности сохранения «традиционных институтов» насквозь лицемерна и лжива. И английские, и французские колонизаторы присвоили себе роль опекунов по своей воле. Основу обеих «направлений» колониальной политики образует одно и то же стремление моно-

полий — увековечить экономическую, социальную и культурную отсталость основных масс угнетаемых ими народов.

Первый «план» довольно прозрачен: удержать африканское общество на самых низких ступенях развития, на стадии родо-племенной или феодальной организации, на которой африканцы, с одной стороны, не в состоянии объединить свои силы и предпринять серьезные попытки освободиться от колониального гнета, а с другой — могут-де удовлетвориться самым низким уровнем жизни, обеспечивающим максимальные прибыли английским монополиям. Главным практическим выводом из этой известной политики является применяемая в английских колониях система так называемого косвенного управления, т. е. управления с помощью подкупаемых вождей и феодалов. Помимо всего прочего, «косвенное управление» чрезвычайно выгодно монополиям потому, что прямое управление обширнейшими территориями требует создания огромного административного аппарата из европейцев и содержания на месте крупных вооруженных сил.

Другой метод, называемый в колониальной литературе политикой ассимиляции, отнюдь не рассчитан на «приобщение к европейской культуре» населения колоний в целом. Дело сводится лишь к подготовке узкой прослойки африканской «аристократии» — элиты, которая могла бы стать верной опорой для французских монополий, облегчая им задачу расхищения природных ресурсов колоний и эксплуатации народных масс.

Чем же отличаются эти «планы» друг от друга? По сути дела — ничем, если отбросить фальшивую фразеологию о культуре и об интересах африканцев. В обоих случаях монополии стремятся держать африканцев в покорности при посредстве специально натренированной привилегированной верхушки из среды самих африканцев.

В книге «Народы Африки» обстоятельно излагаются обе системы колониального управления и наглядно раскрывается их антинародный характер: ни та, ни другая система не имеют ничего общего с системой подлинного самоуправления народов колоний.

Английские монополии рекламируют систему «косвенного управления» как систему постепенного перехода колоний к «самоуправлению и независимости» с помощью «просвещенного и бескорыстного руководства». При этом реакционеры ссылаются на примеры Индии, Бирмы, якобы получивших независимость из рук самих англичан. Однако еще не было случая, чтобы угнетатели добровольно отказались от своих «приобретенных» привилегий в колониях. Народы Индии, Бирмы обрели политическую независимость не по милости английских монополий, а в итоге длительной и тяжелой борьбы против них, стоившей колониальным народам нечисленных жертв. И лишь для поддержания собственного престижа монополисты вынуждены теперь, задним числом, распространять небывлицы о своих мнимых заслугах в деле освобождения колоний.

* * *

Как известно, монополисты США формально не имеют колониальных владений в Африке, но они отводят к этому континенту важную роль в духе своих планов. Немало усилий и средств затрачивается монополиями США, чтобы превратить Африку в свой стратегический плацдарм и одновременно овладеть огромными сырьевыми богатствами этого материка.

В книге «Народы Африки» дается правильная оценка активности США в Африке и показано растущее обострение противоречий между американским империализмом, с одной стороны, и старыми колониальными державами — с другой.

В некоторых африканских колониях в настоящее время создалась весьма своеобразная обстановка: административная власть сохраняется за старой колониальной державой, а экономика колоний постепенно переходит в руки монополий США. Напуганные размахом освободительной борьбы в Африке старые колониальные державы оказались вынужденными поступиться частью своих интересов, лишь бы

удержать свое господство в колониях. Они прибегают к «помощи» монополий США, сознавая при этом всю опасность для себя такого «сотрудничества».

Но перспективы для колонизаторов радужными назвать нельзя. Национально-освободительное движение — основной фактор, определяющий положение в современной Африке. Оно широко освещено в рецензируемой работе. Национально-освободительная борьба африканских народов освещается до 1954 г. по всем странам материка. Это придает книге особую ценность. У нас еще не появлялось научных работ, которые с такой полнотой давали бы представление о многочисленных и взаимосвязанных событиях, характеризующих коренной перелом в жизни народов Африки.

Перемены, происшедшие в Африке после второй мировой войны, поистине велики. Последнее десятилетие ознаменовалось созданием массовых демократических организаций на всех африканских территориях; большим ростом забастовочного движения, проведением длительных кампаний бойкота и гражданского неповиновения колониальному произволу. Эти годы отмечены восстаниями на Мадагаскаре, в Уганде, Кении, Тунисе, Марокко, Алжире, мужественными народными выступлениями против колониального гнета в Нигерии, на Золотом Береге, во Французской Западной Африке, Южно-Африканском Союзе. Во всех уголках материка пришли в движение миллионные массы поработенных людей. Авторы книги раскрывают внутреннюю связь между стремительным подъемом национально-освободительного движения и крупными сдвигами в социальной структуре Африки за время господства колониализма. Повсюду в африканских странах идет интенсивный процесс формирования классов буржуазного общества, и в первую очередь пролетариата. Разрушаются племенная замкнутость и ограниченность. Совместная борьба против угнетения и колониальных властей содействует пониманию общности интересов. Постепенно вырабатывается национальное самосознание народов.

Разумеется, по сравнению с Азией размах национально-освободительного движения в Африке пока еще отстает. В ее освободительном движении еще много отсталого и стихийного. Но и здесь на первый план выступает основное: сопротивление разрозненных племен колониальному режиму сменяется организованным национально-освободительным движением. Численно выросший за последние годы местный пролетариат — наиболее сознательная и организованная часть населения африканских стран. Политическая активность пролетариата распространяется далеко за пределы рудников, шахт, фабрик, портов, плантаций, где сосредоточены наибольшие скопления рабочих. Крестьянство, составляющее преобладающее большинство населения Африки, начинает видеть в пролетариате своего надежного руководителя в борьбе за землю и свободу от колониального гнета. Рабочий класс становится руководящей силой национально-освободительного движения.

Народы Африки, как правильно отмечается в книге, свою борьбу за национальное освобождение неразрывно связывают с мировым демократическим движением. Они активно участвуют во всемирном движении сторонников мира. Профессиональные союзы Африки или входят во Всемирную федерацию профсоюзов или поддерживают с ней прочную связь. Африканские женские и молодежные организации примыкают к всемирному демократическому движению женщин и молодежи.

Период господства финансового капитала в Африке подходит к концу. Распад колониальной системы распространяется и на «черный континент»: Африканские народы не желают больше оставаться зависимыми. Они полны свежих могучих творческих сил и решимости сбросить с себя позорное колониальное ярмо.

В рецензии затронуты лишь основные и наиболее интересные вопросы, освещенные в книге «Народы Африки».

Не все в книге, впрочем, безупречно. В ней есть существенные пробелы, некоторые оценки вызывают возражения. Следует пожалеть, что авторский коллектив не нашел возможным рассказать о заслугах русских путешественников в изучении Африки. Их оригинальные труды, отчеты и дневники как опубликованные, так и хранящиеся в архивах, содержат богатые материалы не только по географии, но и по этнографии и истории народов Египта, Восточного Судана, Эфиопии, стран Магриба и, в меньшей сте-

пени, Центральной Африки. Авторы книги ограничились лишь помещением карты важнейших русских путешествий по северо-восточной Африке в XIX в. да беглым упоминанием нескольких имен. Между тем, научное наследство, оставленное русскими исследователями Африки, и труды ряда советских ученых (правда, немногочисленные), по нашему мнению, заслуживали того, чтобы им была посвящена в книге особая глава.

В первой главе, где излагаются расистские теории, уделено достаточно внимания разоблачению псевдонаучных концепций, господствовавших в буржуазной науке до второй мировой войны. Зато почти совершенно обойдены расистские измышления позднейших лет, когда особенно большую активность стали проявлять многие ученые мракобесы, такие как Хантингтон, Спикмэн, Уолтер Питкин и другие.

Со времени выхода книги «Народы Африки» прошло около года. Происшедшие с тех пор события убедительно свидетельствуют о дальнейшем усилении национально-освободительного движения на африканском материке. Чрезвычайно обострилось положение в Алжире и Марокко, где местное население вынуждено прибегнуть к борьбе против произвола и репрессий колонизаторов. Охвачены волнениями подопечные территории Камерун и Того, народы которых требуют демократических прав и самоуправления. Весьма симптоматичным для современного положения в Африке явился Конгресс народов Южно-Африканского Союза, состоявшийся летом нынешнего года в Клиптауне. Конгресс, собравший 2 844 выборных делегата от различных национальных, религиозных и общественных организаций, выработал боевую программу действий — хартию свободы. В этом документе африканцы требуют равноправия для всех национальных групп Южно-Африканского Союза и передачи народу земли и природных богатств страны.

Все эти события ярко подтверждают выводы авторов рецензируемой книги о том, что народы Африки спланиваются на дальнейшую борьбу против колониального гнета за свою свободу и независимость.

Имеются и другие отдельные недостатки в рецензируемой книге, но в целом это бесспорно ценный вклад в изучение Африки, который открывает путь к дальнейшему глубокому и всестороннему марксистско-ленинскому изучению материка, еще недавно представлявшему собой, за исключением истории далекой древности, terra incognita, малодоступную научному исследованию и прикрытую колонизаторами покровом нарочитой таинственности.

С. В. Датлин

А. А. ДРАГУНОВ. *Исследования по грамматике современного китайского языка, ч. I. Части речи.* М.—Л., Изд-во АН СССР, 1952, 231 стр.

Книга А. А. Драгунова «Исследования по грамматике современного китайского языка» встречена научной общественностью с большим интересом как у нас, так и за границей, особенно в странах народной демократии. Перевод этой работы печатается в китайском лингвистическом журнале «Чжунго юйвэнь» (Китайский язык), начиная с № 31 1955 г. В восточноведном журнале Венгерской Народной Республики «Acta orientalia» (1955 г., т. III) помещена рецензия на нее известного венгерского китайоведа Б. Чонгора. На VII международной конференции молодых китайоведов в Дареме (Англия) обсуждению книги А. А. Драгунова было посвящено специальное заседание. Такой интерес к этой работе не случаен, поскольку она представляет собой первое в китайоведной литературе систематическое исследование и описание грамматических признаков частей речи современного китайского языка.

Имеются ли в китайском языке части речи? По этому вопросу до сих пор высказываются различные мнения. Основной причиной все еще продолжающихся споров является отсутствие у китайского слова (в большинстве случаев) морфологических показателей его категориальной принадлежности. Некоторые лингвисты считают, что части речи могут быть выделены в том или ином языке лишь на основании морфологических признаков. А так как слова китайского языка в большинстве случаев не имеют их, делается вывод об отсутствии в китайском языке частей речи.

Такая точка зрения возникла и поддерживается, главным образом, в европейском языкознании. У некоторых наших лингвистов она была связана с так называемым новым учением о языке. Большинство же китайских ученых никогда не отрицали и не отрицают наличия частей речи в китайском языке (например, Ма Цзянь-чжун, Ян Шу-да, Ли Цзинь-си, Цзинь Чжао-цзы, Люй Шу-сян и Ван Ли, печатающийся также под именем Ван Ляо-и). Китайские языковеды в основном правильно заметили систему частей речи, обратив внимание, в частности, на близость китайских прилагательных к глаголам. Однако, как справедливо отмечает в своей книге А. А. Драгунов, части речи для китайских ученых до самого последнего времени были все же категориями не столько грамматическими, сколько смысловыми, необходимыми лишь для удобства изложения китайской грамматики¹.

Впервые точка зрения на части речи в китайском языке как на категории грамматические была сформулирована и последовательно проведена А. А. Драгуновым в начальной грамматике китайского языка, написанной им совместно с С. Чжоу². Эта точка зрения получила затем свое дальнейшее развитие в статье Е. и А. Драгуновых «Части речи в китайском языке»³, а также в курсе лекций по грамматике современного китайского языка⁴.

Разбираемая книга представляет собой один из разделов этого курса лекций в расширенном и переработанном виде. В ней автор, основываясь на работах крупнейших русских и советских языковедов-русистов — А. А. Шахматова, Л. В. Щербы, В. В. Виноградова, А. М. Пешковского, дает подробное обоснование системы частей речи, показывает их многообразные связи со всеми сторонами грамматического строя китайского языка.

Мы считаем правильной основную мысль автора книги: классификация слов может быть произведена не только на основании морфологических признаков. Морфологический принцип как основная база классификации приемлем, главным образом, для языков флективного строя, таких, например, как русский язык, — хотя и здесь он никогда не используется в чистом виде⁵.

В современном китайском языке имеется довольно большое количество слов, которые можно классифицировать и по их морфологическим признакам, по их структуре (в этой связи достаточно упомянуть хотя бы такие морфологические показатели категории предметности как суффиксы *(э)р* и *цзы*, так детально описанные автором; к ним можно было бы добавить и другие показатели — *тоу*, *цзя*, *син*). Однако А. А. Драгунов поступил, на наш взгляд, совершенно правильно, выдвинув на первый план своей грамматической классификации критерии синтаксические, поскольку именно эти критерии для китайского языка в целом наиболее характерны, пригодны для всего словарного состава без исключения, в то время как морфологические критерии охватывают в китайском языке лишь его часть и далеко не большую.

Не видя опоры в морфологии, некоторые ученые отождествляют части речи с членами предложения, считая, что части речи в китайском языке можно выделить только в предложении (Ма Цзянь-чжун, Ли Цзинь-си, Фу Дун-хуа).

¹ Проф. Ван Ляо-и писал, например, что «в китайском языке разделение слов по частям речи основывается почти исключительно на значении». См. Ван Ляо-и. Основы китайской грамматики. М., 1954, стр. 45.

² A. Lung xo S. Zhou. Wenfa chubu giaokoshu (Начальная грамматика китайского языка). Хабаровск — Хайшенвей, 1934.

³ См. «Советское языкознание», т. III. М. — Л., 1937, стр. 117—128.

⁴ А. А. Драгунов. Грамматическая система современного китайского разговорного языка (Курс лекций, читанных в ЛГУ в 1937—1942 гг.). Рукопись находится в библиотеке восточного факультета ЛГУ.

⁵ О критериях выделения частей речи в русском языке см. А. М. Пешковский. Русский синтаксис, в научном освещении. М., 1935, стр. 60—62; В. В. Виноградов. Русский язык. М., Учпедгиз, 1947, стр. 38.

Как уже отмечалось в китайской печати, эта классификация имеет ряд существенных недостатков⁶. В частности, в ней совсем не учитывается тот факт, что в роли тех или иных членов предложения могут выступать различные категории слов.

А. А. Драгунов к рассматриваемому вопросу подходит по-иному. Он тоже учитывает в своей классификации определенные соответствия между некоторыми частями речи и членами предложения, но это никак не связывается у него с тезисом, будто части речи в китайском языке могут быть выделены только в предложении. Поэтому в качестве критериев разграничения частей речи А. А. Драгунов берет: 1) различную с и о с о б и о с т ь определенных разрядов слов выступать в роли того или иного члена предложения и 2) различную с о е д и н и м о с т ь их со словами других разрядов и с теми или иными формальными элементами (стр. 8)⁷.

А. А. Драгунов учитывает всю совокупность возможных функций слова. Первый критерий всегда используется у него в сочетании со вторым. Современные китайские лингвисты приходят сейчас, по существу, к тем же выводам, что и А. А. Драгунов. Так, проф. Люй Шу-сян пишет: «Характер синтаксических связей может охватить наибольшее число явлений, поэтому он может быть использован в качестве г л а в н о г о критерия при выделении частей речи (разрядка наша. — М. Р.). Под синтаксическими связями подразумеваются все возможные синтаксические связи слова»⁸.

Части речи в современном китайском языке А. А. Драгунов определяет как категории лексико-грамматические, т. е. «такого рода разряды слов, каждый из которых характеризуется общностью основного значения и грамматических особенностей» (стр. 9). Так, существительные характеризуются, с одной стороны, общим основным значением (предметность), а с другой — тем, что они не могут быть бессвязочным сказуемым, не сочетаются с наречиями, но употребляются в функции подлежащего и дополнения и сочетаются с предлогами.

В отличие от существительных, глаголы (категория действия) синтаксически характеризуются прежде всего тем, что они могут самостоятельно, без помощи связи, выражать сказуемое, соединены непосредственно с отрицанием *бу* «не» и т. д.

Под «основным значением» следует понимать абстрактное значение, общее для данной группы слов, а не конкретное лексическое значение каждого из них. Именно оно определяет синтаксические функции слова и его различные связи.

Некоторые лингвисты рассматривают это значение (предметность, действие, качество) как грамматическое, и, следовательно, саму классификацию слов склонны считать поэтому грамматической, а не лексико-грамматической.

Части речи объединяются А. А. Драгуновым в две более общие категории — имя и предикатив, при этом, в отличие от европейских языков, прилагательные входят не в категорию имени, а в категорию предикатива. Вне этих категорий остается наречие, грамматически характеризующееся некоторой ограниченностью своего синтаксического употребления.

Всю систему лексико-грамматических категорий своеобразно повторяют так называемые слова-заместители (местоимения и местопредикативы), также характери-

⁶ См. Люй Шу-сян. Гуаньйю хань юй цзюэй ды ксе юаньцзэсин вэньти (Некоторые принципиальные проблемы частей речи в китайском языке). «Чжунго юйвэнь», 1954, № 27, стр. 6—14.

⁷ Впервые эти критерии разграничения частей речи были применены А. А. Драгуновым в 1934 г. См. A. Lung xo S. Zhou. Указ. соч. В Китае сочетаемость тех или иных разрядов слов со словами других категорий (как критерий разграничения частей речи) впервые использовал проф. Лу Чжи-вэй. См. Лу Чжи-вэй. Бэйцзин хуа даньпиньцзы цыхуй (Однословные слова в пекинском диалекте). Пекин, 1951. (Введение к этой работе было напечатано в 1937 г.).

⁸ Люй Шу-сян. Указ. соч., «Чжунго юйвэнь», 1954, № 28, стр. 22.

Синтаксические критерии выделения частей речи применяются теперь и советскими востоковедами других специальностей. См., например, Г. Д. Санжеев. К проблеме частей речи в алтайских языках. «Вопросы языкознания», 1952, № 6, стр. 84—102.

¹¹ Советское востоковедение, № 4

зующиеся рядом грамматических особенностей, свойственных только им одним. Здесь важно иметь в виду, что автор, рассматривая по ряду грамматических признаков числительные современного языка как имена, раскрывает в то же время их тесную связь с категорией предикатива. Это делается впервые в китаеведной литературе и имеет большую практическую ценность. Особенно интересны здесь наблюдения А. А. Драгунова над синтаксическими свойствами числительно-предметных словосочетаний. Эти сочетания носят смешанный имя-предикативный характер, что проявляется в их способности употребляться в роли сказуемого самостоятельно, без помощи связки или глагола *ю* 'иметься'.

Грамматическая общность прилагательных и глаголов, характерная для ряда языков Дальнего Востока, давно уже была обнаружена китайскими авторами; однако только в работах А. А. Драгунова, в частности в данной работе, мы находим детальное исследование этого вопроса — показ всего того, что в китайском языке роднит прилагательное с глаголом и, следовательно, дает основания объединять их в общую лексико-грамматическую категорию. Противопоставление имен предикативам — это центральная проблема в системе частей речи китайского языка. Ее обоснование представляет собой едва ли не самую ценную часть всех теоретических положений автора.

Как положительный момент следует отметить, что автор раскрывает не только общие черты китайских прилагательных и глаголов, но и отмечает также их грамматические различия. В частности, он впервые в литературе указывает на то, что глаголы и прилагательные отличаются друг от друга неодинаковыми формами повтора. Этот небольшой раздел книги можно рассматривать как предостережение против отождествления китайских прилагательных и глаголов, что, к сожалению, еще имеет место.

Рецензируемая работа А. А. Драгунова примечательна еще и тем, что в ней не только обоснована возможность общей грамматической классификации слов китайского языка, но и показано также, что внутри общих лексико-грамматических категорий (частей речи) можно и нужно выделять более мелкие группы слов, которые характеризуются своими, только им присущими грамматическими особенностями. Эти группы слов, так называемые частные лексико-грамматические категории, выделяются автором, главным образом, на основании различной соединимости тех или иных разрядов слов со словами других категорий и с теми или иными формальными элементами. Так, например, внутри существительных автор выделяет в особые группы: существительные, обозначающие единицы измерения, соединимые непосредственно с любым числительным, что отличает их от всех остальных существительных; собственные имена; существительные, обозначающие лиц и не-лиц; термины родства и другие. Внутри глаголов, в свою очередь, выделяются глаголы действия и глаголы не-действия, глаголы переходные и непереходные, глаголы-предлоги и другие. Исследование частных лексико-грамматических категорий слов китайского языка с такой полнотой обоснования, и притом, что очень важно, в рамках системы общих лексико-грамматических категорий проводится А. А. Драгуновым впервые в китаеведении⁹. Можно не соглашаться с правомочностью выделения той или иной частной категории (например, частной категории имен существительных, обозначающих неотчуждаемую принадлежность), но нельзя отрицать того факта, что эта работа А. А. Драгунова обосновывает возможность такой классификации, углубляет наши знания синтаксических свойств отдельных групп слов.

Лексико-грамматические категории занимают центральное место в китайской грамматической системе, отражаясь и в построении словосочетаний и в разных типах предложений. Поэтому естественно, что в связи с изложением этого центрального вопроса автор рассматривает ряд других узловых проблем китайской грамматики. Среди этих вопросов особый интерес представляет проблема грамматического выделения предиката сообщения или так называемого логического сказуемого, т. е. той части предло-

⁹ Г. Габеленц пытался, как известно, выделить частные категории, не решив проблемы общих. См. G. Gabelentz. Zur chinesischen Sprache und zur allgemeinen Grammatik. «Internationale Zeitschrift für allgemeine Sprachwissenschaft», 1886, III.

жения, которая является наиболее важной для говорящего, поскольку содержит то новое, что говорящий желает сообщить собеседнику. Так, например, предложения типа «он читает китайские газеты» как в байхуа, так и в диалектах могут быть переданы двояко. Если речь идет о простой констатации факта, предложение строится по формуле: подлежащее — сказуемое — дополнение, т. е. *та кань чжунго бао*. Если же говорящий намерен выделить словосочетание *чжунго бао* как наиболее важный элемент высказывания, например, ответить на вопрос, «какие газеты он читает?», то требуется совсем иная конструкция предложения, где *чжунго бао* будет не только логическим, но и грамматическим сказуемым, а *та кань* — подлежащим. Но так как глагол *кань* сам по себе не может, как правило, функционировать в роли подлежащего, а предметное словосочетание *чжунго бао* — в роли сказуемого, то глагол оформляется именным суффиксом *ды*, а перед предметным словосочетанием ставится связка *шы*. Таким образом, предложение принимает следующий вид: *та каньды шы чжунго бао*, букв. 'им читаемое есть китайские газеты'.

В современном байхуа словосочетание *чжунго бао* можно, конечно, выделить голосом как логическое сказуемое и в составе первого предложения: *та кань чжунго бао*. Однако А. А. Драгунов совершенно прав, утверждая, что в байхуа и в северных диалектах предложения второго рода (*та каньды шы...*) в таких случаях имеют большое распространение. В них устраняется расхождение между логическим и грамматическим сказуемым: все то, что логически для говорящего является наиболее важным, превращается в грамматическое сказуемое.

Тенденция к превращению в грамматическое сказуемое всего наиболее важного для говорящего проявляется и в некоторых других синтаксических конструкциях, помимо разобранных А. А. Драгуновым. Например, любая характеристика действия (качественная, временная), а также модальные слова, выражающие возможность, долженствование, разрешение или запрещение произвести действие, могут быть превращены в сказуемое к придаточному предложению-подлежащему. Возьмем такое предложение: *го ингай шоу ку* 'я должен страдать'. Если говорящему надо выделить модальное слово *ингай* 'должен', то он может это сделать также двумя способами: выделить это слово в составе этой же конструкции интонационно — *го ингай шоу ку* (при таком выделении *ингай* будет логическим сказуемым); очень часто, однако, тот же эффект достигается другим путем, а именно, слово *ингай* превращается не только в логическое, но и в грамматическое сказуемое. Для этого оно выносится в конец предложения и заключается в конструкцию *шы... ды*. Все же остальное в свою очередь превращается не только в логическое, но и в грамматическое подлежащее, и предложение приобретает следующий вид: *го шоу ку шы ингай ды*¹⁰. Другими словами, здесь также устраняется расхождение между логическим и грамматическим сказуемым предложения и грамматическими средствами выделяется наиболее важный элемент — предикат сообщения. §

Вопрос о грамматических средствах выделения предиката сообщения в китайском языке до А. А. Драгунова почти совершенно не затрагивался в лингвистических работах. Между тем он имеет не только исключительно важное теоретическое, но и практическое значение, в особенности для переводчиков, ибо грамматически обоснованное понимание того, что желает подчеркнуть говорящий, имеет огромное значение для правильного толкования общего смысла речи или текста.

В разделе «модально-временная система» рассматривается вопрос о финитном сказуемом, о необходимости оформления китайского глагола для того, чтобы он мог функционировать как сказуемое в законченном, самостоятельном предложении. Здесь же, говоря о формальной роли различных частиц как оформителей глагольного сказуемого, А. А. Драгунов впервые¹¹ ставит и по-своему решает вопрос о различном оформлении глагола-сказуемого в самостоятельном предложении и в зависимой части целого. Эти

¹⁰ Ба Цзинь. Сюаньцзи (Избранные сочинения). Пекин, 1952, стр. 115.

¹¹ Если не считать его же работы «Исследования в области дунганской грамматики». М.—Л., Изд-во АН СССР, 1940.

различия в оформлении, как показывает автор, наблюдаются не только в сказуемых-глаголах, но и в сказуемых-прилагательных. Так, например, прилагательные в современном китайском языке без их оформления наречиями степени (*хэнь* 'очень'; *цзуй* 'самый, в высшей степени' и др.) обычно употребляются лишь как сказуемые неполной предикации, т. е. как сказуемые в каких-либо частях высказывания, входящих в состав более сложного синтаксического целого.

В связи с этим вопросом весьма интересны наблюдения А. А. Драгунова, касающиеся употребления в современном языке наречия *хэнь*. Будучи самым нейтральным по своему значению, *хэнь* по частоте употребления стоит на первом месте среди наречий степени. Постоянное употребление этого слова в предложениях типа *цзэбэнь шу хэнь хэо* 'эта книга очень хороша' привело сейчас к тому, что вещественное значение его в таких предложениях в значительной мере утрачено. Обособляясь от категории наречия, *хэнь* становится своего рода связкой при качественном сказуемом; основная его функция здесь чисто грамматическая: неполную предикацию оно превращает в полную. Впервые эта мысль была высказана А. А. Драгуновым в 1935 г. на сессии Академии наук СССР и затем в вышеупомянутой статье Е. и А. Драгуновых¹². Утрата наречием *хэнь* своего лексического значения в упомянутых конструкциях была констатирована также (независимо от А. А. Драгунова) проф. Ван Ли¹³. В настоящее время это положение вошло уже и в учебную литературу¹⁴.

При всей ценности положений автора о различном оформлении глагола-сказуемого, а также прилагательного в самостоятельном и зависимом предложении нельзя признать удачной данную им в § 106 следующую формулировку о китайском глаголе: «Взятая сама по себе, глагольная морфема не содержит никаких указаний ни на время, ни на залог, ни на вид и не имеет финитного характера. Вот почему глагол в китайском языке должен быть оформлен, чтобы функционировать как финитное сказуемое в законченном предложении. Оформление это не обязательно морфологическое, а может быть и лексико-синтаксическим, — например, дополнение при переходных глаголах — и даже нулевым — в повелительных предложениях» (стр. 127). В этой формулировке, противоречащей всему существу книги, понятие словарной формы глагола подменено понятием глагольной морфемы. Прежде всего, морфемы как таковые не принадлежат к сфере частей речи; далее, что касается вида как категории, присущей китайскому глаголу даже в его словарной форме; то об этом сам А. А. Драгунов неоднократно высказывался как в лекциях, так и в других работах¹⁵. И действительно, мы склонны думать, что китайские глаголы распадаются на две большие группы: а) глаголы общего (нулевого или имперфективного) вида и б) глаголы результативного (перфективного) вида. Первые характеризуются нулевым оформлением, вторые — своей особой структурой¹⁶. Наконец, вряд ли правильно говорить о лексико-синтаксическом оформлении глагола-сказуемого в предложении, поскольку предложения как такового вообще не может быть без определенной соотносительности его содержания к реальной действительности. Соотносительность же эта выражается по-разному: формами вида и времени, наклонением, модальными частицами, интонацией, лексико-синтаксическими средствами. Другими словами, предикативность не есть только свойство той или иной

¹² См. «Советское языкознание», т. III, 1937, стр. 122—124.

¹³ См. Ван Ли. Чжунго вэньфады сицы (Связки в китайском языке). «Цинхуа сюэбао», 1937, т. XII, 1, стр. 38.

¹⁴ См. Б. Исаенко, Н. Коротков, И. Советов-Чонь. Учебник китайского языка, М., Изд-во лит-ры на иностр. языках, 1954, стр. 17.

¹⁵ См. А. А. Драгунов. Исследования в области дунганской грамматики. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1940, стр. 6.

¹⁶ Об общем (нулевом) виде см. Ван Ли. Чжунго юйфа лилунь (Принципы китайской грамматики), т. I. Шанхай, 1951, стр. 283; о результативном виде см. Т. П. Задонко. Результативные глаголы в современном китайском языке (кайд. дисс.); М., 1955, стр. 160, 162; С. Е. Яхонтов. Категория глагола в китайском языке (канд. дисс.). Л., 1954, стр. 362—373.

части речи, а есть категория синтаксическая, которая может быть присуща предложению в целом¹⁷.

Большое внимание А. А. Драгунов уделяет модально-временным отношениям, считая, что «категория времени в современном китайском языке образует две системы: систему прошедших времен и систему «прошедшее — настоящее — будущее» (стр. 128).

Внутри системы прошедших времен (видового характера) центральное место автор отводит суффиксам *ла* и *го*. Первый из них выражает прошедшее завершённое время, второй, наоборот, прошедшее незавершённое, допускающее возможность повторения. Суффиксы эти — видового происхождения, что сказывается, конечно, на их современном употреблении. В связи с этим многие исследователи, в том числе и китайские, рассматривают их как чисто видовые (*ла* — законченный совершенный вид, *го* — многократный), что вряд ли является правильным, поскольку фактически эти суффиксы выражают в современном языке и время. Правильнее было бы квалифицировать эти показатели как смешанные, видо-временные.

Иногда суффикс *ла*, в отличие от *го*, может оформлять глагол, обозначающий действие, которое должно совершиться в будущем. Например, *дэн ни нян сыла, цзай ку ба* 'вот погоди, умрет твоя мать, тогда наплачешься'. Этот факт обычно приводится в подтверждение того, что *ла* не обозначает прошедшего времени. Однако подтверждение это основано, как нам кажется, на недоразумении, поскольку при этом не учитывается, что такое употребление *ла* возможно лишь при условии, когда в предложении сопоставлены два действия; при этом *ла* показывает, что первое действие закончилось к тому времени, когда возникнет второе¹⁸. Другими словами, форма прошедшего времени обозначает в таких случаях предшествование второстепенного действия главному.

А. А. Драгунов справедливо указывает, что система времен «прошедшее — настоящее — будущее» тесно связана с выражением модальных отношений. В положительных конструкциях эта система находит себе морфологическое выражение не во всех северных диалектах; в байхуа ее можно квалифицировать лишь как систему, находящуюся в процессе становления.

В отрицательных предложениях время выражается при помощи отрицаний *бу*, «не» и *мэй(ю)*, «не (имеется)». Отрицание *бу* употребляется в настоящем и будущем времени, *мэй(ю)* — в прошедшем. Отрицания в китайском языке играют ту же грамматическую роль, что и суффиксы в положительных конструкциях: они превращают глагол в законченное (финитное) сказуемое.

Большой заслугой А. А. Драгунова является, на наш взгляд, описание им системы модальных частиц, которые играют, как известно, важнейшую роль в китайском языке. В разделе, посвященном этому вопросу, мы находим не только перечни отдельных значений тех или иных частиц (как это до сих пор обычно делалось в литературе), но и обобщения этих значений и указания на соотносительность некоторых частиц друг с другом; и, что еще важнее, здесь раскрывается связь модальной и временной системы.

Необходимо отметить, наконец, что автор не ограничивается в своей работе статическим описанием тех или иных грамматических явлений, он прослеживает в ряде случаев и их динамику. Для этой цели широко привлекаются данные диалектов провинций Ганьсу, Шэньси, Хэбэй, Жэхэ, причем сравниваются только такие диалекты, которые принадлежат к одной и той же группе, а именно северной, как наиболее важной по территориальному распространению, по числу говорящих и по культурному и политическому значению. Сопоставление ведется с учетом того, какое место каждый отдельный языковой факт занимает в грамматической системе сравниваемых диалектов.

Изучение общих процессов внутри данной группы диалектов несомненно дает богатый материал и позволяет по-новому осветить целый ряд вопросов китайской грамматики. Напрасно, однако, автор, говоря о внутренних законах развития китайского

¹⁷ См. В. В. Виноградов. Некоторые задачи изучения синтаксиса простого предложения. «Вопросы языкознания», 1954, № 1, стр. 12—18.

¹⁸ Ван Ли-и. Основы китайской грамматики. М., 1954, стр. 11.

языка, иллюстрирует действие этих законов лишь общими процессами внутри северной группы китайских диалектов.

К недостаткам книги следует отнести также отсутствие в некоторых случаях четкой грани между явлениями синтаксиса и морфологии. Так, под соединением с теми или иными формальными элементами у автора понимаются иногда явления синтаксические — соединение с теми или иными служебными словами, в других же случаях сюда подводится аффиксальное изменение слов. Оформление предикативов суффиксом *ла* автор рассматривает, так же как и их соединимость с отрицанием *бу* и со словами наречного типа *ду*, *с* и т. п.

Анализируя числительно-предметные словосочетания, А. А. Драгунов причисляет к таковым и некоторые сочетания, которые в действительности к ним не принадлежат, а именно сочетания типа *и-кань* 'посмотрел', *и-сян* 'подумал', где *кань* и *сян* рассматриваются автором как отглагольные имена. Он пишет, что «поскольку в состав таких отглагольных имен входят числительные, постольку вполне естественно, что эти имена могут при случае самостоятельно выражать сказуемое, например: *та и-кань, цзю паола* 'он взглянул и тотчас же убежал', букв.: 'он одно — смотрение, тотчас убежал'» (стр. 186). Мы полагаем все же, что предикативность создается здесь самим глаголом, который может в таких случаях принимать дополнение и быть оформленным видо-временным суффиксом *ла*, например: *во и цзиньла мьнь, цзю кань цзянь...* 'как только я вошел, увидел...'. Форма «числительное + глагол» имеет видовое значение однократности действия. В сложном предложении она является формальным признаком самостоятельности предложения.

Вызывает возражения также грамматическая правомерность выделения некоторых частных лексико-грамматических категорий, например, категории лиц по их функциям внутри существительных. Все это, однако, вопросы, носящие более или менее частный характер. Спорное или даже неверное их освещение ни в коей мере не колеблет основных положений автора.

В целом рецензируемая работа А. А. Драгунова, несомненно, является большим вкладом в дело изучения грамматического строя современного китайского языка. Она с одинаковым интересом читается как специалистами-китаеводами, так и представителями общего языкознания.

М. К. Румянцев

Е. Ф. ЛУДШУВЕЙТ. *Турция (Экономико-географический очерк)*. М., Государственное изд-во географической литературы, 1955, 398 стр., карты, илл.

Широкие круги советских читателей проявляют большой интерес к изучению истории, экономики и культуры народов зарубежного Востока. Рецензируемая книга знакомит читателей с экономикой и географией современной Турции.

В первой части приведены общие сведения о стране, описаны ее природные условия и ресурсы полезных ископаемых, дается довольно подробный анализ классового, национального и религиозного состава населения. Специальные разделы книги посвящены общей характеристике экономики Турции, экономической географии сельского хозяйства и промышленности, внешней торговле, транспорту и связи. Эти разделы содержат много нового и читаются с интересом.

Вторая часть работы посвящена порайонному экономическому обзору, что представляет большой интерес, поскольку впервые в нашей литературе автор дает более или менее полное описание экономических районов Турции.

Автор обстоятельно показывает структуру земледелия (культуры, урожайность, орошение и т. д.), привлекая для этого обильный материал, почерпнутый большей

частью из турецких источников. Автор приводит данные о состоянии транспорта и внешнеэкономических связей Турции, подробно описывает различные отрасли промышленного производства и показывает роль внешней торговли в закабалении Турции иностранными монополиями.

Определенное место в рецензируемой книге отведено показу положения рабочих и крестьян, их жизни и быту. Вкратце говорится и об усилении эксплуатации их в связи с постепенным превращением Турции в колонию иностранных монополий. Автор рассказывает о росте налогов в результате милитаризации народного хозяйства, уделяет внимание анализу положения в области народного образования и здравоохранения в стране. Он останавливается также на национальном угнетении нетурецких народов. В рецензируемой книге дается в общем правильное представление о современной Турции, о ее природных условиях, развитии производительных сил и положении народных масс.

Вместе с тем книга не свободна от ряда существенных ошибок общего и частного характера. В ряде случаев автор пытается анализировать экономические процессы без достаточного учета господства в стране иностранных монополий, забывая, что в эпоху империализма, и особенно в период общего кризиса капитализма, отдельные страны перестали быть самодовлеющими хозяйственными единицами и являются частью мирового капиталистического хозяйства. Так, например, автор начинает анализ экономики Турции с вопроса об уровне экономического развития страны и при этом не говорит четко, что сам этот уровень развития зависит от господства иностранного, главным образом американского, капитала и определяется им. По той же причине Е. Ф. Лудшувейт объясняет специализацию крестьянских хозяйств главным образом «стремлением» (?) крестьян «к производству какой-нибудь определенной культуры» (стр. 88), а не приспособлением производства к потребностям мирового капиталистического рынка. Разделы о формах и методах господства иностранного капитала написаны не всегда конкретно. Приведенные в книге сведения об иностранных капиталовложениях в хозяйство Турции основаны на явном недоразумении; автор принял за иностранные инвестиции данные о привлеченных средствах турецких предприятий, организаций и учреждений.

Автор, видимо, не совсем правильно представляет сущность производственных отношений в сельском хозяйстве Турции, чем и объясняются некоторые ошибочные положения по этому вопросу, содержащиеся в книге. Хорошо известно, что земельные отношения в Турции характеризуются наличием крупного помещичьего и кулацкого землевладения, а также мелкого крестьянского землепользования. В стране весьма сильны остатки докапиталистических отношений, выражающиеся в распространении издольщины и испольщины как основных методов феодальной эксплуатации крестьянства.

Вместе с этим в Турции, особенно в последнее время, идет быстрый процесс развития капиталистических отношений в сельском хозяйстве, что находит подтверждение в более широком применении наемного труда, машин и т. д. Так, по данным сельскохозяйственной переписи 1950 г., в стране насчитывалось более 400 тыс. крестьянских дворов, не имевших иных источников существования, кроме продажи рабочей силы. Даже по заявлению министра труда Турции только в южных районах страны имеется не менее 350 тыс. постоянных сельскохозяйственных рабочих¹. Таким образом, вопрос о развитии капитализма в сельском хозяйстве страны — один из важнейших вопросов современной действительности Турции. Перед автором рецензируемой книги стояла задача — на основании фактических данных показать степень развития капиталистических отношений в деревне. Однако Е. Ф. Лудшувейт не только не сделал этого, но и допустил ряд ошибок.

Так, он считает, что в Турции возможны и такие «помещичьи хозяйства капиталистического типа», которые лишь иногда (?) прибегают к найму сельскохозяйственных рабочих (стр. 83).

¹ «Zafer», 15 сентября 1954 г.

Эту же самую ошибку повторяет автор и при оценке кулачества, появляющегося в результате развития капиталистических отношений в сельском хозяйстве и дифференциации крестьянства.

Е. Ф. Лудшувейт указывает вначале, что кулачество Турции представляет собой сельскую буржуазию (стр. 67). Однако он далее утверждает, что в Турции «кулаки, как правило, сами хозяйство не ведут, предпочитая большую часть земли сдавать исполнителям из доли крестьянам» (стр. 84). Другими словами, здесь, как и во многих местах книги, проводится мысль, что кулаки эксплуатируют крестьян преимущественно докапиталистическими методами.

Ошибка автора в данном случае состоит в том, что он не попытался выяснить особенности кулачества в Турции. Между тем можно и нужно говорить о наличии в турецкой деревне двух категорий кулака: с одной стороны, складывающейся сельской буржуазии, эксплуатирующей, главным образом, наемный труд, с другой — кулаков, которые эксплуатируют бедноту преимущественно путем взимания арендной платы, ростовщических процентов или пользуются другими формами докапиталистической эксплуатации. Применительно к Китаю Мао Цзэ-дун называл вторую категорию «кулаком старого (феодалного) типа». Кулаков отличает от помещика не только принадлежность к тому или иному сословию, как говорится об этом в книге (стр. 66), но и ряд других признаков.

Ошибка автора попытка рассматривать кулачество Турции как самостоятельный класс, противостоящий вместе с помещиками крестьянству (стр. 67 и др.).

В. И. Ленин, касаясь особенностей русского кулачества, писал: «Поскольку в нашей деревне крепостное общество вытесняется современным» (буржуазным) обществом, постольку крестьянство перестает быть классом, распадаясь на сельский пролетариат и сельскую буржуазию (крупную, среднюю, мелкую и мельчайшую). Поскольку сохраняются еще крепостные отношения, — постольку «крестьянство» продолжает еще быть классом...»²

У турецкого крестьянина — кулака положение двойственное: как владелец земли, он эксплуататор трудового крестьянства, но когда он арендует помещичью землю — он придаток к ней. Так как зачастую он вынужден арендовать земельные участки на тех же условиях высокой натуральной (реже денежной) ренты, что и крестьянская беднота, поэтому он заинтересован в ограничении и даже ликвидации помещичьего землевладения и в этом вопросе его интересы совпадают с интересами всего крестьянства. Следовательно, в условиях господства в турецкой деревне класса крупных земельных собственников кулачество продолжает оставаться прослойкой крестьянства, как класса-сословия.

Ошибка освещения Е. Ф. Лудшувейтом вопроса о кулаке привело к искажению картины расстановки классовых сил в турецкой деревне.

Для характеристики землевладения в книге использованы непроверенные данные (стр. 378), которые резко расходятся с официальными данными сельскохозяйственной переписи и анкетного опроса, проведенных в 1950—1952 гг. Расхождения в этих данных имеются как в количестве семей, занятых в сельском хозяйстве Турции, так и в количестве земель, находящихся в руках эксплуататорской верхушки деревни. По данным анкетного опроса 1952 г., в Турции имелось 2930 тыс. хозяйств (а не 3356 тыс., как сообщается в книге), занятых в земледелии и животноводстве, при общей площади обрабатываемых земель 19 452 тыс. га.

Во время подготовки итоговых данных переписи к печати турецкие статистики сделали все возможное, чтобы скрыть истинную картину землевладения в стране. В данные о количестве крестьянских земель были включены не только поля, виноградники, сады, являющиеся собственностью крестьян, но и арендованные ими участки. При всей весьма относительной достоверности опубликованных результатов переписи они все же дают известное представление о земельных отношениях в стране. Внеся

² В. И. Ленин. Соч., т. 6, стр. 97.

необходимые поправки и перегруппировав разрозненные данные сельскохозяйственной переписи 1950 г. и данные обследования сельского хозяйства в 1952 г., получим следующие, более убедительные, чем в рецензируемой книге, цифры:

Таблица 1*

Распределение обрабатываемых земель

Размер земельного участка в га	Число хозяйств в тыс.	% к итогу	Обрабатываемые земли у данной категории в тыс. га	% к итогу
—	403	13,7	—	—
0,1—5,0	1570	53,6	3618	18,6
5,0—10,0	553	18,9	4026	20,7
10,1—30,0	328	11,2	5467	28,1
30,1 и более	76	2,6	6341	32,6
Итого	2930	100,0	19 452	100,0

* Источник: «Yeni Ulus», 8 марта 1954 г.

Хозяйства с размером возделываемого участка до 5 га с рядом оговорок можно считать бедняцкими, до 10 га — середняцкими, а остальные — кулацкими и помещичьими. Отсюда следует, что 2526 тыс. хозяйств (86,2%) владеют 7644 тыс. га земельной площади, включая 1,5—2 млн. арендованных у помещиков и кулаков, т. е. на правах собственности беднякам и середнякам принадлежит лишь 5,5—6,0 млн. га (28—31% всех земель). Кулакам принадлежит свыше четверти обрабатываемых земель, а 76 тыс. помещиков — 2,6% сельского населения — сосредотачивают в своих руках до 40—45% земельного фонда страны (с учетом сдаваемой в аренду земли).

Таким образом, 86,2% крестьянских хозяйств (2526 тыс.) имеют 5600 тыс. га земельной площади, т. е. в 2,5 раза меньше, чем помещики и кулаки, составляющие 13,8% хозяйств. Приведенные данные, правда, не опровергают основных выводов, содержащихся по этому вопросу в рецензируемой книге. Однако они являются более достоверными и использование их, безусловно, позволило бы автору дать более правильный анализ землевладения и землепользования в Турции.

Автор относит к хозяйствам середняков крестьянские хозяйства с наделами от 1,5 до 10 га (стр. 85). Но такая характеристика хозяйств ошибочна, ибо в условиях Турции середняцкими хозяйствами можно считать лишь те хозяйства, которые, имея не менее 3—5 га обрабатываемой земли, должны располагать и минимумом рабочего скота. С другой стороны, в книге совершенно выпала категория хозяйств, владеющих 10—15 га.

Вызывает недоумение и то, что автор не пользуется установленной научной терминологией при характеристике промышленности Турции.

Во многих случаях Е. Ф. Лудшувейт для определения низших форм промышленности Турции применяет термин «кустарная промышленность», подразумевая под этим термином ремесло, мануфактуру, а также домашние промыслы. В. И. Ленин в свое время указывал, что понятие кустарная промышленность — «...абсолютно непригодное для научного исследования понятие, под которое подводит обыкновенно все и всяческие формы промышленности, начиная от домашних промыслов и ремесла и кончая наемной работой в очень крупных мануфактурах»³.

Между тем в рецензируемой работе имеется даже раздел под наименованием: «Кустарная и домашняя промышленность. Ремесло» (стр. 153—157). В этом разделе автор совершенно не показывает различий между ремеслом и мануфактурой, а под домашней промышленностью имеет в виду лишь работу на дому, смешивая рассеянную

³ В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 395.

мануфактуру с домашним промыслом. Автор, как ни странно, считает возможным объединить все это под терминами «кустарная» и «полукустарная» промышленность, так, на стр. 128 он пишет: «кустарные производства составляют 95 % всех промышленных предприятий, на них занято более 40 % промышленных рабочих».

Содержащиеся в книге положения о процессе возникновения капиталистических отношений в промышленности Турции весьма путаны и не выдерживают научной критики.

Автор произвольно толкует и использует данные промышленной переписи 1951 г. При определении численности рабочего класса Турции (стр. 125) Е. Ф. Лудшувейт объединил данные переписи промышленности и имеющиеся сведения министерства труда. В результате цифры о численности рабочих, приведенные в книге, не верны. Автор дает численность рабочих в добывающей промышленности по данным переписи. Однако перепись не охватывала добывающей, строительной и военной отраслей промышленности. Данные о стоимости продукции обрабатывающей промышленности в разных местах книги различны: в одном случае — 2318,6 млн. лир (стр. 125), в другом — 899,1 млн. лир (стр. 389). Последние данные являются ошибочными, так как в данном случае речь идет только о вновь созданной стоимости ($v + m$), этим объясняется, что данные о стоимости продукции обрабатывающей промышленности по переписи 1951 г. в первом случае автор дает в качестве стоимости всей продукции промышленности Турции.

Автор рецензируемой книги без каких бы то ни было доказательств утверждает, что политика этатизма (государственного капитализма) якобы способствовала выкачиванию продукции сельского хозяйства на внешний рынок и вела к сохранению колониального положения страны (стр. 76).

Как известно, до последнего времени считалось, что политика этатизма в Турции имела для нее в известной мере положительное значение, так как объективно способствовала некоторому укреплению ее независимости, что эта политика не вела к росту вывоза сельскохозяйственного сырья на внешние рынки, а, наоборот, стимулировала строительство новых предприятий, спрос на сельскохозяйственное сырье внутри страны. Поэтому естественно было ожидать, что автор, высказывая мнение, противоположное установившимся в науке представлениям, сделает попытку обосновать свою точку зрения. Но этого в работе не сделано.

Автор не критически также использует официальные данные о национальном доходе Турции (стр. 70—72 и др.). Как известно, сам подход буржуазных статистиков к исчислению национального дохода глубоко порочен. В сумму национального дохода ими включается не только стоимость, вновь созданная в сфере материального производства в течение определенного периода, но и такие доходы, как жалование многочисленных чиновников, доходы от банковской деятельности, торговли и т. д. Все это делается буржуазными статистиками с апологетической целью «доказать» преуспевание капиталистического общества и замаскировать петродовые источники доходов эксплуататорских классов. Разумеется, турецкая буржуазная статистика также широко использует эти методы исчисления национального дохода.

В рецензируемой книге использованы следующие данные о так называемом национальном доходе Турции за 1951 г.

	Мли. лир	Процент
Сельское хозяйство	5 577,6	53,0
Промышленность	1 235,7	11,7
Транспорт	449,2	4,3
Торговля	919,0	8,7
Банки и страховые общества	106,5	1,1
Государственные службы	909,2	8,6
Свободные профессии	168,7	1,6
Прочие	1 166,1	11,0
Итого	10 532,0	100,0

Достаточно бегло взглянуть на эти данные, чтобы увидеть, что автор книги, беря их на веру, впадает в методологическую ошибку. В самом деле, в «национальный доход», помимо стоимости, вновь созданной в сфере материального производства, включены также данные о перераспределении дохода в целом (банковское дело, услуги, торговая прибыль и пр.). Ясное дело, что использование подобных данных в исследовании требует критического подхода, чего Е. Ф. Лудшувейт не сделал. Без каких-либо оговорок автор на стр. 70 и 72 заявляет, что стоимость продукции сельского хозяйства составляет свыше 50% национального дохода Турции (стр. 70), стоимость продукции промышленности — 11% (стр. 71), а доля доходов от торговли вместе с поступлениями от транспорта превышает доход от промышленности (стр. 72). Но как раз о том же самом говорят и турецкие официальные лица. Вполне понятно, что подобные приемы Е. Ф. Лудшувейта вносят путаницу.

Столь же несостоятельна попытка Е. Ф. Лудшувейта определять объем национальных капиталовложений в экономику страны на основании... номинального капитала местных банков. При этом автор полагает, что сумма турецких капиталовложений в народное хозяйство должна равняться номинальному, т. е. фиктивному капиталу местных банков (стр. 75, 78). Пользуясь подобными приемами, автор пытается определить соотношение между национальными и иностранными капиталовложениями в экономику страны. Установленные таким путем «пропорции» не отражают действительной картины.

Вызывает возражение и ряд положений второй части книги. Прежде всего, по существу не говорится о влиянии иностранного капитала на складывание экономических районов Турции, тогда как превращение Турции в аграрно-сырьевой придаток империалистических держав и рынок сбыта иностранных товаров отразилось на специализации сельского хозяйства и промышленности и наложило глубокий отпечаток на структуру хозяйства любого экономического района и до известной степени предопределило размещение производительных сил. Игнорирование этих вопросов привело к тому, что автор не полностью раскрыл особенности каждого из рассматриваемых им районов.

Недостаточно серьезный подход к экономическому районированию привел к тому, что, например, Восточная Анатолия разбивается автором на два экономических района, в то время как по социально-экономическим условиям эта часть Турции составляет единое целое. При характеристике всех экономических районов совершенно не говорится о связях между ними.

Накопец, необходимо также отметить ряд более мелких недостатков, имеющих место в работе. Не вполне удачна структура книги; излагаемый материал в ряде случаев распылен, встречаются повторения, ненужные отступления и т. д.

Имеются и неправильные переводы и толкования турецких материалов. Например, опубликованные в журнале «Иктисади Юрююш» за январь 1951 г. цифры о привлеченных средствах, автор в результате неправильного понимания турецкого текста принял за иностранные инвестиции. В результате такого смешения разных понятий появилась в книге (стр. 77) сумма иностранных капиталовложений в 2,2 млрд. лир.

В книге имеют место и ошибки фактического характера. «Накануне второй мировой войны, — пишет автор, — железнодорожная сеть в Турции выросла до 7148 километров (1938 г.). Кроме того (?), к 1939 году у иностранных концессионеров были выкуплены все магистральные железные дороги...» (стр. 161).

У читателя может создаться впечатление, что помимо названных в тексте 7148 км железнодорожных путей были выкуплены какие-то иные железные дороги. Между тем это не так, ибо железнодорожная сеть состояла из 4 тыс. км вновь построенных дорог и 3 тыс. — выкупленных у иностранных концессионеров.

Далее автор утверждает, что текстильные комбинаты в Кайсерли и Эрегли в совокупности вырабатывают около $\frac{2}{3}$ всей хлопчатобумажной продукции Турции (стр. 314). На деле оба комбината дают не более 10% всей хлопчатобумажной продукции страны. Неправильно также освещена и налоговая политика турецкого государства. Эта политика заключается в перекладывании налогового бремени на плечи трудящихся

путем системы косвенного обложения. Прямые налоги в Турции в 1952/53 финансовом году составляли 25,4% всех налоговых поступлений, а косвенные — 74,6%⁴. Тем не менее Е. Ф. Лудшвейт утверждает, что поступления в бюджет от косвенных и прямых налогов примерно равны (стр. 74).

Ряд разделов книги носит описательный характер, а используемый материал не подвергся автором критическому анализу.

Вряд ли можно считать удачным транскрибирование некоторых географических названий, произведенное автором. Явно противоречит русскому языку и установившейся практике такие написания, как Ыспарта (Испарта), Ырмак (Ирмак), Сывас (Сивас), Едемипи (Одемиш) и т. д.

Отсутствие списка библиографии, ссылок и обзора использованных источников и литературы ограничивает для читателя возможность более углубленно изучить ряд вопросов, освещаемых в книге.

Несмотря на указанные, весьма существенные недостатки и на спорные положения, выдвинутые автором рецензируемой книги, она представляет некоторый интерес для советского читателя.

П. П. Моисеев, Ю. Н. Розалиев

ТУН МИН. *Государственный капитализм в переходный период*. Пекин, Жэньминьчубаньшэ, 1954, 83 стр.

Китайский народ под руководством Коммунистической партии Китая успешно осуществляет строительство социализма. Направлением в этой исторической борьбе за построение социалистического общества является генеральная линия, выработанная Коммунистической партией Китая, которая четко и ясно определила задачи китайского народа в переходный период.

«От создания Китайской Народной Республики, — отмечает Мао Цзэ-дун, — до завершения в основном социалистических преобразований — это переходный период. Генеральная линия и центральные задачи партии в этот переходный период состоят в том, чтобы в течение довольно продолжительного времени постепенно осуществить социалистическую индустриализацию страны, постепенно осуществить социалистические преобразования сельского хозяйства, кустарной промышленности и частной торговли и промышленности.

Эта генеральная линия является маяком, освещающим всю нашу работу. Вести какую бы то ни было работу в отрыве от нее — значит совершить ошибку правого уклона или левого уклона»¹.

«Одной из важнейших задач нашего государства в переходный период, — говорит Чжоу Энь-лай, — является осуществление социалистических преобразований в капиталистической промышленности и торговле»².

В преобразовании капиталистической промышленности и торговли Коммунистическая партия Китая опирается на марксистско-ленинскую теорию.

Крупная промышленность, учил В. И. Ленин, — есть действительная и единственная база для создания социалистического общества.

В. И. Ленин указывал, что в стране, экономический строй которой характеризуется многоукладностью с преобладанием уклада мелкотоварного хозяйства, следует регулировать развитие капитализма, направляя его по пути государственного капитализма. «Поскольку мы еще не в силах осуществить непосредственный переход

⁴ См. «Финансы капиталистических государств на службе милитаризма». М., 1953.

¹ «Правда», 22 июня 1954 г.

² «Материалы первой сессии Всекитайского собрания народных представителей». М., 1954, стр. 130.

от мелкого производства к социализму, — писал В. И. Ленин, — постольку капитализм неизбежен в известной мере, как стихийный продукт мелкого производства и обмена, и постольку мы должны использовать капитализм (в особенности направляя его в русло государственного капитализма), как посредствующее звено между мелким производством и социализмом, как средство, путь, прием, способ повышения производительных сил»³. В. И. Ленин подчеркивал, что государственный капитализм есть шаг вперед по сравнению с мелкобуржуазной (и мелкопатриархальной, и мелкобуржуазной) стихией.

Коммунистическая партия Китая, используя указания В. И. Ленина о государственном капитализме, умело применяет их в условиях современного Китая. На путь государственного капитализма успешно переводятся многие частные предприятия. Как известно, в Советской России государственный капитализм, в силу ряда обстоятельств, не получил достаточного развития. В Китае государственный капитализм более широко используется народной властью как переходная форма в движении общества к социализму.

Вопросам государственного капитализма в переходный период посвящена рецензируемая книга китайского экономиста Тун Мина «Государственный капитализм в переходный период».

В первом разделе книги автор рассматривает вопрос о необходимости социалистических преобразований капиталистической промышленности и торговли. Тун Мин отмечает, что в настоящее время в Китае сохраняется многоукладность народного хозяйства. Имеется государственная собственность, представляющая собой основу последовательно социалистического сектора хозяйства, кооперативная собственность, собственность крестьян, единоличников и ремесленников и капиталистическая собственность. Ведущее место в экономике Китая принадлежит социалистическому сектору. «Государственная экономика, — пишет автор, — является руководящей силой всего народного хозяйства и материальной базой государства для осуществления социалистической индустриализации и социалистических преобразований» (стр. 3). Задача состоит в том, чтобы социалистическая форма собственности стала единственной формой собственности в экономике страны.

Социалистические преобразования капиталистического сектора — процесс постепенный, на проведение их потребуется относительно длительное время. Политика государства в отношении частнокапиталистического сектора складывается из трех моментов: использования, ограничения и преобразования. При этом используются те стороны капиталистической промышленности и торговли, которые идут на службу народному хозяйству в целом, и ограничивается дезорганизующая роль частнокапиталистического сектора.

Использование частнокапиталистического сектора необходимо в настоящих условиях, поскольку новому Китаю в наследство от прошлого досталась отсталая промышленность. В этой связи нельзя не вспомнить слова Мао Цзэ-дуна, сказанные им на VII съезде Коммунистической партии Китая в 1945 г.: «Некоторые не понимают, почему коммунисты не только не боятся развития капитализма, но, наоборот, при определенных условиях ратуют за это развитие. Наш ответ очень прост. Когда на смену гнету иностранного империализма и собственного феодализма приходит некоторое развитие капитализма, это явление не только прогрессивное, но и неизбежное. Это выгодно не только буржуазии, от этого выигрывает также и пролетариат и, пожалуй, даже в большей мере, чем буржуазия»⁴.

Государственная промышленность еще не может полностью обеспечить нужд населения страны. Также нет еще возможностей для того, чтобы государственная торговля полностью заменила частную торговлю. «На определенное время, — отмечает автор, — капиталистическая промышленность и торговля еще играют полезную роль в народном хозяйстве, поэтому и следует в течение относительно длительного

³ В. И. Ленин, Соч., т. 32, стр. 329—330.

⁴ Мао Цзэ-дун, Избр. произв., т. 4, стр. 509.

периода проводить в отношении их политику использования, ограничения и преобразования» (стр. 8).

Нельзя не учитывать и того факта, что национальная буржуазия в Китае, которая в разные периоды в той или иной мере участвовала в революции, после победы народа признала руководящую роль рабочего класса и против народной власти не выступает.

«Так как национальная буржуазия нашей страны,— пишет Тун Мин,— под руководством рабочего класса и Коммунистической партии Китая участвовала и участвует в народной революции, а капиталистическая промышленность и торговля составляют часть экономики, находящейся под руководством государственного сектора, то государство не проводит политики экспроприации буржуазии, а проводит политику использования, ограничения и преобразования буржуазной экономики. Путем государственного капитализма государство постепенно преобразует капиталистические предприятия в предприятия социалистические» (стр. 10).

Приводимые автором данные показывают, какое место занимает частнокапиталистический сектор в народном хозяйстве Китая. В 1952 г. на предприятиях, принадлежащих частному капиталу, было занято 2,1 млн. рабочих, а в частной торговле — около 7 млн. человек. Стоимость продукции капиталистической промышленности в 1949 г. составляла свыше 62%, а в 1952 г. — примерно 40% стоимости валовой продукции всей промышленности. В 1952 г. в товарообороте страны доля частного сектора была равна приблизительно 50%. Потребность страны в некоторых видах продукции легкой промышленности, как хлопчатобумажная пряжа, ткани, медикаменты, бумага, резиновые изделия почти наполовину удовлетворяется частной промышленностью (стр. 11). Это давало государству возможность направлять свои капиталовложения в основном в тяжелую промышленность.

В условиях народно-демократического строя, как отмечает Тун Мин, существуют противоречия между капиталистической собственностью и государственной собственностью; между частной собственностью и общественным характером производства; между капиталистическим производством, носящим анархический характер, и государственной экономикой, развивающейся по плану; противоречие между рабочими и капиталистами на капиталистических предприятиях.

«Все эти причины,— заявляет Тун Мин,— делают необходимым осуществление социалистических преобразований в капиталистической промышленности и торговле, по пути превращения последних в различные формы госкапиталистического хозяйства с последующей заменой капиталистической собственности всенародной» (стр. 19).

Автор подчеркивает, что для проведения подобного рода преобразований в Китае имеются благоприятные условия.

Во-первых, государственная власть в Китае представляет собой демократическую диктатуру народа, руководимую рабочим классом.

Во-вторых, в Китае уже создан мощный государственный сектор, имеющий социалистический характер. Этот сектор занимает командные позиции в экономике страны.

В-третьих, вследствие того, что национальная буржуазия Китая выросла в условиях полуфеодального и полуколониального общества, политически и экономически она сравнительно слаба. В то же время она признала руководство рабочего класса. Это создает возможности для преобразования буржуазной экономики. Кроме того, продукция капиталистической промышленности не может конкурировать с продукцией государственной промышленности, так как в последней в связи с более быстрым ростом производительности труда быстрее снижается себестоимость продукции. Предприятия, принадлежащие частному капиталу, в основном, небольшие по своим размерам, технически слабо оснащенные. Они не имеют прочных связей ни с рынком сырья, ни с рынком сбыта.

В-четвертых, широкие народные массы, и прежде всего рабочие и служащие капиталистических предприятий, приветствуют и поддерживают преобразования капиталистической экономики, ибо это отвечает интересам трудящихся.

В-пятых, за прошедшие несколько лет государство уже провело некоторые пре-

образования в частном секторе и добилось в этом определенных успехов. После того как был накоплен известный опыт, изучены особенности и положение капиталистических предприятий, также создались благоприятные условия для осуществления дальнейших социалистических преобразований. Органы народной власти уже приобрели опыт в области установления строгого и эффективного контроля за деятельностью частных предприятий и в переводе их на рельсы государственного капитализма.

В книге Тун Мина рассматриваются конкретные формы государственного капитализма в Китае. Каковы эти формы? Автор отмечает три формы взаимоотношений между государством и частными предприятиями: низшая, средняя и высшая. Низшая форма — это закупка государством у частных предприятий их продукции и организация, частично или полностью, ее сбыта через государственную торговую сеть. По определению автора, это — неразвитая форма государственного капитализма (стр. 56). Средства производства еще полностью находятся в собственности капиталистов, а само производство еще в малой степени охвачено государственным планированием.

Средняя форма государственного капитализма, более развитая, имеет четыре вида: изготовление частными предприятиями из сырья, предоставленного им государством, определенного вида продукции в установленные сроки; выполнение частными предпринимателями государственных заказов; централизованные государственные закупки для нужд народного хозяйства всей продукции частных предприятий; заключение государственными торговыми организациями контрактов с частными предприятиями на закупку и сбыт всей готовой продукции предприятия (стр. 51—52).

Средняя форма государственного капитализма содействует частичному, а в ряде случаев и полному подчинению производства на капиталистических предприятиях государственным народнохозяйственным планам, ограничению анархии производства на этих предприятиях и облегчает переход к высшей форме государственного капитализма — смешанным государственно-частным предприятиям. «Государственно-частные предприятия,— пишет Тун Мин,— это важная форма перехода капиталистической промышленности к социализму» (стр. 46).

Государственно-частные предприятия — это высшая форма сотрудничества между социалистическим и капиталистическим секторами хозяйства, при руководящей роли первого. Капиталовложения на таких предприятиях принадлежат частично государству, частично капиталистам. Государство направляет на эти предприятия своих представителей для совместного с предпринимателями управления производством.

«Руководящая роль государства на таких предприятиях,— подчеркивает автор,— определяется не размером акций, а характером государственной власти, ведущим положением социалистического сектора в народном хозяйстве страны» (стр. 46).

Производство, виды продукции и ее сбыт на государственно-частных предприятиях полностью регулируются государственными плановыми заданиями. Организация труда, нормы выработки, размеры заработной платы, определяются соответствующими правилами и распоряжениями народного правительства. Прибыль на таких предприятиях распределяется следующим образом: 25% распределяется между акционерами (как частными, так и государством), из этой же доли прибыли выплачивается жалование председателю правления акционеров, управляющему и директору фабрики; остальные 75 % предназначаются на уплату налогов, дальнейшее развитие производства и улучшение благосостояния рабочих.

Понятно, что на смешанных предприятиях в положении рабочего происходят коренные изменения. Он уже не является объектом эксплуатации, каким он был на частнокапиталистическом предприятии. Значительная часть его труда идет на пользу всего общества, а не на обогащение капиталиста. Производительность труда на смешанных предприятиях заметно возрастает, о чем свидетельствуют приводимые автором примеры. Так, на содовом заводе «Юнли» в Тангу, являющемся смешанным предприятием, за два года производство каустической соды увеличилось в полтора раза, а кальцинированной соды — почти в 1,9 раза. Значительно снизилась себестоимость выпускаемой продукции (стр. 49).

За последние годы тенденция к созданию государственно-частных предприятий

усилилась. Валовая продукция государственно-частной промышленности в 1953 г. была в девять с лишним раз больше, чем в 1949 г., а в 1954 г. увеличилась более чем в два раза.

В заключительном разделе книги Тун Мин касается вопросов классовой борьбы. Автор отмечает, что государственный капитализм — это новая, особая форма классовой борьбы (стр. 68). «Преобразование капиталистической промышленности и торговли, — указывал Чжоу Эн-лай, — есть процесс борьбы и воспитательной работы» (стр. 130). Часть капиталистов сопротивляется ограничениям, вводимым государством, пытается уклониться от уплаты налогов, недоброкачественно выполняет правительственные заказы. Отдельные капиталисты доходят до того, что портят оборудование и машины, переводят свои капиталы в торговлю или изымают капитал из производства, обращая его в различные ценности. Некоторые владельцы фабрик и заводов искусственно повышают зарплату рабочих и служащих на своих предприятиях, делают попытки подкупить их, стремясь таким путем списать их сочувствие и поддержку.

«Такого рода явления, — пишет Тун Мин, — не следует считать странными в период социалистических преобразований, так как государственный капитализм ограничивает свободное развитие капитализма и поэтому не может не вызвать борьбы буржуазии против мероприятий государства по ограничению ее деятельности. Цель социалистических преобразований состоит в постепенной замене капиталистической собственности общенародной, в уничтожении класса капиталистов, поэтому они не могут не вызывать сопротивления капиталистов» (стр. 72).

Но руководящая роль рабочего класса, незыблемый союз рабочего класса и крестьянства, ведущее положение социалистического сектора хозяйства, единый фронт внутри страны, а также благоприятная международная обстановка позволяют использовать мирные формы борьбы и создают условия для уничтожения системы эксплуатации мирным путем.

В заключительных строках книги автор выражает уверенность в том, что китайский народ под руководством Коммунистической партии Китая успешно выполнит сложную и трудную задачу социалистического преобразования капиталистической промышленности и торговли.

Книга Тун Мина, несомненно, представляет большую ценность для каждого, кто интересуется жизнью и борьбой китайского народа. Она дает сравнительно полное представление о том, в каких условиях проходит социалистическое преобразование частного сектора в Китае, о различных формах государственного капитализма в переходный период к социалистическому обществу. На конкретных фактах Тун Мин показывает, как китайские коммунисты творчески применяют марксистско-ленинское учение в строительстве основ социализма в своей стране.

Л. П. Делюсин

리조 봉건통치 계급을 반대하여 일어난 농민 폭동,
노양, 1954

Антифеодалные крестьянские восстания в период династии Ли. Пхеньян, 1954, 40 стр.

В 1954 г. Издательство Трудовой партии Кореи выпустило в Пхеньяне брошюру под названием «Антифеодалные крестьянские восстания в период династии Ли».

История борьбы корейского народа против феодального гнета и иноземных работодателей, как известно, грубо фальсифицирована в трудах некоторых буржуазных историков. Искжая или замалчивая важные факты из истории борьбы корейского народа против внутренних и внешних врагов, фальсификаторы истории стремятся доказать, что корейский народ не вел борьбы против господствующих

классов¹. Между тем изучение истории Кореи показывает, что корейский народ имеет богатые революционные традиции и не раз с оружием в руках поднимался против своих угнетателей. В трудах советских историков Кореи и в диссертациях, посвященных Корее, освещены отдельные события из истории освободительной борьбы корейского народа в новое и новейшее время. Однако до сих пор в работах советских востоковедов совершенно не получили отражения крупнейшие крестьянские восстания в древний и средневековый периоды.

В рецензируемой брошюре, несмотря на краткость описания событий, приводятся весьма важные сведения о причинах, ходе и размахе крупнейших крестьянских восстаний в Корее в XV—XIX вв., подтверждающие, что история Кореи это — история славной борьбы народа против внутренних и внешних врагов. Имеющийся в брошюре материал о районах, которые были охвачены крестьянским движением в разные периоды истории Кореи, о социальном составе участников восстаний и о причинах поражения крестьянских выступлений имеет большое значение не только для широкой массы советских читателей, интересующихся историей корейского народа, но и для специалистов-историков.

Брошюра состоит из следующих глав: «Крестьянские восстания и положение крестьян в первый период династии Ли», «Крестьянские восстания и положение крестьян в средний период династии Ли», «Крестьянские восстания и положение крестьян в конце династии Ли», введения и заключения.

Во введении указывается, что смена в 1392 г. династии Корё династией Ли² не улучшила положения крестьянства, напротив, на протяжении многовекового правления династии Ли (1392—1910) положение крестьянства все более ухудшалось.

Вся земля в Корее считалась государственной собственностью. Но фактически земли, пожалованные дворянам (янбанам) за службу, превратились в их наследственные владения. Правительство династии Ли, стремясь создать сильное централизованное государство, издало ряд указов о конфискации значительной части земель крупных янбаней и монастырей. Отобранные у них земли жаловались в пользование мелкопоместным дворянам за службу королю.

Большинство крестьян было лишено земли и по существу находилось на положении крепостных. Крестьяне были прикреплены к землям помещиков, которые творили над ними суд, могли покупать и продавать их (стр. 2). Однако экономический гнет и политическое бесправие не сломали боевого духа корейского народа. Массовые крестьянские движения расшатывали феодализм. Нередко крестьянские волнения, возникавшие в каком-либо месте, распространялись, принимая порой характер всеобщих стихийных восстаний. Движение крестьянства против феодального гнета позднее, в XIX и XX вв. стало приобретать характер национально-освободительной борьбы против иностранных колонизаторов.

В рецензируемом издании из крупнейших крестьянских восстаний в Корее отмечаются «крестьянские восстания 1467 г., в провинции Хамгёдо, так называемое восстание Хон Гён Нэ (1811—1812) и крестьянская война 1894 г.» (стр. 3).

Крестьянские восстания и войны терпели поражение, но они готовили почву для уничтожения феодальной системы.

Земля в Корее во время правления династии Ли делилась на государственную и частновладельческую. Лучшие земли принадлежали дворцовому ведомству и центральным государственным ведомствам, а также государственным учреждениям на местах. Дворяне, наделенные землею за службу, освобождались от налогов. Эксплуатация

¹ См. Н. Hulbert. The history of Korea. Seoul, 1905; Griffis. Korea the hermit nation. New York, 1911; Longford. The story of Korea. New York, 1921; Кукүми Кэндэ. Кипдай Тёсэн си (История современной Кореи), т. 2. Сеул, 1936; Сидэха Хироси. Тёсэн сива (Очерки по истории Кореи). Токио, 1938 и др.

² Государство Корё было основано в 918 г. в результате объединения северо-западной и центральной частей Кореи. В 935 г. владения Корё распространились на весь Корейский полуостров.

крестьянства являлась основным источником доходов феодалов и феодального государства. Власти зорко следили за поступлением в казну земельной ренты и налогов, взимаемых с крестьян. Уже в середине XV в. было установлено 6 разрядов для обложения земли налогами. Крестьяне платили поземельный налог (чонсе) в размере 30 ду рисом либо другими злаками с каждого кёль земли³; они платили также оброк (консе) с крестьянских промыслов и выполняли барщину. Личные повинности несли мужчины в возрасте от 16 до 60 лет.

Задавленные феодальным налоговым гнетом крестьяне нередко покидали родные места, уходили в горы. Обосновавшись в горных районах, они выжигали кустарники и обрабатывали землю, хотя урожая с этих полей нехватало даже на полуголодное существование.

Феодальный гнет усугублялся эксплуатацией народных масс ростовщическим капиталом. Причем в Коре в роли ростовщика выступало и правительство. В XV в. правительство пустило в ростовщический оборот свои запасы зерна. Зерно раздавалось крестьянам, а после урожая они должны были возместить правительству долг с лихвой из-за непомерно возросших процентов. Ростовщические операции государства известны как система «хвангок» (возвратное зерно). В 1454 г. в «хвангок» было превращено все зерно, которое шло из поземельного налога на содержание войска⁴. Система государственного ростовщичества открывала чиновникам огромные возможности для ограбления крестьян. Иногда крестьяне на протяжении всей своей жизни не могли избавиться от задолженности по «хвангоку».

В официальной королевской хронике «Сечжон Силлок» отмечалось: «Крестьяне даже в урожайные годы не могли есть досыта и иметь теплую одежду, а если год был неурожайный, то они просто умирали от голода» (стр. 4).

Корейское крестьянство было бесправно и юридически. Но тяготы жизни не сломили боевой дух корейского крестьянства. В Коре повсеместно организовывались крестьянские отряды, боровшиеся против феодалов. Особенно широкий масштаб в XV в. приняли действия крестьянских вооруженных групп на юге страны, куда стекались беглые крестьяне. Правительство принимало строгие меры, чтобы помешать бегству крестьян и предотвратить ущерб, причиняемый казне. Однако эти меры не имели успеха. Нарастающее недовольство народных масс в середине XV в. проявилось в крупных выступлениях крестьянства, рабов и презираемых (стр. 6—7).

В докладе высшего центрального правительственного органа Ычжонбу (март 1447 г.) сообщалось, что из-за плохого урожая жизнь народа за последние годы ухудшилась; число недовольных крестьян по сравнению с прошлыми годами еще более возросло. В докладе отмечалось, что «толпы (крестьян.— Г. Т.) появились в окрестностях Сеула», причем крестьянские отряды нападали на дома богатей и расправлялись с эксплуататорами (стр. 5).

Феодальные правители считали, что причиной стихийного недовольства крестьян были неурожай. В действительности же крестьянские восстания были проявлением протеста против феодального гнета, что правильно отмечается в рецензируемой брошюре.

В феврале 1426 г. началось крестьянское восстание в окрестностях Сеула (стр. 6). К восставшим стали стекаться беглые крестьяне из Хамгёндо и рабы. Доведенные до отчаяния крестьяне и беднота Сеула подожгли столицу — оплот феодальных правителей. В городе было сожжено 124 здания, в том числе здание городского управления, здание Управления по контролю над торговлей, все полицейские учреждения и ряд других зданий. Запылали и помещичьи имения. В окрестностях Сеула было сожжено более 2400 дворов. Наиболее крупным в XV в. было восстание крестьян в провинции Хамгёндо (1467 г.), где крестьяне подвергались жесточайшей эксплуатации со стороны

³ Кёль — основная мера земельной площади, служившая и единицей обложения поземельной податью. Кёль земли 1-го разряда примерно 1 га.

Ду — старинная мера веса, равная примерно 10 кг.

⁴ «Очерки по истории освободительной борьбы корейского народа». М., Изд-во иностр. лит-ры, 1953, стр. 51.

феодалов и тхохо (деревенских богатеев). Пользуясь отдаленностью провинции, местные чиновники творили над крестьянами чудовищный произвол. Кроме того, мероприятия центральных властей по укреплению государственной границы приводили к тому, что на крестьян провинции Хамгёндо налагались многочисленные дополнительные повинности. Крестьянское движение в этой провинции получило широкий размах, к нему стали примыкать представители тхохо и даже отдельные феодалы, стремившиеся использовать недовольство крестьян в борьбе против правительства.

Некоторые феодалы и тхохо Хамгёндо считали, что правительство династии Ли ущемляет их интересы, предоставляя большие привилегии феодалам других провинций. Назначение губернатором Хамгёндо помещика — уроженца Южной Кореи вызвало негодование тхохо и феодалов провинции. Тхохо Ли Си Е; бывший пуса (начальник) уезда Хонрён, объединив недовольных тхохо и помещиков, поднял мятеж в Кильчжу. Заговорщики, стремясь заручиться поддержкой крестьян, распространяли различные слухи, утверждая, что с юга движется правительственная армия для расправы с крестьянами. Ли Си Е выступил с призывом к борьбе против правительства династии Ли и объединил более 2 тыс. крестьян (стр. 7—8). Вся территория к северу от Хамгына была охвачена крестьянским движением.

Тогда правительство действительно направило в Хамгёндо 30-тысячное войско, и повстанцы были разбиты (стр. 8). Главной причиной поражения этого крестьянского восстания, «возникшего стихийно, как лесной пожар», было отсутствие единого руководства и разрозненность действий отдельных крестьянских отрядов. Кроме того, руководившие борьбой Ли Си Е и его группа стремились лишь захватить власть и укрепить свои позиции в провинции (стр. 9).

В течение восьми лет продолжалось крестьянское восстание в провинции Хванхэ, начавшееся в 1480 г. Крестьянские отряды нападали на правительственные учреждения и убивали ненавистных помещиков и чиновников. Особенно репрессивными были действия отряда крестьян, рабов и презираемых под руководством Ким Мак Тона (стр. 9). Правительство с большим трудом подавило восстание.

Несмотря на слабость и разрозненность восстаний крестьянства в XV в., отсутствие ясных целей и лозунгов, попытки использования крестьянского движения помещиками, недовольными центральной властью, эти выступления народных масс показали, какую грозную силу представляет народ, поднявшийся на борьбу против феодального гнета.

В XVI—XVIII вв. разорение корейского крестьянства продолжалось. В результате усилившейся экспроприации земли крестьяне превращались в арендаторов или батраков. Количество беглых крестьян возрастало. Феодальное государство, стремясь компенсировать ущерб, причиняемый казне бегством крестьян, увеличивало налоги на тех крестьян, которые оставались в деревнях.

Уже в конце XVI в. был введен новый военный налог кунбонхо (выкуп за освобождение от воинской повинности). Если крестьянин хотел освободиться от воинской повинности, он должен был внести 2 куса хлопчатобумажной ткани. Вся тяжесть налога ложилась на плечи крестьянства⁵.

В брошюре отмечаются крестьянские выступления в Коре в XVI в. Особый страх правительства вызывали действия крестьянского отряда под руководством Лим Го Чжона. Этот отряд действовал на территории провинции Кёнгидо и Хванхедо, угрожая вторжением в Сеул. Зимой 1560 г. правительство направило крупные вооруженные силы для борьбы с повстанцами. Но войска правительства были разбиты. Та же участь постигла правительственные войска и весной 1561 г. В 1562 г. правительство объявило мобилизацию в Хванхедо и направило против восставших правительственные войска, которые окружили местность Гувольсан, где были сосредоточены отряды Лим Го Чжона, и напали на них. В результате предательства чиновника Со Рима, пробравшегося к руководству крестьянским отрядом, правительственным войскам удалось разгромить повстанцев (стр. 12).

⁵ См. «Очерки по истории освободительной борьбы корейского народа», стр. 16.

В период японо-корейской войны (1592—1598) корейский народ оказал героическое сопротивление японским захватчикам, напавшим на Корею. Крестьянство решительно выступило на защиту своей родины, развернув партизанское движение. Партизанские отряды действовали в провинциях Хамгёдо, Кенсандо, Чолладо, Чунчондо⁶.

Нашествие врага разорило страну, превратило города в груды развалин. Поля заросли травой. Но экономика Кореи была восстановлена благодаря трудолюбию крестьянина. Рисовые поля вновь были возделаны. Увеличилась площадь обрабатываемых земель. Развивались товарно-денежные отношения. К концу XVII в. сельское хозяйство достигло довоенного уровня (стр. 13).

В брошюре отсутствуют материалы о крестьянском движении в XVIII в. Это объясняется тем, что молодая корейская историческая наука еще не занималась исследованием этого периода истории.

XIX в. в истории Кореи был насыщен крупнейшими крестьянскими восстаниями. Крестьяне уже в 1808 г. расправлялись с чиновниками и помещиками в уездах Чунчон и Пукчхон провинции Хамгёдо. В 1811 г. начались крестьянские волнения в уезде Коксан провинции Хванхедо. Возмущенные наглым грабежом начальника уезда Пак Чон Сика крестьяне захватили правительственные учреждения, освободили из тюрьмы невинно арестованных бедняков и изгнали Пак Чон Сика. Правительственные войска жестоко расправились с повстанцами. Было убито 37 человек, 130 арестованных повстанцев подверглись зверским пыткам (стр. 17).

В декабре 1811 г. в провинции Пхенан также вспыхнуло крестьянское восстание. Это восстание было одним из крупнейших выступлений народных масс Кореи против феодального гнета. Оно явилось кульминационным пунктом нараставшего крестьянского движения. Руководство восстанием осуществляли дворяне, недовольные существующей династией и старавшиеся использовать возмущение народных масс для захвата власти.

Во главе восстания встал Хон Гён Нэ, небогатый чиновник, вокруг которого группировались недовольные дворяне и чиновники. Хон Гён Нэ удалось установить связи и с оппозиционно настроенными группами чиновников соседней провинции Хванхедо, Сеула и других районов страны.

На призыв Хон Гён Нэ выступить против местных чиновников, сборщиков налогов, крестьяне стекались массами; к ним присоединялись и рабочие королевских рудников. Повстанцы в конце декабря 1811 г. захватили 8 уездных городов к северу от реки Чхончон — Касан, Квасан, Чонсу, Панчхон, Сончхон, Тэчхон, Чхольсан и Рюнчхон. Хон Гён Нэ после этих побед стал призывать все население провинции Пхенан подняться на восстание. В обращении Хон Гён Нэ проявилась классовая природа руководителей восстания, принадлежавших к господствующему классу. Они пытались свое стремление захватить власть выдать за подлинные интересы народа. Тем не менее их призывы к свержению династии Ли отвечали интересам крестьянства, которое стекалось в отряды Хон Гён Нэ.

Крестьянские отряды мужественно боролись против правительственных войск. Но их руководители, испугавшись размаха восстания, после боя на границе с уездом Пакчхон перешли на сторону правительства и привели восстание к поражению. В бою при Сонлилли крестьянские отряды были разбиты объединенными силами правительственных войск и тхохо Пхенандо, предавших повстанцев. Остатки повстанцев были настигнуты у крепости Чончжу, где было убито около двух тысяч мужчин и мальчиков старше 10 лет.

В рецензируемой брошюре указывается, что причины поражения восстания 1811 г. заключались в том, что руководство восстанием захватили враждебные крестьянству элементы. Интересы руководителей восстания шли вразрез со стремлениями крестьянства. Хон Гён Нэ и другие не выдвигали лозунгов, отвечающих ве-

⁶ О партизанском движении в период японо-корейской войны см. И. И. Хван, Ли Сун Син (диссертация), 1949.

ковым чаяниям крестьянских масс. Повстанцы не сумели захватить основных пунктов, на которые опиралось правительство — Пхеньян, Анчжу — и тем самым дали возможность властям перегруппировать войска и выиграть время. Стихийность и локальный характер действий повстанческих отрядов преобладали и в крестьянском восстании 1811 г. Однако, как правильно отмечается в брошюре, огромное значение восстания 1811 г. заключалось в том, что оно полностью обнаружило гнилость и бессилие феодального строя династии Ли, расшатало его устои (стр. 16—20).

По данным доклада губернатора провинции Пхенан Чон Ман Сика (февраль 1814 г.) количество крестьянских дворов в провинции Хамгёдо сократилось с 302 844 до 142 867, а численность мужчин в деревнях уменьшилась на 261 682 человека (стр. 21).

После подавления восстания 1811 г. центральные власти усилили угнетение народных масс. Они подавляли малейшие попытки сопротивления и ввели еще один дополнительный налог — пукасе. Военным налогом облагались даже грудные дети. Задолженность крестьян государству по «хвангону» достигала чудовищных размеров. Например, крестьяне уездов Самсу и Кенсан в 1850 г. были должны 100 сок⁷ риса. Фактически крестьяне вынуждены были всю жизнь платить долги, влача нищенское существование (стр. 22—24).

В рецензируемой брошюре приведен перечень наиболее крупных крестьянских выступлений XIX в. В частности, в нем указывается, что в 1862 г. произошло 21 восстание, причем эти восстания охватили почти все провинции Кореи. Корейские историки справедливо называют 1862 г. — годом крестьянских восстаний. Авторы брошюры приводят некоторые новые данные о крестьянских восстаниях 1862 г., а также о крестьянских восстаниях 60-х — 70-х годов XIX в., предшествовавших крестьянской войне 1893—1894 гг. (стр. 22—24).

Крестьянские восстания в XIX в. также носили стихийный, локальный, неорганизованный характер и тем самым были обречены на поражение. Однако эти выступления крестьянства способствовали сплочению народных масс и показывали, что их объединенные силы заставляли правительство идти на некоторые уступки крестьянству.

По мере проникновения в Корею иностранных колонизаторов, в борьбе корейского народа стали появляться ярко выраженные национально-освободительные черты. Крестьянское восстание 1893—1894 гг., по свидетельству корейских историков, было направлено против иностранных агрессоров и феодального строя внутри страны. Оно явилось первым массовым выступлением подобного характера, утвердившим славные традиции, которые проявились еще во время патристической борьбы корейского народа против японских и других захватчиков.

В брошюре дается характеристика классового состава участников и руководителей восстания, анализ хода восстания и причин его поражения.

В заключении работы показано, что победа народно-демократической революции в Корее в 1945 г. была подготовлена всем ходом исторического развития.

В августе 1945 г. героическая Советская армия освободила корейский народ от многолетнего колониального гнета. В северной части Кореи, где сложился и окреп строй народной демократии, трудящиеся успешно строят новую, счастливую жизнь.

Содержание брошюры «Антифеодальные крестьянские восстания в период династии Ли» показывает на фактическом материале борьбу корейского народа против феодального и иноземного ига.

Г. Д. Тягай

⁷ 1 сок = 160 кг.

MUHAMMAD JAMIN. *Diponegara*. Djakarta, Penerbit Pembangunan, 128 hal. Мохаммед Ямин. *Дипо Негоро*. Джакарта, 128 стр.

В борьбе против колониализма, за мир в Азии и во всем мире индонезийский народ использует большой опыт, который был им накоплен на протяжении многовековой борьбы против голландского владычества. Индонезийцы свято чтут память героев, отдавших свою жизнь за свободу и независимость Индонезии.

Индонезийский народ 8 января 1955 г. отметил столетие со дня смерти национального героя Индонезии Дипо Негоро, возглавившего в 1825 г. восстание яванских крестьян против голландских колонизаторов. В президентском дворце в Джакарте состоялось торжественное заседание с участием президента республики Сукарно, премьер-министра Али Састроамиджойо, министров, председателя парламента Сартоно, высших правительственных чиновников и представителей общественности. Президент Индонезии Сукарно в своей речи подчеркнул значение восстания Дипо Негоро и указал на характерные черты политики колонизаторов, заключающейся в стремлении расколоть национальное единство индонезийского народа в целях его ослабления. Правительство Индонезии постановило увековечить память Дипо Негоро. В постановлении, в частности, предусматривается издание произведений Дипо Негоро и восстановление дворца и мечети Дипо Негоро в Тегалреджо. Индонезийские газеты опубликовали ряд материалов о восстании Дипо Негоро. Анализ и обобщению причин, хода и опыта этого восстания и посвящена книга Мохаммеда Ямина «Дипо Негоро».

Восстание крестьян под водительством Дипо Негоро против голландцев является одной из наиболее ярких страниц национально-освободительной борьбы индонезийского народа. Восстания индонезийцев против колонизаторов начались в XVII в., когда голландцы впервые обосновались в Индонезии. В XVIII—XIX вв. размах народных восстаний против захватчиков усилился. Восстания чаще всего носили характер крестьянских войн, причем нередко во главе восстаний вставали местные феодалы — раджи и султаны. Восстание Дипо Негоро было последним восстанием на Яве, во главе которого стояли феодалы, т. е. позднее, начиная со второй четверти XIX в., голландцам удалось превратить яванских феодалов в чиновников и послушных исполнителей своей воли.

Автор книги «Дипо Негоро», Мохаммед Ямин, родился в 1903 г. на Суматре, получил высшее юридическое образование в Индонезии. В 1951—1952 гг. он занимал пост министра юстиции, а в правительстве Али Састроамиджойо был министром просвещения и культуры. Не менее известен Мохаммед Ямин и как литератор. В 1922 г. им был опубликован цикл стихов — «Родина», посвященный острову Суматре, а в 1929 г. — поэма «Индонезия, родина моя», в которой выражено стремление индонезийского народа к единству. Перу Ямина принадлежит и ряд других произведений, а также художественных переводов.

Книга Мохаммеда Ямина «Дипо Негоро» состоит из четырех глав. В первой главе характеризуется обстановка в Индонезии перед восстанием Дипо Негоро. Во второй главе рассказывается о первом этапе восстания (20 июля 1825 г. — 15 октября 1826 г.), в третьей главе — о втором его этапе (1827—1830 гг.). В четвертой главе описаны обстоятельства вероломного нападения на Дипо Негоро, жизнь его в плену, и дается оценка борьбы Дипо Негоро в истории Индонезии.

В рецензируемой книге Мохаммед Ямин использовал и обобщил большой фактический материал, почерпнутый непосредственно из первоисточников, в том числе из произведений самого Дипо Негоро, написанных последним в плену у голландцев.

Первая глава дает представление о структуре индонезийского общества, государственном устройстве и экономическом положении Индонезии, а также крайне тяжелом положении индонезийских крестьян накануне восстания Дипо Негоро. После 1800 г., как известно, все «права» на Индонезию перешли от Голландской Ост-Индской компании к голландскому правительству, что привело к усилению захватнических тенденций колониальной администрации. Население изнывало под тяжестью многочисленных налогов. Помимо земельного и подушного налогов взимались налоги с

дверей, усадеб, скота, с посевов риса. Если крестьянин передвигался из одного села в другое, то должен был платить налог за переезд, если жена несла мужу в поле завтрак или обед, то с нее взималась пошлина. Колониальная политика голландской администрации вела к порабощению не только крестьян, но и серьезно ущемляла интересы многих феодалов. Голландское правительство в январе 1825 г. отторгло у местных султанов большие массивы земли в районах Карангкобар и Джабарангах, что вызвало сопротивление туземной феодальной знати и в значительной мере явилось причиной участия ее в крестьянском восстании, которое возглавил Дипо Негоро.

Дипо Негоро происходил из знатнейшей яванской семьи. Он был сыном султана Мангку Буми III и внуком султана Сепуха — влиятельных туземных правителей яванского султаната Джокджакарта. Получивший по тем временам широкое образование и пользовавшийся большим уважением среди своих соотечественников, Дипо Негоро привлек к себе внимание голландских властей. Они попытались подкупить его, предложив ему важный административный пост, однако Дипо Негоро предложение колонизаторов отверг.

В результате тяжелой колониальной эксплуатации политическая обстановка к середине 1825 г. на Яве и особенно в ее центральной части становилась для голландцев угрожающей. Поводом к народному восстанию явилось сожжение голландцами дома Дипо Негоро. Под предводительством Дипо Негоро и его помощника Септона крестьяне Центральной Явы 20 июля 1825 г. поднялись против угнетателей. Автор рецензируемой книги особенно подчеркивает тот факт, что за свободу Индонезии выступили тогда одновременно крестьяне Явы и жители султаната Бони на Целебесе, Палембанга на Суматре, а также население некоторых частей острова Борнео. Это свидетельствует того, что уже в то время народ Индонезии был близок к единству в своем стремлении освободиться от иноземного ига.

В руках восставших оказалась вся область Джокджакарты. Силы повстанцев были довольно значительны. Повстанцы были организованы в отряды по 500—1000 человек. Командирами отрядов выступали представители феодальной знати, включая 77 членов влиятельного феодального рода Аменгкубувоно. Вооружение повстанцев состояло из бамбуковых пик, крисов (яванских кинжалов), редко — пистолетов и ружей, захваченных у врага. Мохаммед Ямин справедливо отмечает, что, хотя «война Дипо Негоро была в первую очередь направлена против голландского господства», она также носила отчасти и религиозную окраску. Мусульманские призывы служили Дипо Негоро дополнительным средством для организации масс крестьянства на восстание против колонизаторов.

Попытки голландцев подавить восстание силой привели к большим потерям с их стороны. Они вынуждены были прибегнуть к излюбленному приему колонизаторов — к политике «разделяй и властвуй». Генерал-губернатор Нидерландской Индии (так тогда называлась Индонезия) де Бюсс путем подкупа и обещаний стал переманивать на сторону голландцев представителей яванской феодальной верхушки, добившись капитуляции видных феодалов — Натадининграта и Мангку Буми. В октябре 1829 г. ему удалось переманить и ближайшего помощника Дипо Негоро — Септона, чему в немалой степени способствовала проведенная де Бюссом отмена прежнего закона, в силу которого феодалам запрещалось сдавать землю в аренду европейцам.

В то же время голландцы принимали дальнейшие меры по усилению своих колониальных войск. В мае 1827 г. в Семаранге высадился экспедиционный корпус, прибывший из Голландии. Против повстанцев стала систематически применяться так называемая система «бенгенов» (укреплений), заключавшаяся в том, что при захвате колониальными войсками какой-либо местности строились укрепления. Эта цепь укреплений постепенно сжимала в кольцо районы, занятые повстанцами.

В результате, к началу 1830 г. обстановка изменилась в пользу голландцев. Но сломить сопротивление повстанцев полностью они не смогли. Карательный голландский корпус нес большие потери в людях. Затянувшаяся война требовала от голландцев больших финансовых средств. В этой обстановке голландское командование было вынуждено начать с повстанцами переговоры. В марте 1830 г. командующий голланд-

скими войсками генерал де Кок и пригласил к себе для этих переговоров Дипо Негоро. В ходе их выяснилось, что Дипо Негоро не был намерен капитулировать. Тогда он был схвачен и сослан на остров Целебес, где 8 января 1855 г. умер, пробыв в заточении почти 25 лет. В плену Дипо Негоро написал ряд стихотворений, в основном религиозного содержания, и «Историю яванской войны», где и описал борьбу против голландских колонизаторов.

Колониальная война против яванских крестьян обошлась нидерландцам дорого. Как пишет автор рецензируемой книги, голландцы потеряли 8 тыс. человек убитыми и понесли материальный ущерб в сумме 20 млн. гульденов. Восстание Дипо Негоро было ударом по голландской колониальной системе. Героическая борьба повстанцев в дальнейшем служила примером для индонезийских патриотов, боровшихся за независимость своей родины. В день столетней годовщины смерти Дипо Негоро 8 января 1955 г. индонезийская газета «Харпан Ракьят» в передовой писала: «Это восстание было подавлено, но оно показало нам, что народное восстание в колониальной стране таит в себе огромные возможности, несмотря на то, что враг вооружен до зубов. Однако восстание показало также, что народное восстание, руководимое феодальными элементами, легко может быть подавлено из-за колебаний и предательства со стороны ряда его руководителей-феодалов».

В своем исследовании Мохаммед Ямин подробно излагает причины восстания Дипо Негоро и подробно описывает литературное наследие героя. Все же слабой стороной книги Мохаммеда Ямина является то, что в ней основное внимание уделяется не столько восстанию яванского крестьянства, сколько самому Дипо Негоро, его личным качествам. Феодалы, предавшие повстанцев и присоединившиеся к голландским колониальным войскам, рассматриваются автором как отдельные личности, а не в качестве представителей определенного класса — класса феодалов, неспособного руководить народным восстанием, класса, зависящего от колонизаторов и переходящего на службу к ним. Именно массовое предательство феодалов, соблазненных обещаниями де Бюсса, и главное, испугавшихся широкого крестьянского движения, и было одной из основных причин поражения восстания Дипо Негоро.

Несмотря на указанный недостаток, исследование Мохаммеда Ямина представляет собой несомненный вклад в индонезийскую историческую науку, которая за последние годы сделала большой шаг вперед. В 1950—1954 гг. были изданы: «Краткая история яванской земли» (автор — проф. Прийоно), «История Индонезии» (автор — Сануси Панае), «История моей родины», «Краткая история Индонезии» и т. д.

В настоящее время, в условиях активизации протестов иностранных монополий против Индонезии, обобщение и изучение многолетнего опыта национально-освободительной борьбы для индонезийского народа имеет особенно большое значение. Если до второй мировой войны изучением истории Индонезии занимались главным образом зарубежные ученые, то после провозглашения независимости Индонезии стали появляться труды индонезийских исследователей. В этих трудах история Индонезии излагается с древних времен до наших дней, освещается круг наиболее выдающихся исторических событий. Большая часть исследований ученых Индонезии способствует росту национального самосознания и патриотического духа индонезийского народа и вносит важный вклад в дело укрепления единства всех антимпериалистических сил индонезийского народа.

Индонезийский народ, освободившись от колонизаторов, не может еще считать себя гарантированным от новых протестов колониальных держав и блокирующей с ними внутренней реакции. Прогрессивные историки Индонезии делают большое и полезное дело, разоблачая в своих работах колониальную политику империалистов, воспитывая народ Индонезии в духе уважения к свободе и независимости всех народов, в духе горячей любви к своей родине.

В. И. Дануров

Economic handbook of Ethiopia. Published by the Ministry of commerce and industry. Addis-Ababa, 1951, 212 p.

В 1951 г. в Аддис-Абебе был издан статистический справочник, подготовленный министерством торговли и промышленности совместно с другими правительственными учреждениями и частными предприятиями Эфиопии. В предисловии и введении к справочнику говорится о его назначении. Книга, по замыслу ее авторов, должна служить путеводителем для иностранцев, облегчить торговые отношения между Эфиопией и другими государствами.

Издатели предупреждают, что некоторые цифры справочника не вполне точны и предлагают интересующимся обращаться за разъяснениями и уточнениями в соответствующие правительственные учреждения, обещая в ближайшие годы завершить статистические работы и издать другие, более полные справочники.

В книге впервые систематизированы данные о внешней торговле Эфиопии со всеми странами и по всем видам товаров за период 1934—1950 гг. в количественном и стоимостном выражении; приводятся сведения о торговых, промышленных фирмах и банках, кустарных предприятиях и мастерских Аддис-Абебы. Справочник содержит данные о производственной мощности предприятий и их фактической производительности в 1937—1941 гг., об инвестициях в промышленные предприятия, о мощности механических двигателей, о железнодорожном, автомобильном и воздушном транспорте, об электростанциях, о количестве рабочих, занятых в промышленности и на транспорте, и их зарплате. В справочнике приводятся также сведения о населении Эфиопии, о ее территории и климатических особенностях, о состоянии медицинского обслуживания населения, о прессе, о ценах, о бюджете правительства в 1939—1941 гг. и т. д.

Материалы, содержащиеся в справочнике, позволяют сделать вывод о некотором сдвиге в развитии производительных сил страны за десятилетие после освобождения ее от итальянских оккупантов. За время войны 1935—1936 гг., пяти лет итальянской оккупации и освободительной войны 1941 г. Эфиопия потеряла 760 тыс. человек, в том числе $\frac{3}{4}$ грамотного населения (фашисты истребляли интеллигенцию поголовно)¹. Эфиопии был нанесен серьезный материальный ущерб: было уничтожено 526 тыс. домов и хижин, 2 тыс. церквей и других религиозных учреждений, их имущество на сумму более 2 млн. ф. ст. расхищено, захватчиками из страны было угнано 16,7 млн. голов скота и т. д.

В Эфиопии повсеместных переписей населения никогда не было. Накануне войны 1935—1936 гг. население страны составляло приблизительно 10—12 млн. человек. К 1950 г. население Эфиопии достигло 16 млн. 680 тыс. человек (стр. 5). Территория Эфиопии — 1130 тыс. кв. км, на ней могли бы уместиться Англия, Франция и Италия².

Данных о сельскохозяйственном производстве Эфиопии в справочнике нет, что, на наш взгляд, — важнейшее упущение составителей книги. Косвенные сведения об экспортируемой сельскохозяйственной продукции дают лишь некоторое представление о росте сельскохозяйственного производства в послевоенное десятилетие. Материалы справочника, несмотря на их неполноту (например, в вопросе о национальной принадлежности фирм, объеме их торговых операций, прибылях, займах и т. д.), свидетельствуют о растущей экономической зависимости Эфиопии от иностранного капитала — английского и, в особенности, американского. Список торговых, промышленных и банковских фирм в Аддис-Абебе (стр. 8—27) говорит о наибольшем росте в послевоенный период американских фирм. За период с 1870 г. (когда в Аддис-Абебе обосновалась первая иностранная экспортно-импортная фирма «Livierato F. Maison») до 1917 г. было образовано 25 фирм. Одной из первых (1900 г.) была создана амери-

¹ E. S. Pankhurst. The Ethiopian people: their rights and progress. London, 1949, p. 12.

² В справочнике не учитывается Эритрея, присоединенная к Эфиопии на правах автономного государства в 1952 г.

нашен фирм «Singer sewing machine», импортирующая швейные машины. Эта фирма имеет швейную мастерскую в Аддис-Абебе. В 1918—1935 гг. в стране возникло 64 фирмы, в годы итальянской оккупации (1936—1941) — 31 фирма, в течение десяти лет после освобождения Эфиопии (1942—1950) — 90 фирм². Кроме двухсот фирм в Аддис-Абебе, насчитывается до 150 филиалов фирм и агентств фирм в других населенных пунктах Эфиопии. Подавляющее большинство фирм носит европейское и американское наименование.

Экспортных фирм, которыми владеют помещики и командиры-эфиопы, насчитывается немногим более десяти. 60 импортных фирм, около 80 экспортно-импортных, 50 торгово-промышленных фирм и 2 банка принадлежат иностранцам. Эфиопия покрыта широкой сетью филиалов иностранных фирм, которые разоряют народ. О масштабах американских фирм говорит следующие данные. В Эфиопии сейчас имеется десять американских торговых фирм, нефтяная концессия «Sinclair petroleum Co, Addis-Ababa» с филиалом в Дира-Дауа, авиационная фирма «Ethiopian airlines, Addis-Ababa», филиалы Международного банка реконструкции и развития и Экспортно-импортного банка, имеется также католическая миссия «Catholic Near East welfare association» и тринадцать агентств и учреждений различных департаментов США и Организации Объединенных Наций³, контролирующей экономическую, политическую и культурную жизнь страны.

Экономика Эфиопии носит полуколониальный характер: тяжелой промышленности и машиностроения в стране нет, имеется лишь горнодобывающая промышленность (добыча золота, платины, некоторых минералов), сведений о которой справочник не приводит. Легкая промышленность в стране представлена мелкими обрабатывающими предприятиями местного значения: мельницы, лесопилки, маслобойни, текстильные фабрики, кожевенные и обувные предприятия, спирто-водочные, консервные заводы и т. д. Всех этих предприятий не больше сотни (стр. 202—204). Их техническое оснащение весьма примитивно, общая мощность механических двигателей на этих предприятиях не превышает и семи тысяч лошадиных сил. Шести электростанций Эфиопии с общей проектной мощностью в пять тысяч киловатт явно недостаточно. Единственная железная дорога (Джисбути — Аддис-Абеба) протяженностью в 784 км принадлежит французской фирме. Лишь около 1,5 тыс. км шоссе и дорог пригодны для передвижения автотранспорта в любую погоду. Капиталовложения в промышленность и транспорт составляют 26,5 млн. эфиоп. долл. Рабочий класс малочислен, число рабочих едва превышает 11,5 тыс. чел.

Таков результат «прогресса» Эфиопии в послевоенное десятилетие. Все это — следствие нашествия в страну иностранного капитала, который тормозит национальную промышленность и развитие экономики страны в целом.

Сведений о проектной мощности и объеме валовой продукции предприятий Эфиопии за последние годы нет. Данные же за 1937—1941 гг. (стр. 199—200) свидетельствуют о весьма скромных масштабах этих предприятий и низкой производительности труда на них. В период итальянской оккупации использовалось лишь от $\frac{1}{8}$ до $\frac{1}{2}$ производственной мощности промышленности. Так, предприятия стройматериалов (кирпич, черепица, цементные трубы), производственная мощность которых составила до 3 млн. штук в год, в 1941 г. дали лишь около 1 млн. штук, т. е. три завода работали на $\frac{1}{8}$ своей мощности. Десять мукомольных с ежегодной производительностью в 35 тыс. тонн муки в 1941 г. дали всего 20,5 тыс. тонн. Суточная производительность одной мукомольни до войны составляла 9,75 тонн.

Данные о зарплате рабочих в Эфиопии (стр. 196) говорят о расовой дискриминации в отношении местного пролетариата. В то время как неквалифицированный местный рабочий-строитель получает от 0,6 до 1 эфиоп. долл. в день, а квалифицированный 3—5 долл., рабочий-иностранец получает 20 долл., т. е. в десятки раз больше

² Мы исключаем в это число и фирмы, год основания которых не указан.

³ «A survey of American Interests in the Middle East. Ed by Frances Mattison». Washington, 1953, p. 44.

неквалифицированного и в 5—6 раз больше квалифицированного рабочего-эфиопа. Примерно такое же соотношение в оплате труда рабочего-эфиопа и рабочего иностранца существует и в других специальностях. Наиболее низкооплачиваемые профессии — кочегары, батраки, домашний прислуга — удел лишь эфиопов. Зато имеются профессии, являющиеся привилегией иностранцев.

Анализ материалов справочника по экспортно-импортной торговле Эфиопии также подтверждает, что страна превратилась в аграрно-сырьевой придаток иностранных монополий, в рынок сбыта их товаров и сферу приложения их капитала. Эфиопия вывозит главным образом сельскохозяйственные продукты: кофе, зерновые, бобовые и масличные культуры, а также полуфабрикаты: кожи, шкуры, муку, масло, воск. Ввозит же Эфиопия товары фабричного производства: грубые хлопчатобумажные ткани, пряжу, соль, сахар, мыло, бумагу, нефтепродукты, металлоизделия и т. д. Подавляющую часть импорта составляют хлопчатобумажные и шерстяные изделия (65% стоимости импорта 1945 г. и 48% — 1950 г.), значительное место в импорте страны занимают продукты питания (сахар, консервы, соль), фрукты и вина (11% импорта в 1945 г. и 7% в 1950 г.). Станки и механизмы в импорте стоят на последнем месте (8% в 1945 г., 7% в 1950 г.).

Начиная с 1946 г. Эфиопия имеет пассивный торговый баланс. Это исходит из-за большой зависимости страны от иностранных банков. Пассив торгового баланса Эфиопии составил в 1946 г. 4 млн. долл., в 1947 г. — 10 млн. долл., в 1948 г. — 18 млн. долл. и в 1949 г. — 16 млн. долл.

Ведущее положение в торговле Эфиопии занимают США, Англия и Италия (стр. 117—184). Американский экспорт в Эфиопию составил в 1948—1949 гг.⁴ около 12 млн. долл., а импорт из Эфиопии — 10 млн. долл. Главным торговым конкурентом США — Англии вывозит в Эфиопию товаров на 13 млн. долл., что в два с лишним раза превышает ее импорт из Эфиопии, составляющий 6 млн. долл. Англия ведет такую посредническую торговлю с Эфиопией через свои африканские колонии Аден, Британское Сомали и другие. В 1948/49 г. Эфиопия вывозила в Аден товаров на 18 млн. долл. (стр. 117). Таким образом, общая сумма торговли Англии с Эфиопией значительно превышает американско-эфиопскую торговлю.

Следующими по объему торговли с Эфиопией являются Италия (экспорт — 13,3 млн. долл., импорт — 7,2 млн. долл.) и Индия (10,6 и 1,4 млн. долл. соответственно). Кустарная ткацкая и прядильная промышленность Эфиопии была подорвана потоком иностранных товаров.

Характерными для Эфиопии в послевоенное десятилетие являются публикуемые в рецензируемой книге данные о медицинском обслуживании населения страны. На 16 080 тыс. жителей страны, рассеянных на огромной территории, имеется всего 46 госпиталей с 76 врачами, 3470 коек и 82 медицинских пункта. Все врачи, кроме одного, — иностранцы. Среди них: 38 итальянцев (более $\frac{1}{4}$ всех врачей), 13 австрийцев, 11 американцев, 11 греков и т. д. В Эфиопии имеется постоянная советская медицинская миссия, направленная из Москвы по просьбе правительства Эфиопии. Советская медицинская миссия завоевала огромную популярность среди местного населения. Недостаток медицинского обслуживания населения страны приводит к распространению эпидемий и высокой смертности.

Несмотря на отсутствие многих важных экономических данных и на ориентировочный характер некоторых цифр, справочник все же может служить источником при изучении экономики современной Эфиопии.

Д. Р. Вобликов

⁴ С 10 сентября 1948 г. по 10 сентября 1949 г. (по эфиопскому календарю новый год начинается 10 сентября).

АННОТАЦИИ

АБУ АЛИ ИБН СИНА (АВИЦЕННА). *Канон врачебной науки*, кн. I., Ташкент, Изд-во АН Узбекской ССР, 1954, 549 стр.

Первый том пятитомного издания «Канона врачебной науки», перевод которого на русский и узбекский языки впервые осуществляется Академией наук Узбекской ССР при содействии Академии медицинских наук СССР, открывается предисловием действительного члена Академии медицинских наук СССР В. Н. Терновского и вступительной статьей Б. Д. Петрова «Ибн Сина — творец Канона».

Перевод «Канона» — величайшего памятника среднеазиатской культуры, написанного около 1020 г., предпринят в связи с празднованием в 1952 г., по призыву Всемирного Совета мира, тысячелетия со дня рождения Ибн Сины, выдающегося ученого, врача, философа и поэта.

Во вступительной статье помещен исторический очерк жизни и деятельности Ибн Сины и дается характеристика эпохи, в которую он жил, и окружающей его среды.

Канон начинается с вступления автора. В первом томе четыре части. Часть первая — «Об определении понятия медицины и о физических явлениях, составляющих предмет этой науки» состоит из шести отделов, которые в свою очередь делятся на параграфы. Часть вторая — «О болезнях, об их общих причинах и проявлениях» состоит из трех отделов: «О болезнях», «О причинах (болезни)», «О проявлениях и признаках болезней». В третьей части — «О сохранении здоровья» пять отделов: «О воспитании», «О режиме, общем для людей, достигших возмужалости», «О режиме подвижных в годах», «О режиме тела человека, натура которого несовершенна», «О перемещении мест». Часть четвертой главы, в которой говорится о способах лечения вообще, завершается первым томом.

В томе помещены указатели: предметный, лекарственных средств, имен собственных и географических названий, а также словарь непереводимых терминов и данные о мерах веса.

帝國主義與開採煤礦 魏子初編輯.

Империализм и кайланские угольные копи. Сост. Вэй Цзы-чу. Шанхай, Шаньчжоуго чубаньшэ, 1954, 231 стр.

Книга представляет собой сборник исторических документов, показывающих, как английские монополии в начале XX в. завладели этими крупнейшими в Китае угольными копями. В сборнике содержатся записки Ли Хун-чжана, Юань Ши-кая и других чиновников, договор о продаже копей, примерный устав акционерного общества по эксплуатации копей и другие материалы.

羅爾綱. 志王李秀成傳.

ЛО ЭР-ГАН. Биография Ли Сю-чэна. Нанкин, Цзянсу жэньминь чубаньшэ, 1954, 60 стр.

Автор — известный исследователь тайпинского движения. В книге дается биография одного из видных деятелей тайпинского движения — Ли Сю-чэна.

地主罪惡種種.

Преступления помещиков. Изд. Комитета по проведению аграрных преобразований в Восточном Китае [Шанхай], 106 стр.

Книга содержит богатый фактический материал о различных формах угнетения и эксплуатации крестьян помещиками до освобождения. Очерки и статьи, собранные

в книге, первоначально публиковались в провинциальных газетах Восточного Китая. Книга представляет большой интерес для каждого, кто занимается изучением положения китайского крестьянства до освобождения.

中國農民起義論集.

Сборник статей о крестьянских восстаниях в Китае. Пекин, Ушуньдаи чубаньшэ, 1954, 200 стр.

В книгу включены статьи различных авторов о восстании желтых тюрбанов в Ханьский период, о движении крестьян в период Танской династии, о восстании Хуан Чао, Хан Ли, Сун Цзана и т. д.

日本資本主義講座.

Лекции по японскому капитализму. Токпо, 1954—1955, 11 томов.

Лекции по японскому капитализму — коллективная работа, в написании которой приняло участие свыше двухсот ученых. Основная цель труда — проследить и проанализировать изменения в экономической и политической жизни Японии с момента капитуляции и до 1953 г.

В первом томе («Крах японского империализма») освещаются международная обстановка в период капитуляции Японии, причины и следствие поражения японского империализма во второй мировой войне, сущность и значение политики демократизации страны. Второй том — «От мирного договора до соглашения о взаимном обеспечении безопасности (MSA)». В томе говорится о подготовке и заключении сепаратного мирного договора США с Японией, о революциях, произошедших в ряде стран Азии, о политике Соединенных Штатов, о влиянии войны в Корее на милитаризацию японской экономики. Третий том — «Система управления и политическое движение». В томе рассматривается вопрос об оккупационном режиме, о деятельности политических партий, причем значительное место отведено характеристике деятельности социал-демократии. В четвертом и пятом томах («Изменения в структуре послевоенной экономики») рассматривается вопрос о японском монополистическом капитале и присущих ему противоречиях, показана зависимость японской экономики от иностранного капитала, дана характеристика проведения аграрной реформы, так и не уничтожившей полуфеодальных отношений в японском сельском хозяйстве; освещаются также вопросы внешней торговли и рынков сбыта и описывается финансовое положение страны. Шестой том («Углубление кризиса в экономике») посвящен кризису в промышленности и сельском хозяйстве страны. Седьмой том — «Рабочие и крестьяне». В томе освещается история развития рабочего и крестьянского движения в послевоенный период. Восьмой том — «Жизнь народа и мирная экономика». В этом томе описываются условия жизни рабочих и крестьян, экономическое положение мелкой буржуазии и указывается на падение национального дохода в стране и на попытки развития мирной экономики. Девятый том — «Возрождение милитаризма». В томе говорится о возрождении милитаризма в Японии, о тесной связи его с императорским строем; приводится большой материал о мощном движении народных масс за мир, за запрещение атомного и водородного оружия. Десятый том — «Общие выводы». Здесь внимание исследователей сосредоточивается на следующих проблемах: на подчинении японской экономики иностранному капиталу и роли японских монополистов в этом деле; дается характеристика полуфеодальной системы землевладения и полуоккупационного режима. Одиннадцатый том содержит календарь важнейших событий с момента капитуляции Японии до 1953 г.

PAUL MUS. *Le destin de l'Union Française. De l'Indochine à l'Afrique*. Ed. du Seuil (Collections «Esprit «Frontière ouverte»), Paris, 1954, 357 p.

Поль Мю — французский востоковед, автор сочинений по истории Индии и буддизму. До второй мировой войны Поль Мю возглавлял различные высшие учебные заведения Франции, готовящие востоковедов. В 1945 г. в качестве эмиссара генерала де Голя участвовал в освободительном движении народов Индо-Китая против японской оккупации. В 1945—1947 гг. состоял политическим советником при высших чинах французской армии. С 1946 г. — профессор «Коллеж де Франс». В 1952 г. опубликовал книгу «Вьетнам. Социология войны».

В книге «Судьба французского союза» автор рисует глубокие изменения, произошедшие в жизни народов Индо-Китая за последнее десятилетие. Он с сожалением отмечает потерю Францией ее колониальных владений и ищет путей предотвращения дальнейшего распада так называемого Французского союза. Книга написана острым публицистическим языком, изобилует широкими историческими параллелями и свидетельствует о близком знакомстве автора с культурой и бытом народов Индо-Китая.

В первых двух частях книги («Колониальная политика перед лицом фактов» и «Психология гнева») Поль Мю выступает против зависимости французской колониальной политики от иностранного диктата и критикует старые методы борьбы с освободительным движением колониальных и зависимых народов. Он предлагает ввести более гибкие методы управления в этих странах.

В третьей части («Пути деколонизации») Поль Мю советует политическим деятелям Франции извлечь уроки из войны в Индо-Китае и изменить политику «абстрактного администрирования» во французских владениях в Африке. Он излагает свой проект Французского союза, основанного на новых взаимоотношениях между странами.

Книга Поля Мю представляет известный интерес благодаря богатому фактическому материалу и отдельным метким наблюдениям. Она косвенно свидетельствует о растерянности французских монополий перед растущим национально-освободительным движением колониальных народов.

B. J. MNYANDA. *In search of truth. A commentary on certain aspects of southern Rhodesia's native policy*. Bombay, 1954, 173 p.

Автор 25 лет прожил в Южной Родезии, работая долгое время в департаменте национальных дел и имел возможность собрать интересный материал по национальному вопросу.

В начале книги он пишет, что вопрос о взаимоотношениях между белыми и черными в колониях является очень серьезной проблемой. Справедливое решение этого вопроса обеспечило бы будущее развитие и процветание народов колоний. Европейцы, пишет автор, должны понять, что пора покончить с мнением о превосходстве белых и таким образом найти путь к правильному разрешению национального вопроса. В книге приводятся сведения о географическом положении страны, ее границах, населении, климате и полезных ископаемых. Автор кратко касается истории захвата Южной Родезии Англией. В книге большое внимание уделено сегрегации. Нужды страны требуют прекращения сегрегации, чтобы быстрее покончить с политической и экономической беспомощностью. Подробно в книге разобрана экономическая сегрегация; автор доказывает, что утверждение о неспособности африканцев к интеллектуальной жизни ложно. Автор упоминает о законах и постановлениях, связанных с расовой дискриминацией, о системе оплаты африканских рабочих, об ограничении их передвижения по стране.

Последние главы посвящены просвещению, национальной прессе, характеристике некоторых газет и т. п. В приложениях содержится материал о прожиточном минимуме и о школьном образовании.

СОДЕРЖАНИЕ

Об изучении экономики стран Востока	3
---	---

СТАТЬИ

И. М. Лемин. Политические и экономические изменения на Дальнем Востоке после второй мировой войны	11
В. А. Масленников. Некоторые особенности экономического развития колониальных и зависимых стран в эпоху империализма	31
И. Я. Подкопасс. Десять лет Демократической Республики Вьетнам	43
Ли Вэй-хань. Временное положение о промышленных предприятиях со смешанным управлением	55
Г. Г. Котовский. Аграрные отношения в Индии	66
К. Бейсембиев, Д. Кшибеков, Ш. Тастанов. Абай Кунанбаев — выдающийся казахский просветитель	84
✓ В. П. Старинин. К вопросу о семантическом аспекте сравнительно-исторического метода (изосемантические ряды С. С. Майзеля)	99
✓ Объяснительная записка к проекту упрощения китайского иероглифического письма	112

СООБЩЕНИЯ

И. М. Гольдберг. Индийские журналы Яснополянской библиотеки как один из источников изучения национально-освободительного движения в Индии	116
Р. Т. Азрамович. К положению ремесленного производства в современном Афганистане	131
Л. С. Гамаюнов. Выставка «Культура и искусство Индии»	135

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Дискуссия об экономическом развитии колониальных и зависимых стран в эпоху империализма	138
Заседание исторической секции Ученого совета Института востоковедения совместно с читательским активом и пропагандистами завода «Серп и молот»	146
✓ О. Д. Голубева. Востоковедные фонды Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде	148

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

С. В. Датлин. «Народы Африки». Этнографические очерки	151
✓ М. К. Румицес, А. А. Драгунов. Исследования по грамматике современного китайского языка	159
П. П. Моисеев и Ю. Н. Розалиев. Е. Ф. Лудшувейт. Турция (Экономико-географический очерк)	166
Л. П. Делюсин. Тун Мии. Государственный капитализм в переходный период	172
Г. Д. Тгаай. Антифеодальные крестьянские восстания в период династии Ли	176
В. И. Дануров. Muhammad Jamin. Dipanegara	182
Д. Р. Вобликов. «Economic handbook of Ethiopia»	185
✓ Аннотации	188

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

В. А. МАСЛЕННИКОВ (главный редактор),
Е. Э. БЕРТЕЛЬС, А. А. ГУБЕР, А. М. ДЬЯКОВ,
Е. Ф. КОВАЛЕВ, И. М. ЛЕМИН, М. И. ЛУКЬЯНОВА,
А. Ф. МИЛЛЕР, А. А. ПАШКОВСКИЙ,
Н. Н. ПОЛЯКОВ (зам. главного редактора),
Б. В. РЖЕВИН (отв. секретарь), В. В. СТРУВЕ

Адрес редакции: Москва, Армянский пер., 2. Тел. Б 4-61-23

Т-05951 Подписано к печати 20/IX 1955 г. Формат бум. 70×108¹/₁₆. Бум. л. 6
Печ. л. 16,4 Уч.-изд. листов 17,3 Заказ 1575 Тираж 3500 экз.
2-я типография Издательства Академии наук СССР. Москва, Шубинский пер., 10